1854—1855

ДНЕВНИКЪ

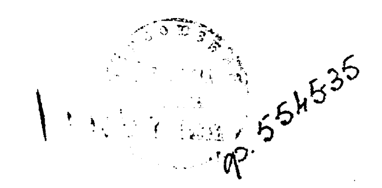
Вѣры Сергѣевны Аксаковой

Редакція и примѣчанія Кн. Н. В. Голицына
и П. Е. Щеголева

С.-Петербургъ
1913

Книгоиздательство „Огни“.

Типографія Б. М. Вольфа, Спб., Невскій, 126 (уг. Сувор пр.).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА АКСАКОВА.

Съ карандашнаго рисунка въ альбомѣ О. Г. Аксаковой (нач. 50-хъ гг.).

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой, дочери автора „Семейной Хроники“ и „Дѣтскихъ Годовъ Багрова-внука“, сестры знаменитыхъ славянофиловъ Константина и Ивана Сергѣевичей Аксаковыхъ, долгое время не могъ быть напечатанъ въ силу цензурныхъ условій и затрудненій и увидѣлъ свѣтъ (съ значительными сокращеніями) только въ 1908 году на страницахъ журнала „Минувшіе Годы“. Въ русской литературѣ мемуаровъ и записокъ дневнику В. С. Аксаковой принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ вышелъ изъ нѣдръ примѣчательнѣйшей русской семьи и является памятникомъ внутренней ея жизни, иллюстраціей своеобразнаго духовнаго и внѣшняго уклада жизни. Дневникъ В. С. идетъ къ намъ отъ достопамятной эпохи подъема русской жизни, эпохи Крымской войны и смѣны царствованій. Съ рѣдкой изобразительностью и проникновенностью рисуетъ В. С. Аксакова тотъ соціально-психологическій кризисъ, который переживался въ эти годы русскими людьми и особенно остро аксаковской семьей. Связи этой семьи съ старымъ укладомъ были крѣпче и интимнѣе, чѣмъ другихъ группъ передовой интеллигенціи. Аксаковымъ было тяжелѣе, чѣмъ кому-либо, осудить старый отживающій

строй, и шедшее отъ нихъ осужденіе звучало особо значительно. Режимъ царствованія Николая Павловича, самая его личность вызывали безудержныя въ своей рѣзкости порицанія, напримѣръ, у Герцена, но самое безпощадное, самое горькое осужденіе Николаю Первому и его режиму принадлежитъ тихой, по христіански настроенной, полной горячаго патріотическаго чувства Вѣрѣ Сергѣевнѣ Аксаковой. „...Всѣ говорятъ, — читаемъ въ ея дневникѣ, — о государѣ Николаѣ Павловичѣ не только безъ раздраженія, но даже съ участіемъ, желая *даже извинить* его во многомъ. Но между тѣмъ всѣ невольно чувствуютъ, что какой-то камень, какой-то прессъ снятъ съ каждаго, стало легче дышать... Ни злобы, ни непріязни противъ виновника этого положенія. Его жалѣютъ, какъ человѣка, но даже говорятъ, что, несмотря на все сожалѣнье объ немъ, никто, если спросить себя откровенно, не пожелалъ бы, чтобы онъ воскресъ... Онъ дѣйствовалъ добросовѣстно по своимъ убѣжденіямъ: за грѣхи Россіи эти убѣжденія были ей тяжкимъ бременемъ!“ Сожалѣніе Вѣры Сергѣевны для памяти Николая Павловича много горше, чѣмъ негодованіе Герцена.

Еще съ одной стороны замѣчателенъ дневникъ В. С. Аксаковой. Отражая ярко и полно своеобразную и привлекательную личность автора, дневникъ позволяетъ вписать новую страницу въ исторію русской женщины.

Ольга Григорьевна Аксакова, родная племянница Вѣры Сергѣевны, сообщаетъ слѣдующую характеристику автора.

„Вѣра Сергѣевна была самая старшая изъ дочерей Сергѣя Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковыхъ; старше ея изъ дѣтей былъ только Константинъ Сергѣевичъ. Потому и воспитаніе ея отдѣляется отъ воспитанія остальныхъ дочерей; оно болѣе серьезно, болѣе подходитъ къ воспитанію братьевъ. Въ то время, какъ во всѣхъ

письмахъ родителей Константинъ и Вѣра обособляются отъ другихъ, остальныя дочери упоминаются по большей части подъ какимъ-нибудь общимъ именемъ, въ родѣ „и всѣ мои душеньки“. Или при поименномъ перечисленіи пишутся имена другихъ безъ всякихъ эпитетовъ, про Вѣру же всегда говорится „мой другъ Вѣра“, „моя умница Вѣра“ и т. д. Вѣра Сергѣевна была богато одаренная натура: она могла многое понимать, была образована, прекрасно рисовала карандашомъ и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтаціи, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность къ мистицизму и философіи. Но изъ того, что Вѣра Сергѣевна занимала у родителей какое-то особое почетное мѣсто, никакъ нельзя заключить о столь обычномъ у родителей предпочтеніи одного ребенка другимъ. Сергѣй Тимофеевичъ обладалъ способностью безпристрастно цѣнить своихъ дѣтей и отдавалъ каждому должное. Вѣра Сергѣевна была исключительнымъ явленіемъ даже и въ этой особо талантливой семьѣ. Она рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ индивидуальность, какъ чрезвычайно обаятельное существо въ то время, какъ остальныя дочери—всѣ вмѣстѣ и каждая отдѣльно—составляли только *семью*. Всѣ были религіозны, но она жила религіей, горѣла вѣрой и любовью къ Богу, но въ ней это не носило печати особой серьезности и скуки. Эта жизнь проходила гдѣ-то внутри ея, а въ жизни она была—ребенкомъ съ дѣтьми, веселая дѣвушка съ своими подругами, понимающій братъ—для братьевъ, отзывчивый другъ для всѣхъ и каждаго“.

Вѣра Сергѣевна родилась 7 февраля 1819 года, умерла 24 февраля 1864 года и погребена рядомъ съ своими родителями въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ. Она пережила отца, мать и многолюбимаго своего брата Константина Сергѣевича.

Сохранилось слѣдующее предсмертное письмо Вѣры Сергѣевны къ другу сердца Машенькѣ Карташевской, ея двоюродной сестрѣ.

„Милый другъ мой Машенька, другъ всей моей жизни, не скорби слишкомъ обо мнѣ, душа моя. Я столько страдаю, что Господь милостивъ, что избавляетъ меня отъ страданій, ты порадуйся со мною, что я вчера въ свѣтлой радости сподобилась пріобщиться Святыхъ Его Тайнъ; какого блаженства можетъ человѣкъ желать болѣе!—Не скорби, другъ мой милый, что ты не навѣстила меня; что дѣлать, обстоятельства такъ сложились, что помѣшали тебѣ. Въ твоей любви, въ твоей нѣжной дружбѣ могу ли я сомнѣваться послѣ всѣхъ тѣхъ радостей дружбы, которыми ты наполнила жизнь мою. Обнимаю тебя, душа моя, да благословитъ тебя Господь. Милую мою дорогую тетеньку, которую вдвойнѣ люблю, крѣпко цѣлую. Всѣхъ благодарю за дружбу и участіе, тебя же, другъ мой милый, всѣмъ сердцемъ обнимаю, другъ твой и сестра Вѣра".

Въ настоящемъ изданіи дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой печатается по подлинной рукописи, предоставленной въ распоряженіе редакціи Ольгой Григорьевной Аксаковой. Такимъ образомъ, явилась возможность исправить неточности и возстановить всѣ пропуски, сдѣланные при печатаніи дневника въ журналѣ „Минувшіе Годы".

Къ дневнику приложены отрывки изъ записокъ В. С. Аксаковой о смерти Гоголя, появившіеся въ печати въ 1908 году („Минувшіе Годы", книга 7).

Портреты В. С. Аксаковой и ея родителей—Сергѣя Тимофеевича и Ольги Семеновны—воспроизводятся впервые. Первый портретъ Вѣры Сергѣевны (помоложе) взятъ

изъ того альбома, который былъ предназначенъ первой внучкѣ С. Т. Аксакова, Ольгѣ Григорьевнѣ, и въ которомъ всѣ члены аксаковской семьи оставили память о себѣ. Портретъ В. С. сдѣланъ карандашомъ, въ началѣ 50-хъ годовъ. Портретъ С. Т. Аксакова зарисованъ Э. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ альбомѣ А. П. Елагиной 23 мая 1848 года.

Портреты В. С. Аксаковой (постарше) и О. С. Аксаковой воспроизведены съ фотографій, принадлежащихъ О. Г. Аксаковой.

Факсимиле представляетъ первую страницу дневника В. С. Аксаковой.

Ноябрь

14. Воскресенье. Сегодня я не была у обедни, потому что ездила вчера, а сегодня ездили сестры. — Почту привезли рано; кроме газет три письма: от Гриши, от Хлопонова и совершенно неожиданно от Смирновой. Известий из Крыма никаких особенных, кроме того что 2 нояб. была буря и корабли неприятельские пострадали. Маменька слышала в Хотькове будто бы в город. Мос. 12 числа было напечатано известие о сильном нашем поражении, но это не может быть, иначе в Моск. Вед. должно уже было быть перепечатано. Смирнова также пишет, что ходят какие-то неблагоприятные слухи; может быть они оправдаются наши предчувствия, но еще известий невозможно было получить. Что-то Бог даст, какие бы ни были известия, все же они нас взвол-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ДНЕВНИКА В. С. АКСАКОВОЙ.

1854 годъ.

Абрамцево [1], *ноября 14, воскресенье.* Сегодня я не была у обѣдни, потому что ѣздила вчера, а сегодня ѣздили сестры.—Почту привезли рано,—кромѣ газетъ, три письма—отъ Гриши, отъ Хлѣбникова [2] и совершенно неожиданно отъ Смирновой [3].

Извѣстій изъ Крыма никакихъ особенныхъ, кромѣ того, что 2 ноября была буря и корабли непріятельскіе пострадали. Маменька слышала въ Хотьковѣ, будто бы въ „Городскомъ Листкѣ" 12-го числа было напечатано извѣстіе о сильномъ нашемъ пораженіи, но это не можетъ быть: иначе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" должно уже было быть перепечатано. Смирнова также пишетъ, что ходятъ какіе-то неблагопріятные слухи; можетъ быть, они оправдаются, какъ предчувствія, но еще извѣстій невозможно было получить. Что-то Богъ дастъ! Какія бы ни были извѣстія, все же они намъ возвѣстятъ страшное кровопролитіе, иначе быть не можетъ, ни намъ, ни врагамъ нашимъ

---

[1] Абрамцево—подмосковная Аксаковыхъ, въ которой они проводили зиму 1854—1855 года. Не было только Григорія Сергѣевича, который въ концѣ 1854 г. получилъ мѣсто въ Самарѣ и уѣхалъ туда. Иванъ Сергѣевичъ 18 ноября вернулся въ Абрамцево изъ своего путешествія по Малороссіи, куда онъ за годъ до этого былъ командированъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ для изученія малороссійскихъ ярмарокъ. Семья состояла изъ дочерей Вѣры, Надежды, Любви и больной Ольги.

[2] Очевидно, Петръ Вас. Хлѣбниковъ, почетн. гражд. г. Ярославля, тамошній именитый человѣкъ. Когда Ив. Серг. Аксаковъ работалъ въ Ярославлѣ въ комиссіи о бродягахъ, Хлѣбниковъ сошелся съ нимъ, а потомъ принималъ и семью Аксаковыхъ въ своемъ домѣ.

[3] Смирнова, Александра Осиповна,—извѣстная фрейлина двора имп. Николая I; другъ или хорошая знакомая плеяды нашихъ писателей: Гоголя, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Аксаковыхъ и др.; авторъ „Записокъ". Нѣкоторая часть ея переписки съ Аксаковыми напечатана въ „Русскомъ

отступить нельзя. Сердце сжимается, какъ подумаешь объ этомъ ужасномъ истребленіи людей, объ этихъ страшныхъ человѣческихъ страданіяхъ. И какъ больно, и тяжело, и обидно думать,

---

Архивѣ" 1896, I (1), 142 сс. [Одно изъ писемъ С. Т. Аксакова отъ 28 марта 1852 года почему-то напечатано во 2-й разъ въ томъ же „Русск. Арх." 1905, III (9), 210—212]. Письма Смирновой къ И. С. Аксакову напечатаны въ „Русск. Арх." 1895, III (12), 423—480. Письмо, о полученіи котораго записала въ дневникѣ Вѣра Сергѣевна, не напечатано, но отвѣтъ на него С. Т. имѣется въ „Русск. Арх.", 1896, I (1), 156—158). Не лишнее привести выдержку изъ этого письма, которая послужитъ введеніемъ къ самому дневнику. „Исполняю ваше желаніе и разскажу вамъ краткую повѣсть о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Мы по прежнему живемъ постоянно въ Абрамцевѣ; нѣкоторые продолжаютъ похварывать, остальные здоровы. Я часто хвораю и крѣпко старѣю, хотя стараюсь бодриться, пишу, а съ тѣхъ поръ, какъ не видѣлся съ вами, написалъ очень много; кое-что напечаталъ даже въ „Москвитянинѣ". Я пишу мою семейную хронику и мои личныя воспоминанія. По несчастному положенію нашей цензуры, и половины нельзя будетъ напечатать того, что мной написано; это меня огорчаетъ, потому что я получилъ вкусъ къ похваламъ и сочувствію, съ которыми было встрѣчено все напечатанное мною. Я не стану вамъ разсказывать, что дѣлаетъ въ деревнѣ мое семейство; вамъ хорошо извѣстны элементы нашей духовной жизни, и потому вы хорошо знаете, какъ мы всѣ проводимъ время и какъ будутъ проводить его всѣ, когда будутъ принуждены догадаться, что надо жить въ деревнѣ. Вы очень вѣрно поняли тревогу въ мирномъ Абрамцевѣ. Да мы находимся теперь въ исключительномъ положеніи. Мы погружены въ безотрадное горе и въ тревожное ожиданіе новыхъ печальныхъ явленій нашего безысходнаго положенія. Много великихъ событій совершилось на моей памяти (я помню, какъ возникалъ Наполеонъ); но ни одно такъ не волновало меня, какъ настоящее или, лучше сказать, грядущее событіе. Самое тяжелое въ нашемъ положеніи—неизвѣстность, туманъ, который насъ окружаетъ. Что мы такое? Чего хотимъ, за кого стоимъ? Никто не знаетъ. Въ 12-мъ году было выставлено знамя, было сказано, что мы не положимъ меча до тѣхъ поръ, покуда хотя одинъ непріятель будетъ оставаться на землѣ нашей, что мы не уступимъ ни одного вершка этой земли. Итакъ дѣло было ясно. А теперь что? Но я оставляю этотъ предметъ, о которомъ надо говорить много или ничего. Я и теперь боюсь, не сказалъ ли я чего-нибудь лишняго, что будетъ вамъ прочесть непріятно. Я разстроенъ не только духомъ, но и тѣломъ; нервы мои напряжены и раздражены, и я захварываю отъ каждаго извѣстія изъ Крыма. Какъ я радъ теперь, что живу въ деревнѣ: я не слышу и не вижу того, что вы видите и слышите. Конечно, въ Москвѣ не то, что въ Петербургѣ, но довольно гадко, какъ вы сами сказали. Все сказанное вами въ письмѣ очень вѣрно и справедливо. Но не можетъ ли живое начало само собой выйти на сушу, и не сдѣлаемся ли тогда всѣ мы невольно, безсознательно его вѣрными исполнителями? Не слышно ли и въ настоящихъ событіяхъ шага исторіи? Константинъ давно уже сказалъ въ какихъ-то шуточныхъ стихахъ:

„Событій полны времена
И слышенъ шагъ исторіи".

что часто наше храброе войско погибаетъ отъ непростительной оплошности начальника, какъ напр. этотъ Данненбергъ [1], который, по его собственному донесенію, какъ онъ ни старался представить его въ другомъ видѣ, кругомъ виноватъ въ той гибели нашего войска, которой они подверглись въ послѣднемъ дѣлѣ при вылазкѣ 25 октября. Данненбергъ очевидно опоздалъ, а про редуты, которые онъ заставилъ строить подъ страшнымъ огнемъ непріятельскимъ, онъ не упоминаетъ, хотя Меньшиковъ объ этомъ донесъ въ первомъ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ [2].

Но что намъ печатаютъ за донесенія Меньшикова! Это возмутительно читать! Изъ нихъ дѣлаютъ такія сокращенныя извлеченія въ строчекъ пять, такъ что рѣшительно не можешь себѣ составить настоящаго понятія. Это уже слишкомъ пренебрежительно или даже злонамѣренно. Кажется, нарочно хотятъ насъ оставить въ неизвѣстности, въ страхѣ; все дурное намъ сейчасъ выставляютъ на видъ, а о болѣе утѣшительныхъ подробностяхъ умалчиваютъ, вѣроятно для того, чтобы насъ приготовить къ необходимости мира, какъ единственной возможности прекратить эти ужасы. Я убѣждена, что Нессельроде [3] старается объ этомъ. Не даромъ также напечатано въ „Новой Прусской газетѣ“ письмо русскаго, присланное изъ Петербурга, въ которомъ есть такая фраза: „что намъ нѣтъ спасенія отъ каленыхъ ядеръ въ Севастополѣ“. Для чего именно выбрать такое письмо, въ которомъ указывается на то, какимъ образомъ могутъ намъ нанести враги наши наибольшій вредъ, какъ не съ намѣреніемъ, чтобъ они воспользовались этимъ указаніемъ! Другое дѣло, если бъ у насъ печатался цѣлый рядъ писемъ о Севастополѣ, въ которыхъ бы толковалось и объ успѣхѣ и неуспѣхѣ, но напечатать одно такое письмо, это ужъ слишкомъ странно, — и я просто обвиняю Нессельроде въ злоумышленности, какимъ бы то ни было способомъ, принудить насъ хотя къ постыдному миру. Смирнова пишетъ, что ходятъ слухи о мирныхъ переговорахъ,

---

[1] Петръ Андр. Данненбергъ, генералъ, получившій печальную извѣстность въ Инкерманскомъ сраженіи, послѣ котораго онъ назначенъ былъ членомъ военнаго совѣта.

[2] Князь А. С. Меньшиковъ, неудачный главнокомандующій русскихъ войскъ, замѣненный впослѣдствіи кн. Горчаковымъ.

[3] Министръ иностранныхъ дѣлъ, руководитель внѣшней политики въ царствованіе имп. Николая I.

а между тѣмъ Пальмерстонъ поѣхалъ къ императору Францу, чтобы уговорить его послать 100-тысячную армію къ Перекопу, чтобъ отрѣзать намъ всякое сообщеніе и завладѣть Крымомъ, какъ Мальтой.—Что-то будетъ! Да смилуется Богъ надъ нами!—

Смирновой письмо умно, дружественно и въ самомъ благонамѣренномъ духѣ. Она говоритъ: [1]

Какія времена! Совершаются судьбы Божіи надъ народами. Но мы противимся судьбамъ святымъ надъ нами, да не покараетъ насъ Богъ за то; но народъ не виноватъ, что правительство противъ его желанія такъ поступаетъ, или, можетъ быть, народъ всегда виноватъ, если у него такое правительство. Справедливы стихи Хомякова [2], теперь они еще болѣе оправдались. Гдѣ же покаяніе, возможно ли оно, или можетъ быть нужны, въ самомъ дѣлѣ, страшныя испытанія, чтобъ Русская земля очистилась? Куда ведетъ насъ Божья воля? Страшно. Если и настанетъ, наконецъ, свѣтлый день, то черезъ что должны пройти люди? Господь да свершитъ святыя судьбы свои въ милости и да укрѣпитъ людей своихъ на пути испытанія и да узримъ мы день спасенія!

15 ноября. Чтенія у насъ вовсе нѣтъ вотъ уже нѣсколько времени, и мы пробавляемся старыми книгами, читаемъ теперь походъ 13-го года Бутурлина [3].

Смирнова пишетъ, что Батюшковъ совершенно исцѣлился, пришелъ въ себя послѣ 30-лѣтняго сумасшествія и теперь читаетъ донесенія изъ Крыма и слѣдитъ на картѣ. Невѣроятно почти; мы праздновали его возрожденіе чтеніемъ его стиховъ, изъ которыхъ нѣкоторые особенно восхищали насъ. Славу Богу, если то правда, что онъ исцѣлился, каково должно быть его впечатлѣніе,—очнуться послѣ столькихъ лѣтъ! [4]

Сегодня маменька опять была у обѣдни въ Хотьковѣ, опять тамъ слышала тѣ-же слухи, только еще съ подробностями, будто избіеніе было страшное; два раза били отбой, наши войска не

[1] Далѣе въ подлинникѣ пропускъ въ нѣсколько строкъ, очевидно, оставленный для помѣщенія выдержки изъ письма Смирновой.

[2] Извѣстные стихи А. С. Хомякова „Къ Россіи“: Тебя призвалъ на брань святую... и т. д. Строфы о покаяніи: „О, недостойная избранья, Ты избрана Скорѣй омой себя водою покаянья, Да громъ двойного наказанья, Не грянетъ надъ твоей главой“...

[3] „Картины осенняго похода 1813 года въ Германію“ Бутурлина.

[4] Слухъ о выздоровленіи душевно-больного съ давнихъ поръ поэта К. Н. Батюшкова не оправдался.

хотѣли отступать; что потеря была ужасная, съ нашей стороны 360 однихъ офицеровъ, но непріятельская армія еще болѣе потерпѣла и совершенно притиснута нами къ морю. Поскольку справедливы эти слухи, трудно рѣшить; по всему кажется, что извѣстія еще не могли дойти, но всего вѣроятнѣе, что тамъ происходило или происходитъ подобное кровопролитіе. Народъ же, можетъ-быть, чуетъ это..

Что-то принесетъ намъ почта? Завтра газетъ не будетъ, но не будетъ-ли письма? Впрочемъ, Ефимъ посланъ въ Москву и вѣроятно, знакомые наши будутъ писать съ нимъ. Что-то Богъ дастъ?

16 ноября. Сегодня привезли съ почты два письма, одно изъ деревни, другое отъ Ивана, послѣднее гдѣ-то гуляло двѣ недѣли. Иванъ пишетъ между прочимъ, что скоро пріѣдетъ [1]. Какое-то будетъ свиданіе? Дай Богъ, чтобъ по крайней мѣрѣ обошлось безъ волненій, и наша семейная мирная жизнь не была бы нарушена. Политическихъ извѣстій никакихъ; видно, хотьковскіе слухи, какъ и всегда впрочемъ бываетъ, совершенный вздоръ. Иванъ пишетъ, какъ слухъ, что великіе князья скупаютъ по 6 цѣлковыхъ штуцера иностранные и формируютъ штуцерные батальоны. Говорятъ, въ Петербургъ провезли бомбу или пулю, пролетѣвшую между великими князьями и ранившую флигель-адъютанта Альбединскаго, за что они получили Георгія [2]. Да Богъ съ ними, пусть получаютъ и двадцать Георгіевъ, да только не мѣшаютъ нашимъ войскамъ на сраженіяхъ! Лучше бы, если бъ они оттуда уѣхали: конечно, ихъ должны тамъ оберегать и пожертвуютъ для спасенія ихъ тысячами людей.

Въ домѣ у насъ наконецъ тепло, степлѣло на дворѣ. Вечеромъ дочитали Бутурлина; онъ оканчиваетъ замѣчательной фразой, которую бы, конечно, не пропустила современная цензура. Константинъ прочелъ намъ свои стихи, недавно имъ написанные; прекрасные, особенно послѣднія строфы, но ихъ распространять не должно. Страшныя рѣчи и мысли высказываются. Что-то будетъ! Господь да помилуетъ насъ!

---

[1] Это письмо изъ Харькова отъ 2—3 ноября напечатано въ книгѣ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. I, томъ 3. М. 1892, стр. 99.

[2] Дѣйствительно, П. П. Альбединскій (1826—1883), скончавшійся въ званіи генералъ-адъютанта, а во время Крымской кампаніи полковникъ, былъ контуженъ подъ Аккерманомъ и, получивъ золотой палашъ „за храбрость“, оставилъ армію.

17 ноября. Къ обѣду пріѣхалъ Гиляровъ [1], сообщилъ много новостей изъ Москвы, откуда онъ только что вернулся. Новости всѣ—наводящія уныніе. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, какъ какое-то извѣстное лицо, лѣтъ 20 тому назадъ, представило два ящика свинцу съ объясненіемъ, что разработка его около Тифлиса доставила бы намъ возможность не только снабжать имъ себя, но и Европу; какъ другое лицо послѣ путешествія заграницу представило свѣдѣнія о превосходномъ вооруженіи англичанъ. Ящики и теперь, вѣроятно, не распечатаны, а свѣдѣніе не прочтено. Слухи объ Меньшиковѣ неутѣшительны. Изъ Севастополя пишутъ, что онъ совершенно потерялся и хотѣлъ бросить и городъ и флотъ на жертву непріятеля, и если бъ непріятель напалъ тогда на Севастополь, онъ былъ бы взятъ безъ бою. Но Богъ не допустилъ этого; непріятель потерялъ время, неизвѣстно почему. Наши моряки дѣлаютъ чудеса въ Севастополѣ. Говорятъ о какой-то медали, вѣроятно, пущенной въ ходъ какимъ-нибудь полякомъ: на одной сторонѣ ея крестьянинъ съ бородой держитъ въ рукѣ бритую голову и буквы С. Т., на другой одноглавый орелъ и буквы А. Д. Лорда Дункельна [2] отпустили въ Англію; отчего такая любезность, или лучше подлость, передъ врагомъ? Почему-же наши плѣнные остаются въ чужой землѣ? Запрещено печатать что-либо, даже акты и документы, касающіеся до смутнаго времени Россіи, также все относящееся до быта русскаго народа, даже собранія преданій, пѣсенъ и т. д. Неужели они думаютъ такими мѣрами остановить смуты!..

Гиляровъ — человѣкъ очень умный и замѣчательный; его разсказы чрезвычайно интересны; онъ знаетъ жизнь съ такихъ сторонъ, какія мало извѣстны между нами. Онъ обѣщалъ прочесть свои записки. Но личность его какъ-то дѣлаетъ тяжелое и постоянно унылое впечатлѣніе, и въ характерѣ его есть черты не очень пріятныя. Положеніе его, какъ лица, вышедшаго изъ духовнаго званія и постоянно находящагося подъ гнетомъ духовной власти, давящей всякое свободное движеніе жизни въ душѣ человѣка, весьма тягостное.

---

[1] Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, публицистъ (1824—1887), кончилъ въ 1848 г. курсъ въ Московской Духовной Академіи, былъ доцентомъ, въ 1854 г. вышелъ изъ духовнаго званія и нѣкоторое время былъ цензоромъ въ Москвѣ. Съ конца 1867 г. и до самой смерти издавалъ „Современныя Извѣстія". Былъ ревностнымъ сотрудникомъ журналовъ И. С. Аксакова.

[2] Англійскій посолъ.

18 ноября. Сегодня мы всѣ встали ранѣе обыкновеннаго, чтобъ получить раньше почту. Писемъ было много. Получены газеты, и въ нихъ подтвержденіе извѣстія, сообщеннаго Гиляровымъ, что непріятельскихъ судовъ 2 ноября погибло не 8, а 25; что много обломковъ кораблей, и людей, и лошадей выкидываетъ на берегъ; что англійскія баттареи едва дѣйствуютъ; что мы заняли какой-то мысъ. Эти извѣстія насъ порадовали, но какъ только мы начали читать письма М. Карташевской [1] изъ Петербурга, мы были поражены извѣстіемъ, что хотятъ заключить миръ съ Австріей и принять 4 постыдныя условія [2]. Мы всѣ были поражены и взволнованы этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, продолжали читать письмо среди восклицаній отчаянія, какъ вдругъ послышался какой-то шумъ и взошелъ Иванъ. Тутъ новое волненіе и движеніе; всѣ вскочили, стали здороваться; отесенька и маменька даже разстроились. Начались разные толки и разсказы съ обѣихъ сторонъ. Вслѣдъ за тѣмъ воротился посланный нашъ изъ Москвы и привезъ много журналовъ и кучу писемъ, большею частью все подтверждающихъ уже извѣстныя намъ извѣстія. Въ чтеніи писемъ, газетъ, толкахъ и разговорахъ съ Иваномъ прошелъ весь день, слава Богу, благополучно; часто казалось, что дѣйствуешь во снѣ. Оно и лучше, что свиданіе произошло среди такой суеты и волненія посторонними предметами. Дай Богъ, чтобъ все было хорошо.

19 ноября. Утро мы провели въ разговорахъ, въ чтеніи журнала одного камеръ-юнкера Чарыкова изъ Севастополя [3]; очень просто написано и съ несомнѣнной печатью правды.

Воротились съ почты, привезли два письма отъ тетеньки Надежды Тимофеевны съ вложеніемъ копіи письма Николая Карташевскаго изъ Севастополя. Они ждутъ съ нетерпѣніемъ гене-

---

[1] Сестра Ст. Тим. Аксакова, Надежда Тимофеевна, была замужемъ за Гр. Ив. Карташевскимъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ ихъ дочери. Сынъ ихъ Николай былъ на войнѣ.

[2] Дипломаты выработали въ ноябрѣ 1854 г. слѣдующіе четыре пункта, принятіе которыхъ дѣлало возможнымъ начало переговоровъ о мирѣ: 1) русское покровительство надъ Дунайскими княжествами прекращается; 2) судоходство по Дунаю свободно, 3) прежніе договоры пересматриваются; 4) христіане Порты находятся подъ общимъ покровительствомъ державъ.

[3] Рѣчь идетъ очевидно о дневникѣ Валер. Ив. Чарыкова (1818—1884 камеръ-юнкера съ 1848 г. Чарыковъ былъ полевымъ почтъ-директоромъ. Дневникъ его до сихъ поръ не изданъ.

ральнаго сраженія: всѣмъ надоѣла постоянная бомбардировка. Непріятель укрѣпляетъ себя съ фланга.

Константинъ съ Иваномъ постоянно разговариваютъ. Константинъ такъ добръ, что, кажется, все забылъ; но какъ бы изъ этого не вышло вреднаго недоразумѣнія, которое кончится все-таки непріятностями. Ихъ разговоры касаются болѣе общихъ вопросовъ, особенно, разумѣется, настоящаго положенія дѣлъ въ Россіи. Всѣ согласны, что кризисъ внутренній неизбѣженъ, но какъ и когда онъ будетъ, никто не можетъ рѣшить. Онъ не зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ или даже отдѣльныхъ сословій: только самъ народъ можетъ его произвести, а что можетъ пробудить народъ отъ такого долгаго усыпленія, конечно, никто не знаетъ. Константинъ самъ думаетъ, что только страшныя бѣдствія въ состояніи подвигнуть народъ и вызвать его спящія силы; и кажется, Божьи судьбы ведутъ насъ къ тому. Само правительство слѣпо старается объ этомъ, но страшно подумать объ этомъ грядущемъ времени. Черезъ что должны пройти люди! Что-то будетъ! Въ настоящую минуту нѣтъ человѣка довольнаго во всей Россіи. Вездѣ ропотъ, вездѣ негодованіе! Раскольники ожесточены до крайности, — закрыли Преображенское и Рогожское кладбища, запрещено раскольниковъ принимать въ купцы и т. д. Одинъ знакомый намъ раскольникъ, купецъ, сказалъ: „мы подождемъ, да и рѣшимся на что-нибудь!“ Служеніе молоху, какъ выражаются нѣкоторые, перешло всякую мѣру; душегубство есть единственная цѣль нашего правительства. Всякая мысль, всякое живое движеніе преслѣдуется, какъ преступленіе; самая законная, самая умѣренная жалоба считается за бунтъ и наказывается.

Вечеромъ мы читали „Записки театрала“ Жихарева, вызванныя воспоминаніями отесеньки объ Шушеринѣ и т. д. [1]. Явно, что въ немъ есть какое-то злое намѣреніе противорѣчить отесенькѣ. Онъ и начинаетъ съ того, но въ результатѣ выходитъ, что онъ самъ то же самое говоритъ. Подробныхъ свѣдѣній много, предметъ могъ бы быть очень занимателенъ, но, какъ

---

[1] Статья С. Т. Аксакова „Я. Е. Шушеринъ“ была напечатана въ „Москвитянинѣ“ (1854, №№ 10—11) и вызвала нѣкоторыя опроверженія въ „Воспоминаніяхъ стараго театрала“ С. И. Жихарева (Отеч. Зап. 1854, окт.). По поводу ихъ С. Т. напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ возраженіе „Нѣсколько словъ“ о статьѣ Жихарева“.

сказали въ „Современникѣ“, Жихаревъ не возбуждаетъ никакого сочувствія къ тому, что пишетъ.

За чаемъ и послѣ него долго разговаривали мы съ Иваномъ, или—лучше—онъ намъ разсказывалъ о Малороссіи. Много интереснаго, умныхъ замѣчаній, но между тѣмъ часто что за поверхностный взглядъ, что за неосновательныя сужденія! Я даже ему это сказала. Надобно, однако, быть осторожнѣй, чтобъ не запутаться въ преніяхъ; лучше прималчивать, а то какъ разъ скажешь что-нибудь лишнее, натолкнешься на такой предметъ, о которомъ должно молчать,—невольно выходятъ намеки.

20 ноября. Все еще продолжаются разные разговоры; сегодня утромъ читалъ Иванъ малороссійскія пѣсни. Прелесть, какъ хороши нѣкоторыя! За завтракомъ мы опять было схватились, но я замѣчаю, что онъ не позволяетъ себѣ пускаться въ споры: это не даромъ. Можетъ быть, онъ даже оскорбился моими словами; впередъ этого не должно быть. Маменька и сестры поѣхали къ Троицѣ, погода прекрасная, и дорога также. Послѣ обѣда много говорили. Константинъ добродушно все разсказываетъ, забывая даже, какое впечатлѣніе производятъ его разсказы на его слушателя. Иванъ говорилъ о томъ, что онъ по своимъ дѣламъ службы часто сталкивается съ людьми разныхъ образованій, или вовсе безъ образованія, находящихся на гораздо низшей ступени всякаго развитія; что именно этихъ людей надобно спасать отъ тьмы, ихъ постепенно поглощающей; часто они сами тоскуютъ и не знаютъ, какъ спастись. Упрекалъ слегка насъ, особенно Константина, что онъ слишкомъ исключителенъ и готовъ осудить человѣка, если онъ хвалитъ Петербургъ и т. д. Я ему нѣсколько возражала: что касается до насъ, это несправедливо. Потомъ мы читали критику на „Опытъ біографіи Гоголя“ [1].

21 ноября. Мы были у обѣдни, пріѣхали во время покрыванья, т. е. обряда полупострига; Шаб., молодая хорошенькая дѣвушка, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на этотъ обрядъ: она сама хочетъ вступить въ монастырь, неизвѣстно — вслѣдствіе какихъ причинъ. Послѣ обряда она сказала съ радостнымъ лицомъ: „кончилось обрученье“. Кто знаетъ, можетъ

---

[1] Написанный П. А. Кулишемъ „Опытъ біографіи Гоголя“ появился въ 1854 г. въ „Современникѣ“. Тамъ же была напечатана и статья Лонгинова по поводу „Опыта“ Кулиша. О ней-то, по всей вѣроятности, и идетъ тутъ рѣчь.

быть, и въ самомъ дѣлѣ коснулась души ея та простая, истинная любовь къ Богу, предъ которой блѣднѣютъ всѣ блага жизни. Такая любовь, такое стремленіе по настоящему весьма естественны въ человѣкѣ, и только испорченность нашей природы, искаженіе нашего разумѣнія дѣлаютъ ихъ рѣдкими и странными для насъ явленіями. За обѣдней пріобщались—игуменья, ея дочь Еллинская и внучка Шаб. и почти всѣ монахини. Видъ столькихъ женщинъ, хотя, конечно, грѣшныхъ, но все-же посвятившихъ себя Богу и пріобщающихся Ему въ эту минуту, производилъ особенное впечатлѣніе. Мы простились послѣ обѣдни съ Еллинской, которая должна скоро ѣхать; воротились домой уже въ часъ. Маменька съ сестрами воротились отъ Троицы часа въ три, привезли газеты и два письма—отъ С. Погодиной [1] и отъ Княжевича [2]. Новостей особенно никакихъ. Данненбергъ отставленъ. Къ обѣду пріѣхалъ священникъ съ женой, послѣ обѣда читали кое-что, начали читать объ Суворовѣ.

22 ноября. Въ понедѣльникъ писали письма, вечеромъ продолжали читать о Суворовѣ.

23 ноября, вторникъ. Не ожидали писемъ, однако-жъ получили письмо отъ Погодина, только что возвратившагося изъ Петербурга. Онъ очень доволенъ своей поѣздкой, пріемомъ великихъ князей и, вообще, настроеніемъ духа въ Петербургѣ. Чуть ли онъ не ошибается въ послѣднемъ! Можетъ быть, нѣкоторые и прикинулись при немъ руссофилами [3]. Погодинъ хочетъ самъ заняться „Москвитяниномъ“ и зоветъ всѣхъ къ содѣйствію. Письмо отъ Гильфердинга [4] также сообщаетъ довольно пріятное извѣстіе объ отраженіи непріятельскихъ кораблей отъ крѣпости Петропавловской въ Камчаткѣ. Гильфердингъ собирается къ Новому году въ Москву и къ намъ. Погодинъ получилъ, какъ видно, порученіе написать для Норова, министра просвѣщенія, отчетъ о состояніи просвѣщенія, учебныхъ заведеній и т. д.—

---

[1] Дочь историка М. П. Погодина.

[2] Д. М. Княжевичъ, бывшій въ это время одесскимъ попечителемъ, былъ старымъ и вѣрнымъ другомъ С. Т. Аксакова.

[3] Въ отвѣтъ на письмо Погодина С. Т. Аксаковъ писалъ: „Вы что-то слишкомъ хвалите Петербургъ: ужъ не подольстился-ли онъ къ вамъ зміемъ искусителемъ“. (Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 175).

[4] Гильфердингъ, Александръ Ѳедоровичъ, извѣстный славистъ, воспитавшійся въ славянофильскихъ кружкахъ, окончилъ курсъ въ Моск. Унив. въ 1852 г. Отецъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Тема обширная; какъ-то онъ ею воспользуется! Конечно, она будетъ безъ результата въ министерствѣ, но хорошо, по крайней мѣрѣ, что будетъ написана и пойдетъ по рукамъ, какъ и его политическія письма, которыя пріобрѣли ему *народность* [1] и всеобщее уваженіе. Вечеромъ мы читали „Записки Студента“ [2]. Очень интересно и живо написано, видно, что это въ самомъ дѣлѣ записано въ самую минуту событій того времени.

24 ноября. Утромъ читала я *Повѣсть о Малороссійскомъ Народѣ* [3]. Сильно возбудительная вещь. Все, каждое слово проникнуто однимъ духомъ! А между тѣмъ нельзя не видѣть всѣхъ винъ самой Малороссіи, которыя неизбѣжно влекли ее къ гибели. Послѣ обѣда, часу въ 8-мъ, уѣхалъ Иванъ въ Москву; поѣхалъ онъ весело, какой-то воротится? Дай Богъ, чтобъ ничто не нарушало миръ душевный нашей семьи. Читали Марьета и потомъ какую-то повѣсть въ „Москвитянинѣ“, въ перемежку „Journal de Francfort“.—Ноты Нессельроде выше всякаго вѣроятія. Какъ писать къ Пруссіи, что одну изъ нотъ съ Австріей мы писали sous la dictée de la Prussie!

25 ноября, четвергъ. Газеты привезены рано и 2 письма, одно отъ М. Карташевской, другое отъ Трушковскаго [4]. Карташевскіе собираются къ намъ, можетъ быть, даже скоро. Отъ Коли [5] изъ Севастополя получили они грустное письмо, не видятъ конца этому положенію. Балаклава вслѣдствіе укрѣпленій непріятельскихъ сдѣлалась вторымъ Севастополемъ. Говорятъ, на мѣсто Данненберга Липранди: этимъ всѣ довольны. Липранди до сихъ поръ отличался храбростью и отважностью. Послѣ бурной погоды въ Крыму настало іюньское тепло. Гильфердингъ пишетъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Крыма, тамъ ничего не происходило важнаго. Всѣ удивляются, зачѣмъ такая бездѣятельность съ нашей стороны; враги наши мало стрѣляютъ, но укрѣпляютъ себя со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями. Противъ Меньшикова сильная партія въ Петербургѣ. Онъ могъ ошибаться, дѣлать промахи, но онъ благонамѣренъ, по крайней мѣрѣ, тогда

---

[1] В. С. Аксакова слово „народность“ пишетъ вмѣсто слова „популярность“.

[2] Воспоминанія С. И. Жихарева, печатавшіяся въ „Москвитянинѣ“ 1854 г.

[3] Произведеніе П. А. Кулиша.

[4] Трушковскій—племянникъ Гоголя и издатель его сочиненій.

[5] Сынъ Н. Т. Карташевской, бывшій на войнѣ въ Крыму.

какъ того же нельзя сказать о тѣхъ, кто распоряжается въ Петербургѣ. Жаль, что Меньшиковъ не любимъ, какъ говорятъ, въ войскѣ, именно потому, что непривѣтливъ: осматривая войска, проѣзжая мимо ихъ, онъ ни слова не обращаетъ къ нимъ, и они этимъ обижаются. Трушковскій сообщаетъ слухъ о взятіи Балаклавы, но это вздоръ. Трушковскій ѣдетъ въ Петербургъ, а на праздникахъ къ намъ. Ему совѣтуютъ искать мѣста въ главной квартирѣ. Съ его знаніемъ турецкаго языка это, вѣроятно, возможно.

26 ноября. Сегодня получено одно письмо отъ Казначеева [1]. Вѣсти, имъ сообщаемыя, уже всѣ намъ извѣстны, другія же весьма сомнительны, будто Англія и Франція желаютъ мира. Его желаетъ, можетъ быть, Австрія, и всѣ въ страхѣ, чтобъ Государь не заключилъ съ ней мира.—Въ газетахъ новаго ничего. Подробности изъ „Морского Сборника“ о гибели непріятельскихъ судовъ, 35 транспортныхъ и 6 большихъ кораблей. Какой истинно христіанскій подвигъ спасти погибавшихъ враговъ съ опасностью своей жизни и въ то время, какъ ихъ союзники отказались отъ такого самопожертвованія! Донскіе казаки-охотники совершили его. Господь не оставитъ народъ, способный на такія дѣла. Одно транспортное судно, выкинутое на мель, погибало, когда наши войска, приблизившись подъ переговорнымъ флагомъ, дали знать экипажу: англійскій капитанъ и англійскіе матросы (между ними только 7 турокъ) спаслись, остальные 25 чел. турокъ оставались на кораблѣ. Англійскій капитанъ отказался имъ помочь, говоря, что онъ не намѣренъ рисковать жизнью англійскихъ матросовъ для спасенія турокъ. Тогда нѣсколько охотниковъ изъ донскихъ казаковъ вызвались и съ великой опасностью для себя самихъ исполнили, однако жъ благополучно, свое доброе дѣло.

Утѣшительно читать въ газетахъ распоряженія великаго князя Константина на счетъ морскихъ раненыхъ, его попеченія о нихъ и т. д. Вообще, въ этомъ маленькомъ уголку правленія начинается реакція. Константинъ призываетъ всѣхъ къ дѣятельности, даетъ мѣсто мысли, знанію, возбуждаетъ общее участіе къ общему дѣлу, сообщаетъ все, что можетъ, во услышаніе всѣмъ, для общаго содѣйствія и т. д.

---

[1] Давній пріятель С. Т. Аксакова Алдр. Ив. Казначеевъ (1788 — 1880), умершій сенаторомъ въ чинѣ д. с. с., въ 1848 былъ назначенъ одесскимъ градоначальникомъ, а въ февралѣ 1854 г. сенаторомъ.

Маменька говѣетъ и проводитъ сегодня день и ночь въ Хотьковѣ. Сегодня день рожденія Любы. За обѣдомъ мы поздравили другъ друга и пожелали уничтоженія нѣмецкой партіи въ Россіи.—Спѣшимъ читать иностранныя газеты, Путята [1] прислалъ намъ ихъ такъ много заразъ. Въ московскихъ газетахъ напечатано объясненіе въ нѣсколькихъ рѣзкихъ словахъ гр. Ростопчина о томъ, что онъ ни Погодину, ни Тихонравову не давалъ права печатать письма его отца (извѣстнаго гр. Ѳ. В.), что онъ сообщилъ ихъ имъ только для справокъ, а между тѣмъ Погодинъ напечаталъ, что помѣститъ ихъ всѣ въ „Москвитянинѣ", а Тихонравовъ уже помѣстилъ ихъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и, несмотря на его несогласіе, еще напечаталъ статью о томъ же (но этой статьи нѣтъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", вѣрно она была остановлена). Изъ всего этого вышла довольно грязная площадная сцена. Погодинъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ, съ обидными намеками, за то, что онъ напечаталъ эти письма въ журналѣ, напалъ на Тихонравова, который, въ свою очередь, отвѣчалъ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Погодину вѣрно очень непріятны такія обвиненія, особенно въ минуту его славы, народности, общаго уваженія, возбужденнаго его письмами [2].

27 ноября, суббота. Мы сидѣли вечеромъ за чтеніемъ иностранныхъ журналовъ, когда, къ общему нашему удивленію, возвѣстили намъ Гилярова. Первымъ его словомъ къ маменькѣ было: „я надѣюсь, что вы не откажетесь быть крестной матерью моего сына". Что было дѣлать: отказаться совѣстно, а принять приглашеніе не очень пріятно; лишніе расходы и сверхъ того какая-то связь, какія-то обязательства налагаются, которыя иногда бываютъ очень не кстати. Жена же у него всегда больная и прихотливая, отказъ могъ бы ее такъ огорчить, что она разнемоглась бы еще болѣе: нечего дѣлать, маменька согласилась, и въ понедѣльникъ назначено крещеніе.

Я сегодня вспомнила, что у насъ съ Константиномъ есть крестникъ, которому уже теперь должно быть 17 лѣтъ, и надобно признаться, что мы поступили съ нимъ довольно без-

[1] Ник. Вас. Путята (1802—1878), писатель.

[2] Исторія, возгорѣвшаяся по поводу изданныхъ въ статьѣ Н. С. Тихонравова писемъ („Гр. Ѳ. В. Растопчинъ и русская литература въ 1812 году". От. Зап. 1854), изложена подробно Барсуковымъ въ „Жизни Погодина", т. XIII, стр. 261—267.

печно. Отецъ его писалъ прежде и присылалъ даже свои бумаги, но мы долго не отвѣчали почему-то, а потомъ искали его и не нашли. Его перевели куда-то въ другое мѣсто, такъ и совсѣмъ потеряли изъ виду, а можетъ быть, могли бы ему чѣмъ-нибудь быть полезны. Крестили мы его по особенному случаю. Въ 1837 г. поѣхали мы съ маменькой въ Курскую губ. въ деревню къ тетенькѣ В. Сем. Самбурской. Мнѣ было 18 лѣтъ, Константину 20. Мы были и на Коренной тогда. Погостивши у тетеньки, мы возвращались обратно. Одинъ разъ, часовъ въ 9 вечера, кажется, около Тулы, подъѣхали мы къ станціонному дому, не думали даже выходить изъ кареты. На крыльцѣ стояла старушка, она обратилась къ намъ съ просьбою окрестить ребенка, только что родившагося; какъ мы ни отговаривались, принуждены были согласиться на ея просьбы. Она намъ разсказала, что станціонный смотритель здѣсь только недавно, никого не знаетъ, самого его нѣтъ дома, и жена его не знаетъ, къ кому обратиться. Мы вошли въ маленькую комнату, еще въ другую, гдѣ лежала родильница, прехорошенькая молодая женщина. Пришелъ священникъ, мы окрестили, поцѣловали куму свою, сѣли и уѣхали. Потомъ въ другой разъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, мы—маменька и я—опять ѣздили въ Курскъ, но уже зимой, совершенно при другихъ обстоятельствахъ; опять попали на станцію къ нашему куму, Яновскому; крестнику уже было года три, милый мальчикъ; красавица кума сама суетилась, чтобъ насъ угостить, съ отцомъ также познакомились, они были намъ очень рады. Воспоминанія давно минувшихъ дней!

Гиляровъ много разсказывалъ любопытныхъ подробностей о Филаретѣ; онъ хочетъ описать эту замѣчательную личность, возбуждающую негодованіе въ душѣ каждаго подчиненнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ порабощающую всѣхъ своимъ вліяніемъ.

28 ноября, воскресенье. Получили письма отъ К. И. Елагиной, изъ Москвы отъ Ивана,—онъ остается до вторника по дѣламъ,—отъ Новаковича [1] изъ Берлина, отъ Трутовскаго [2]. Въ газетахъ извѣстій изъ Крыма нѣтъ, и до сихъ поръ еще не напечатано извѣстіе о Петропавловскѣ. Зато помѣщена статья изъ „Journal de St. Pètersbourg“, доказывающая, что слухъ о принятіи нами 4-хъ условій долженъ быть справедливъ. Этого позора еще не-

[1] Стоянъ Новаковичъ—извѣстный сербскій писатель и дѣятель.

[2] Конст. Алекс. Трутовскій—художникъ-жанристъ (1826—1893).

доставало. Мы заботимся объ Австріи, конечно, столько, сколько и она, и боимся сами не менѣе ея средствъ, находящихся въ нашихъ рукахъ для ея гибели. Конечно, нельзя повѣрить, чтобы намъ была страшна война съ нею: вся почти Австрія состоитъ изъ племенъ, готовыхъ быть намъ союзниками, и стоитъ только объявить намъ походъ на Вѣну, чтобы венгры, славяне отдѣлились отъ нея и итальянцы съ своей стороны! Чего же мы боимся? Мы, т. е. правительство, боимся разрушенія стараго порядка вещей. Наше правительство все живетъ нѣмецкими началами, нѣмецкой политикой; чувствуетъ нераздѣльное сродство свое со всей системой Австріи, и Нессельроде дѣйствуетъ очень сознательно. Онъ недаромъ сказалъ, что правительство наше, будучи самодержавное, не можетъ не поддерживать самодержавныхъ государствъ, а что поддерживать славянъ, это значитъ поддерживать демагогическое начало, что опора нашего правительства есть Австрія, и прибавляетъ, что онъ не можетъ нести отвѣтственности за дѣла нашего министерства, потому что у насъ въ самодержавномъ государствѣ рѣшаетъ самъ Государь. А кто имѣетъ вліяніе на Государя, какъ не онъ! Кто его сбиваетъ, пугаетъ такого рода словами: *демагогическое начало* и тому подобное! Даже въ иностранныхъ газетахъ говорятъ о томъ, какъ Государь самъ сдѣлалъ прибавленіе къ нотѣ Нессельроде отъ 18 октября, которое придало ей силу и т. д.—Это видно, что у Государя съ Нессельроде идетъ борьба, и конечно доказываетъ безхарактерность перваго, которою послѣдній очень ловко пользуется. Положеніе наше совершенно отчаянное: не внѣшніе враги намъ страшны, но внутренніе,—наше правительство, дѣйствующее враждебно противъ народа, парализующее силы духовныя, приносящее въ жертву своихъ личныхъ нѣмецкихъ выгодъ его душевныя стремленія, его силы, его кровь. Что еще болѣе приводитъ въ отчаяніе, это наше собственное нравственное безсиліе. Обыкновенно человѣка, уже негодующаго на беззаконные поступки, всякое новое противозаконное дѣйствіе, нарушеніе правъ и т. д., должно возмущать все болѣе и болѣе; но мы напротивъ, съ каждымъ новымъ деспотическимъ беззаконнымъ поступкомъ, оскорбленіемъ всего народа и т. д., мы теряемъ силу и способность негодовать. Мы недовольны, мы огорчены, но мы парализованы нравственно и неспособны ни на какое изъявленіе нашего негодованія, общественнаго горя. Мы впадаемъ тотчасъ въ отчаянное уныніе,

теряемъ вѣру въ силу духа и, очень можетъ быть, пропускаемъ случай — я не говорю — противоборствовать, но, по крайней мѣрѣ, высказать свое мнѣніе дружно и сильно, такъ чтобы невольно заставить его уважать. Можетъ быть, конечно, это безсиліе происходитъ отъ того, какъ справедливо думаютъ, что мы оторваны отъ народа, что до народа и не доходятъ причины нашего негодованія, онъ не знаетъ и не принимаетъ участія въ дѣйствіяхъ нашего правительства. Народъ было увлекся, предался восторгу въ началѣ войны, когда слова: „за вѣру православную, за единовѣрныхъ братьевъ“ коснулись до его слуха. Но этотъ восторгъ даже возбудилъ подобныя этому выраженія: „cet enthousiasme nous embête, nous en avons trop“ и т. д., и этотъ восторгъ обкатили холодной водой съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ къ выразившемуся въ немъ стремленію, желанію народа; народъ, оттолкнутый такимъ образомъ, впалъ въ прежнее свое унылое положеніе, а безъ народа какая можетъ быть сила въ отдѣльныхъ лицахъ и даже сословіяхъ? Но долго ли можетъ существовать правительство, дѣйствующее враждебнымъ образомъ противъ своего народа, слѣдующее системѣ совершенно противуестественной, это рѣшить трудно, но не можетъ оно существовать всегда на такихъ противуестественныхъ основахъ. Это можно сказать, кажется, навѣрно. И не дай Богъ, чтобъ переворотъ совершился насильственно! Дай Богъ, чтобы правительство само поняло и само себя преобразовало. Константинъ Николаевичъ понялъ это и уже началъ преобразованіе въ своемъ кругу дѣйствій, но, какъ Константинъ справедливо замѣчаетъ, это-то самое разногласіе въ самомъ правительствѣ и будетъ причиной раздора.

Письмо отъ Новаковича оставило пріятное впечатлѣніе. Какой добродушный славянинъ! Онъ проситъ помолиться за него у Преп. Сергія. Надобно непремѣнно исполнить его просьбу.

6 декабря, понедѣльникъ. Я не писала цѣлую недѣлю, было некогда, а писать поздно не хотѣла, а между тѣмъ много интереснаго, если не произошло, то было прочтено у насъ въ это время. Во вторникъ 30 ноября воротился Иванъ, привезъ нерадостныя вѣсти изъ Москвы, слухи о мирѣ подтвердились. Государь въ крайнемъ разстройствѣ, даже въ истерикѣ. Нессельроде и прусскій посланникъ одни только допускаются. Константинъ Николаевичъ сказалъ Погодину, что наслѣдникъ теперь одного мнѣнія съ нимъ, т. е. желаетъ войны, а между тѣмъ мы прини-

маемъ 4 постыдныхъ условія. Погодина просили многіе министры написать его взглядъ на предметы ихъ управленія. Положимъ, онъ напишетъ и хорошо, но развѣ будетъ отъ того какая-нибудь польза? Всѣ глубоко огорчаются, но, мнѣ кажется, негодованіе общее утомилось.—Маменька въ этотъ день ѣздила крестить къ Гилярову, возвратилась только къ обѣду. Гиляровъ показался маменькѣ очень жалокъ въ домашнихъ хлопотахъ съ больной женой, и всегда довольно прихотливой и требовательной. Вечеромъ, уже въ 11-мъ часу, намъ сказали: „пріѣхалъ Кулишъ“ [1]. Мы ожидали его съ женой, но не такъ скоро; вышли къ нему навстрѣчу. Но онъ пріѣхалъ одинъ, жену оставилъ въ Малороссіи, за дурными дорогами. Маменька, не ожидавшая съ удовольствіемъ посѣщенія его жены, какъ женщины вовсе незнакомой, была довольна, что онъ пріѣхалъ одинъ, а Наденька жалѣла, потому что желала видѣть малороссіянку и слышать малороссійскія пѣсни.

Вотъ уже другая недѣля, какъ живетъ у насъ Кулишъ. На другой день его пріѣзда, т. е. середа, провели въ разговорахъ, а съ четверга назначили по утрамъ до обѣда занятія, а по вечерамъ разговоры или чтенія. Такъ и исполняли. Три вечера сряду читалъ намъ Кулишъ свой историческій малороссійскій романъ „Черная рада“. Кромѣ нѣсколькихъ весьма лишнихъ и цвѣтистыхъ разсужденій о любви, нѣсколькихъ вовсе ненужныхъ сравненій и отчасти довольно устарѣлыхъ формъ романа, романъ этотъ чрезвычайно интересенъ и замѣчателенъ. Историческія событія передаются живо, въ полнотѣ всѣхъ обстановокъ; значеніе казачества, Запорожья, характеры запорожцевъ выставлены живо и вѣрно, языкъ удивительно простъ, живъ и передаетъ весь духъ малороссійской рѣчи. Нѣкоторые отдѣльные характеры прекрасны. Кулишу слѣдовало бы написать цѣлый рядъ историческихъ малороссійскихъ романовъ, и это было-бы настоящее дѣло, но онъ говоритъ, что не достанетъ силъ нравственныхъ, что съ мыслью о невозможности печатать теряетъ силы нужныя для такого труда. Между тѣмъ, по утрамъ онъ занимался чтеніемъ писемъ Гоголя къ отесенькѣ и отесенькиныхъ записокъ (пространныхъ) о Гоголѣ [2]. Прочтя „Раду“, Кулишъ

[1] П. А. Кулишъ собиралъ въ это время матеріалы для второго изданія своего „Опыта о Гоголѣ“, которое и появилось въ 1856 г. подъ заглавіемъ „Записки о жизни Гоголя“.

[2] Цѣликомъ эти „пространныя“ записки были напечатаны только въ 1890 г. въ „Русск. Арх.“ (кн. 8-я).

приступилъ къ чтенію своихъ записокъ о Гоголѣ, т. е. своего опыта біографіи, но втрое обогатившагося, послѣ напечатанія въ журналѣ, драгоцѣннѣйшими свѣдѣніями о Гоголѣ и его письмами. О впечатлѣніи этого чтенія не буду говорить покуда, оно даже слишкомъ подавляетъ душу. О Кулишѣ также поговорю въ другое время.

Въ понедѣльникъ изъ Москвы получено письмо отъ Томашевскаго крайне горестнаго содержанія. Мы приняли 4 постыдныя условія, и въ то время, когда наши враги сами объявляютъ, что имъ приходится очень плохо подъ Севастополемъ; вѣроятно, мы и поспѣшили для того, чтобъ вывести ихъ изъ этого затруднительнаго положенія; ну, какъ-же не сказать, что у насъ въ министерствѣ австрійскій агентъ дѣйствуетъ? Нессельроде и въ прежнихъ своихъ нотахъ словами, что не могли мы принять этихъ условій *quant à la forme*, намекалъ ясно, что мы ихъ примемъ въ другомъ случаѣ; вотъ и приняли, а между тѣмъ Австрія заключаетъ въ то же время союзъ съ Англіей и Франціей, говоря, что это союзъ для миролюбивыхъ цѣлей; т. е. чтобы насъ унизить и обезсилить, враги наши считаютъ тогда только миръ возможнымъ. Какъ мы ни стараемся сами объ этомъ, но еще не успѣли; униженіе страшное только въ дипломатическихъ бумагахъ, этого для нихъ мало, и вся наша надежда на нихъ, что они все-таки не согласятся на миръ, несмотря на то, что мы приняли эти постыдныя условія. Они потребуютъ, вѣроятно, того, на что уже не будетъ никакой возможности согласиться. Впрочемъ, почему же и нѣтъ! Послѣ всего того, что было, развѣ мы не должны ожидать, что завтра же велятъ срыть Севастополь и сжечь нашъ флотъ? Отъ нашего правительства всего станется. Страшно то, что мы какъ-то обтерпѣлись и насъ уже не такъ волнуютъ, не такъ поражаютъ такіе поступки нашего правительства. Что-то будетъ! Видно, еще далеко не переполнилась чаша испытанія русскаго народа, еще не довольно сильны бѣдствія и униженія для того, чтобъ заставить его говорить, а наше общество чувствуетъ себя такъ безсильно, что не способно ни на какое единодушное движеніе. Что-то будетъ съ русской землей? Страшно будущее!.. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, все это кончится позорною пошлостью для насъ. Стоитъ имъ только согласиться на этихъ условіяхъ съ нами, и тогда позоръ нашъ никогда не смоется. Впрочемъ, онъ падаетъ на одно правительство. Неужели такъ разыграется эта страшная драма, которая

подняла столько мiровыхъ вопросовъ, которой развязка и послѣдствiя терялись вдали? Значенiе и будущность всего человѣчества и каждаго племени въ особенности зависѣли, кажется, отъ ея окончанiя, и вѣнцомъ всего должно было быть торжество вѣры Христовой, и именно Православiя. Неужели все это показалось на минуту для того, чтобъ скрыться опять на неопредѣленное время? Неисповѣдимы пути Божiи, не человѣку разрѣшать ихъ; да не отыметъ Богъ святыхъ судебъ своихъ отъ насъ, за грѣхи наши! Кстати (особенно теперь) стихи Хомякова; покаянiе, очищенiе, смиренiе и молитва,—вотъ что должно было предшествовать святому подвигу, вотъ почему, конечно, мы не допускаемся какъ будто до него.

Два дня мы читали записки о Гоголѣ по вечерамъ, а потомъ два дня и утро и вечеръ. Впечатлѣнiе этого чтенiя трудно передать, оно подавляло душу. Слова Гоголя поднимаютъ со дна всѣ силы душевныя, всѣ ея забытыя прекрасныя потребности и стремленiя, подымаютъ вопросы давно забытые, тревожатъ ее, расширяютъ ея миръ, и трудно совладать со всей этой проснувшейся жизнью. Къ тому же воспоминанiе о немъ самомъ, о томъ голосѣ, который изустно раздавался между нами и котораго не услышимъ больше, о той силѣ жизни генiя, о той неистощимой любви ко всѣмъ и къ каждому, которая не давала ему покоя! Письма его преисполнены этой любовью. Какая нѣжная предупредительная попечительность! Какая свѣжесть, какая полнота прекрасной жизни въ его молодыхъ письмахъ! Какiе драгоцѣнные отрывки нашелъ Кулишъ! Душа перешла черезъ столько впечатлѣнiй при этомъ чтенiи. Дѣлали нѣкоторыя замѣтки, Кулишъ принималъ охотно совѣты, даваемые ему. Странный человѣкъ, способный такъ вѣрно, такъ тонко видѣть и судить и столько-же способный впасть въ ошибку, а главное, попасть въ фальшивую ноту! Чаще же всего онъ употребляетъ какiя-то фигуральныя, цвѣтистыя выраженiя, въ родѣ: литературная мантiя и т. д., и это очень мѣшаетъ его, мѣстами чрезвычайно вѣрнымъ и даже глубокимъ, замѣчанiямъ, всегда полнымъ искренней любви и даже благоговѣнiя къ Гоголю. Кулишъ—человѣкъ очень умный, наблюдательный, но какая-то странная путаница въ его понятiяхъ о чувствахъ любви поразила насъ и прежде въ его повѣстяхъ, и теперь также въ романѣ его „Черная Рада“, а особенно въ одной его повѣсти, которую онъ было началъ намъ читать, но не могъ продолжать; онъ самъ почувствовалъ ея недостатки,

ея фальшивый тонъ болѣе, нежели мы могли ему это высказать; вскочилъ со стула и сказалъ: „нѣтъ, я не могу продолжать, я самъ почувствовалъ, какъ это дурно, фальшиво“. Вотъ что значитъ читать вслухъ въ большомъ обществѣ, въ присутствіи людей, недовольно знакомыхъ!

Въ пятницу мы кончили читать записки о Гоголѣ. Боже мой, какъ онъ страдалъ, какіе страшные душевные подвиги, какое неутомимое, неослабное, ежеминутное стремленіе къ Богу, къ совершенству, непостижимое почти для насъ, обыкновенныхъ людей! Это—святой человѣкъ, и всѣ его ошибки и умственныя заблужденія развѣ не происходили изъ тѣхъ же прекрасныхъ источниковъ, и какъ мало, лишь немногіе знали его, но Богъ ему награда!

Въ субботу утромъ воротился Иванъ изъ Мо́сквы. (Онъ уѣхалъ въ середу вечеромъ.) Политическія извѣстія все хуже и хуже. Говорятъ, мы на все готовы согласиться; говорятъ, будто-бы государь сказалъ: „Я не только приму 4 пункта, я приму 44 пункта“. Нессельроде ѣдетъ въ Вѣну. Можно себѣ представить, что будетъ на тайныхъ совѣщаніяхъ, когда и открытыя таковы! Но враги все-таки не дадутъ намъ мира. Австрія присоединилась къ Англіи и Франціи, а Пруссія и Германія къ Австріи. Государыня, говорятъ, больна, великіе князья проѣхали изъ Севастополя въ Петербургъ. Пусть будутъ они всѣ здоровы и счастливы, да только не губили бы насъ, Россію! Нессельроде въ своей депешѣ къ Пруссіи пишетъ: „pour éviter à l'Allemagne les malheurs de la guerre l'Empereur de Russie est prêt à accepter les 4 bases de la paix“ и т. д. Не ругательство ли это надъ Россіей? Иванъ привезъ намъ „Journal de Francfort“.

Наканунѣ пріѣзда Ивана мы кончили чтеніе записокъ о Гоголѣ. Кулишъ какъ-то былъ довольнѣе, свободнѣе; онъ очень работалъ по утрамъ, списывая изъ черновыхъ бумагъ Гоголя, находящихся у насъ, Альфреда, отрывокъ изъ драмы. Это ему стоило много труда, написано оно чрезвычайно тѣсно и слѣпо. Онъ перебиралъ всѣ бумаги и книги Гоголя, разобралъ кое-что новое, небольшіе отрывки, часто состоящіе изъ нѣсколькихъ только словъ, но и въ нихъ видны слѣды его генія. Каждый вечеръ послѣ чаю Кулишъ училъ Наденьку пѣть малороссійскія пѣсни, и самъ учился пѣть славянскія и другія. Въ немъ много учительскихъ пріемовъ и какой-то старинный методизмъ въ выраженіяхъ, въ пріемахъ и даже въ мысляхъ, а между тѣмъ,

слышна подъ этимъ страстная натура, которая впрочемъ, какъ кажется, побѣждается довольно сильнымъ характеромъ, но странныя у него понятія, особенно о нѣкоторыхъ предметахъ. Мнѣ кажется, это какъ будто слѣды впечатлѣній Жанъ Жака Руссо, о которомъ онъ и теперь говоритъ съ такимъ восхищеніемъ. Странно, какъ же онъ могъ понять такъ истинно, такъ глубоко Гоголя, чисто духовнаго человѣка, и съ такимъ благоговѣніемъ предаться ему! Въ пятницу, особенно вечеромъ, всѣ какъ-то были очень разговорчивы, но поутру въ субботу пріѣхалъ Иванъ, привезъ столько непріятныхъ вѣстей, которыя всѣхъ смутили.

Кулишъ же просилъ Ивана нанять лошадей такъ, чтобы Кулишъ могъ съ тѣми же лошадьми возвратиться въ Москву. Иванъ такъ и сдѣлалъ, но когда сказалъ о томъ Кулишу, тотъ сказалъ, что не думалъ ѣхать такъ скоро, что у него еще есть дѣло, что неужели уже суббота и т. д. Братья, разумѣется, сами уговаривали его не спѣшить и остаться у насъ. Извозчикъ былъ отпущенъ, а между тѣмъ, вдругъ, послѣ завтрака Кулишъ объявилъ, что онъ все кончилъ и что собирается на другой день ѣхать. Константинъ уговаривалъ его отложить отъѣздъ, но онъ не согласился. Что было причиной его такого измѣненія своего намѣренія и быстраго рѣшенія — не знаемъ, но кажется, это не безъ причины; можетъ быть (такъ какъ онъ человѣкъ весьма щекотливый), ему показалось, что онъ уже слишкомъ долго у насъ зажился, что мы нѣсколько тяготимся его пребываніемъ, желаемъ его отъѣзда, но только изъ учтивости его уговариваемъ. Онъ былъ какъ-то смущенъ и какъ будто разстроенъ весь этотъ день, вечеромъ прочелъ намъ письма Гоголя, которыя не взошли въ біографію. Мы просили его показать намъ главы „Мертвыхъ Душъ" второго тома. Я и Константинъ прочли первую, намъ столько памятную: ее читалъ намъ самъ Гоголь; ничто такъ живо не напомнило намъ Гоголя; казалось, онъ былъ тутъ, казалось, мы слышали его голосъ. Хотя эта глава далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ ее читалъ, но и въ этомъ она такъ прекрасна, что снова произвела на насъ то же впечатлѣніе, впечатлѣніе, которое только Гоголь производитъ; какъ живо почувствовали, чего мы лишились, чего лишился весь міръ: въ комъ отразится онъ такъ, кто его такъ сознаетъ и передастъ! Прежде намъ не хотѣлось, намъ было больно и взглянуть на эти оставшіяся черновыя страницы, но теперь такъ захотѣлось ихъ имѣть!

Послѣ чаю Кулишъ предложилъ Наденькѣ читать по малороссійски и подарилъ ей свою тетрадку выписокъ изъ малороссійскихъ пѣсенъ, потомъ пѣлись малороссійскія и славянскія пѣсни, но немного, и скоро всѣ разошлись.—Въ воскресенье все утро Кулишъ работалъ до завтрака, списывалъ разныя письма, стихи. Послѣ завтрака онъ сейчасъ же собрался; видно было, что онъ взволнованъ нѣсколько. Простился онъ со всѣми съ искреннимъ чувствомъ, онъ былъ сильно тронутъ и благодарилъ за участіе къ нему; всѣ простились съ нимъ съ самымъ дружескимъ чувствомъ и пожелали ему отъ души добраго успѣха его труду.

Онъ сказалъ, что на возвратномъ пути изъ Петербурга заѣдетъ къ намъ, если что-нибудь необыкновенное его не задержитъ. Мнѣ кажется, онъ не думаетъ заѣхать... Можетъ быть, впрочемъ я ошибаюсь.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Кулиша собрался и Иванъ. Онъ переѣхалъ къ Троицѣ, чтобъ тамъ заняться своимъ отчетомъ. Лучше этого онъ не могъ придумать ни для себя, ни для насъ. Богъ да не оставитъ его!

Вторникъ 21 декабря. На прошедшей недѣлѣ не было ничего замѣчательнаго.

Послѣ отъѣзда Кулиша и Ивана мы, т. е. сестры, принялись за работу для церкви въ дальнюю деревню и только въ недѣлю окончили ее. Отесенька и Константинъ занялись своими занятіями, а маменька говѣла. По вечерамъ чтенія наши были вовсе не занимательныя. Журналы невыносимо пошлы и скучны; повѣсти въ нихъ до крайности дрянны; а журналистику рѣшительно нѣтъ силъ слушать, до того все глупо, пошло, придирки ихъ другъ къ другу подлы до отвращенія. Особенно мы были избалованы недѣлю передъ этимъ такимъ глубоко занимательнымъ для насъ чтеніемъ, какъ записки о Гоголѣ, его письма и т. д.—При такой бѣдности чтенія мы вздумали перечесть „Ульяну Терентьеву" Кулиша [1], и она опять произвела на насъ тоже непріятное впечатлѣніе, а въ Константинѣ, который читалъ въ первый разъ, даже отвращеніе.— Странный этотъ человѣкъ Кулишъ, что за путаница у него въ головѣ разнородныхъ понятій, а въ душѣ разнородныхъ стремленій! Мнѣ кажется, это плодъ

---

[1] „Исторія Ульяны Терентьевны"—повѣсть, напечатанная въ III-мъ томѣ „Повѣстей" П. А. Кулиша. (СПБ. 1860).

смѣшенія страстнаго малороссійскаго характера съ вліяніемъ польской жизни и, главное, Ж. Ж. Руссо, про котораго онъ самъ сказалъ, что это былъ его лучшій другъ въ заточеніи. Онъ даже огорчился, что мы напали на безнравственность Руссо, и пробовалъ его защищать. И самъ онъ вѣрно считаетъ такого рода отношенія, какія выведены въ „Ульянѣ Терентьевнѣ", самыми чистыми и идеальными. Вотъ зло такого взгляда, котораго, конечно, первоначальнымъ распространителемъ былъ Руссо, этотъ соблазнитель душъ, и который до нашего времени дѣйствуетъ такъ пагубно подъ именами Ж. Зандъ и т. п. Что за отвратительное смѣшеніе чувствъ, что за утонченная чувственность, которая проникаетъ во всѣ святыя чувства и отношенія между людьми, и что за нелѣпость выставить ребенка съ такими ощущеніями взрослаго и т. д.! Надобно отдать справедливость Кулишу, что онъ способенъ почувствовать свою ошибку, заблужденіе, и почувствовавъ разъ, онъ, кажется, способенъ отъ нея отказаться; силы воли у него на то станетъ, но не скоро можетъ совершаться такое перерожденіе, иначе оно было бы не прочно.

Въ воскресенье (19 декабря) удивлены мы были нежданнымъ манифестомъ въ газетахъ. Всѣ, особенно отесенька и Константинъ, прочли его съ радостнымъ волненьемъ; они уже радовались тому, что событія, какъ кажется, противъ воли ведутъ наше правительство къ совершенію нашего долга, что отъ постыднаго мира избавятъ насъ сами наши враги, что событія сильнѣе человѣческой воли т. д. Но между тѣмъ, нельзя еще навѣрное сказать, чего предвѣстникомъ этотъ манифестъ — мира или войны. Онъ говоритъ о возможности и того и другого, и вотъ почему простые люди въ недоумѣніи и не знаютъ, какъ его понять; но замѣчательнѣе всего то, что въ манифестѣ какъ бы нарочно избѣгаются слова: за вѣру, за православныхъ братій; ни одного изреченія изъ священныхъ книгъ, точно какъ будто поднято другое знамя, какъ будто уже не существуетъ первоначальной причины этой войны; и, конечно, Государь торжественно въ официальной нессельродовской нотѣ отказался уже отъ покровительства надъ православными христіанами на Востокѣ, покровительства, которое непрерывно поддерживали въ продолженіе стольких вѣковъ такъ ревностно всѣ цари русскіе и которое пріобрѣтено кровью русскихъ. А теперь православный царь русскій предаетъ православіе и мучениковъ за него въ руки

злѣйшихъ ихъ враговъ, католиковъ, которые и теперь уже объявили въ рѣчи архіепископа Парижскаго крестовый походъ на православіе.—Конечно, западныя правительства не стали бы тѣснить чуждое вѣроисповѣданіе изъ одного фанатизма, у нихъ для того слишкомъ много равнодушія къ вѣрѣ, но имъ необходимо истребить православіе, потому что это главная, можетъ быть, единственная сильная связь милліоновъ православныхъ христіанъ съ православнымъ царствомъ русскимъ, связь, придающая намъ ужасающую ихъ силу. Духовенство же католическое для своихъ корыстныхъ цѣлей преобладанія черезъ вѣру, отчасти, можетъ быть, изъ фанатизма, не пропуститъ, конечно, такого случая и употребитъ всѣ средства, допускаемыя іезуитствомъ для достиженія такой цѣли. Протестанты съ своей стороны наводнятъ несчастныя земли славянъ, училища, монастыри; лжеученіе, безвѣріе, всѣ соблазны запада, всевозможныя притѣсненія окружатъ нашихъ несчастныхъ братій, и русскіе отдадутъ въ этомъ отвѣтъ Богу, но да не допуститъ Богъ до этого!—Я сама слышала, какъ говорилъ греческій митрополитъ, что *католики хуже для насъ турокъ*. Турки убиваютъ тѣло, а католики душу.

Если Господь и не допуститъ до такого зла, то все же это фактъ неизмѣнный, что русскій царь отказался отъ покровительства надъ православными братьями и предалъ ихъ въ руки католиковъ и протестантовъ. И какая это нота Нессельроде! О, эти ноты составятъ ему страшный памятникъ въ потомствѣ! Всѣ эти постыдныя уступки мы дѣлаемъ для того, сказано въ нотѣ, чтобъ предупредить раздѣленіе въ германскихъ государствахъ. Въ ту минуту, когда Россія гибнетъ и кровь русская проливается, насъ пугаетъ только одно, что цѣлость Германіи будетъ нарушена, между тѣмъ какъ это самое раздѣленіе было бы для насъ выгодно!! — Что-то будетъ! Константинъ хочетъ предложить ополченіе въ Москвѣ и самъ хочетъ идти, но этого не долженъ онъ дѣлать. Да и покуда Нессельроде управляетъ дѣлами, нельзя довѣрять правительству.

Вчера маменька пріобщалась у Троицы и воротилась къ обѣду. Послѣ же обѣда поѣхалъ Константинъ въ Москву; онъ написалъ письмо къ князю Оболенскому по поводу манифеста и еще статейку въ „Journal de Francfort“ по французски, врядъ ли она можетъ быть напечатана.

Сегодня, т. е. 21 декабря, получены письма отъ Кулиша

изъ Петербурга, отъ Филиппова, одно изъ деревни и отъ Е. Ант. В. Кулишъ начинаетъ свое письмо благодарностью, говоритъ, что пребываніе у насъ принесетъ ему душевную пользу. Обращаетъ ко всѣмъ какую-то поэтическую фразу, хотя и искреннюю, (я въ этомъ увѣрена), но довольно странную. Между прочимъ, эта фраза, мнѣ кажется, подтверждаетъ мою догадку, что онъ не имѣетъ намѣренія къ намъ пріѣхать. Онъ говоритъ, что каждый изъ насъ сдѣлалъ на него впечатлѣніе, которое только можетъ добрая душа желать произвесть на странника, съ которымъ никогда уже не встрѣтится и т. д. Онъ описываетъ оригинальное свое свиданіе съ А. О. Смирновой.—Я очень рада, что онъ будетъ читать ей біографію, она сдѣлаетъ вѣрныя ему замѣчанія.—Слова Кулиша, что Плетневъ разспрашивалъ его о насъ, о нашихъ ежедневныхъ занятіяхъ и т. д., представили намъ живо, какъ картинно и повѣствовательно (это его манера) разсказываетъ Кулишъ о насъ, и вообще сколько толковъ идетъ объ насъ и большею частью, все кривыхъ. И мы не можемъ еще сами рѣшить, какой образъ приняли мы въ головѣ Кулиша. Большею частью, люди, самые жаркіе поклонники нашей *семьи*, или ее идеализируютъ до неестественности и даже до смѣшного, или доводятъ до такой крайности и до уродливости строгость нашего нравственнаго взгляда, или превозносятъ до такой степени наше общее образованіе, ученость даже, что или другіе могутъ счесть насъ за педантовъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ исключительныхъ людей, къ которымъ простой, не слишкомъ образованный человѣкъ и подойти не можетъ. Словомъ сказать, дѣлаютъ изъ нашей простой жизни, (которая слагается сама собою и часто изъ необходимости обстоятельствъ), что-то натянутое, неестественное, смѣшное и даже уродливое. Неужели такъ трудно понять простоту нашей жизни! Право, это даже часто непріятно; мы живемъ такъ потому, что намъ такъ живется, потому что иначе мы не можемъ жить, у насъ нѣтъ ничего заранѣе придуманнаго, никакого плана заранѣе разсчитаннаго, мы не рисуемся сами передъ собой въ нашей жизни, которая полна истинныхъ, дѣйствительныхъ страданій, лишеній всякаго рода и многихъ душевныхъ невидимыхъ огорченій. Мы всѣ смотримъ на жизнь не мечтательно: жизнь для всѣхъ насъ имѣетъ строгое, важное значеніе; всѣмъ она является, какъ трудный подвигъ, въ которомъ человѣкъ не можетъ обойтись безъ помощи Бога. Всякій добрый человѣкъ найдетъ въ

насъ сочувствіе искреннее, и участіе добрыхъ людей намъ дорого; но мы не нуждаемся въ томъ пустомъ участіи, которое больше похоже на любопытство, и особенно непріятны эти толки о насъ отъ нечего дѣлать, отъ недостатка интересовъ въ самомъ обществѣ. Намъ не нужно этой извѣстности и никакой даже, мы ея не добиваемся. Въ самомъ удаленіи изъ города и посѣщеніи насъ . . . . [1] Марихенъ справедливо и забавно говоритъ, что намъ пора воротиться въ городъ, потому что мы здѣсь находимся въ слишкомъ картинномъ удаленіи.

Иванъ пишетъ изъ Троицы, что туда пріѣхалъ австрійскій посланникъ князь Эстергази и переводчикъ его говорилъ гостинничному монаху, что войны съ Австріей не будетъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ говорилъ это изъ опасенія непріятностей для посланника, если бъ узнали объ войнѣ, и также вѣроятно, что австрійскій посланникъ пріѣхалъ посмотрѣть Москву и Троицу предъ выѣздомъ изъ Россіи; впрочемъ, это все только вѣроятно, но недостовѣрно, и можетъ быть, скоро мы узнаемъ противное. По крайней мѣрѣ, по иностраннымъ газетамъ надобно скорѣе ожидать мира, потому что онѣ уже объявляютъ, что императоръ Николай согласился на всѣ 4 уступки sans réserve.— Оказалось, что это не посланникъ, а какой-то чиновникъ изъ посольства.

22 декабря. Сегодня маменька ѣздила въ Хотьково съ Марихенъ къ обѣднѣ. Тамъ ходитъ слухъ, будто Севастополь взятъ.

29 декабря. Опять некогда было писать.—23-го числа пріѣхалъ Константинъ изъ Москвы и привезъ Трушковскаго, который вчера въ ночь уѣхалъ, а сегодня къ обѣду пріѣхали Юрій и Андрей Оболенскіе [2].

Въ это время новаго ничего особенно замѣчательнаго не случилось. Подъ Севастополемъ дѣла все въ томъ же положеніи. Въ дипломатіи также туго двигаются впередъ. Мы соглашаемся на четыре постыдные пункта; враги наши требуютъ большаго. Можетъ быть, правительство наше и еще уступитъ, потому что

[1] Конецъ фразы тщательно вычеркнутъ.

[2] Братья кн. Андрей и Юрій Александровичи Оболенскіе—большіе пріятели Аксаковыхъ. Андр. Ал. былъ очень близокъ къ Ивану Серг. Аксакову и, будучи товарищемъ предсѣдателя уголовнаго суда въ Ярославлѣ въ началѣ 50-хъ годовъ, вмѣстѣ съ Аксаковымъ работалъ въ комиссіи о бѣглыхъ, бродягахъ, пристанодержателяхъ.

оно больше всего боится распаденія Австріи, въ которой видитъ подпору своимъ началамъ.

Въ Петербургѣ (всѣ говорятъ) такъ отвратительно, занимаются пустяками — какой-то цитрой, которую ввелъ въ моду лакей баварскаго посланника; роскошь болѣе, нежели когда нибудь; бранятъ Государя, но все изъ какихъ-то пустыхъ причинъ.—Въ Севастополѣ, говорятъ, ужасный безпорядокъ, почта не доходитъ до раненыхъ, управленіе въ ужасномъ видѣ, многіе обвиняютъ сильно Меньшикова, противъ него страшная кабала.

Трушковскій привозилъ намъ письма Гоголя къ Смирновой и оставшіяся главы „Мертвыхъ Душъ,“ 2-го тома. Всѣ эти чтенія произвели сильное, глубокое впечатлѣніе на всѣхъ и возбудили много и много разговоровъ и толковъ, надъ многимъ заставили глубоко задуматься. Гоголь — святой человѣкъ по своему стремленью. Онъ могъ ошибаться, какъ человѣкъ; могъ запутываться въ приложеніи къ житейскимъ обстоятельствамъ тѣхъ святыхъ истинъ, которымъ былъ преданъ всѣми силами души своей, но онъ возлюбилъ Бога всѣмъ умомъ своимъ, всей душой, всѣми помышленіями, и ближняго, какъ самого себя, — больше этого не требуется отъ человѣка. Какой святой подвигъ вся его жизнь! Теперь только, при чтеніи столькихъ писемъ къ столькимъ разнымъ лицамъ, начинаемъ мы постигать всю задачу его жизни и всѣ его духовные внутренніе труды. Какая искренность въ каждомъ словѣ! И этого человѣка подозрѣвали въ неискренности! Прекрасны его слова къ Смирновой о Россіи, какъ замѣчательны они теперь! Онъ вѣрилъ въ свѣтлое будущее Россіи, но путь къ нему указывалъ въ настоящемъ.

Главы „Мертвыхъ Душъ“, особенно послѣднія, въ такомъ неоконченномъ видѣ, что скорѣе ихъ можно назвать замѣтками, которыя авторъ набрасываетъ для себя самого. Но все же, какія чудныя задачи и какія мѣста! Одна первая глава довольно окончена, хотя тоже не въ томъ видѣ, какъ мы ее слышали отъ самого Гоголя. Отношенія его къ Смирновой самыя задушевныя, дружескія, основанныя на духовномъ стремленіи. Трушковскій— добрый, не глупый человѣкъ, но жалко видѣть его безсиліе внутреннее, которымъ столько страдаетъ молодыхъ людей въ наше время. Онъ чтитъ память дяди всей душой, съ благоговѣніемъ. Въ настоящее время онъ посвящаетъ себя собиранію писемъ Гоголя и приготовленію ихъ къ цензурѣ, а если она разрѣшитъ,

то немедленно приступитъ къ печатанію. Онъ также получитъ разрѣшеніе на продолженіе печатанія сочиненій Гоголя, начатаго еще имъ самимъ, которое было пріостановлено послѣ него изъ какихъ-то нелѣпыхъ опасеній. Трушковскій очень откровенно признается въ вліяніи дурномъ Петербурга, которое онъ всякій разъ испытываетъ, когда тамъ бываетъ, и потому рѣшительно не хочетъ тамъ служить. Вообще онъ еще не рѣшился, какое поприще избрать себѣ; это и точно трудно, когда нѣтъ въ душѣ особеннаго, исключительнаго стремленія къ чему-нибудь, предпочтенія чего-нибудь. Недостаетъ въ немъ какой-то активной силы, а между тѣмъ онъ чувствуетъ живо и принимаетъ живое участіе въ событіяхъ нашего времени. Нельзя не замѣтить, что онъ нѣсколько изнѣженъ, избалованъ, и въ этомъ отношеніи Малороссія ему очень вредна. Впрочемъ, онъ еще очень молодъ, ему 21 годъ. Жизнь научитъ и укрѣпитъ. Мы всѣ говоримъ ему откровенно наше мнѣніе и дѣлаемъ ему замѣчанія на счетъ его характера и т. д. Онъ принимаетъ хорошо всѣ эти нравоученія, хотя я увѣрена, что они не совсѣмъ ему пріятны.

Князья Оболенскіе, Юрій и Андрей, славные люди, доброта и простота у нихъ врожденная, и они оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Они пробыли у насъ слишкомъ сутки и поспѣшили къ своимъ женамъ встрѣчать новый годъ. Вчера, т. е. 30 декабря, они уѣхали въ 10 час. вечера. Къ обѣду же вчера пріѣхалъ нашъ троицкій докторъ Брызгаловъ съ женой и съ маленькимъ сыномъ. Жена его, образованная и очень умная женщина, занимается дѣтьми, но показалась намъ, можетъ быть, съ слишкомъ твердымъ характеромъ. Они также уѣхали поздно вечеромъ. У насъ были подблюдныя пѣсни, Андрей Оболенскій лилъ воскъ, жгли бумагу и т. д.

31-го декабря. Сегодня я была у обѣдни, хотѣлось еще разъ услыхать „*Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума*“. День мы провели въ разныхъ занятіяхъ. Вечеромъ начали читать книгу Попова о русскихъ посольствахъ [1]. Дождались 12-ти часовъ, встрѣтили 1855-й годъ съ внутренней мольбой къ Богу, да спасетъ Господь отъ бѣдствій, грозящихъ всѣмъ. Да помилуетъ Богъ всѣхъ насъ въ этомъ году!

---

[1] А. Поповъ. „Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 году“. Спб. 1854 г.

1855 годъ.

1 января, суббота. Мы были почти всѣ у обѣдни. Молебенъ на новое лѣто особенно кстати въ настоящее время. Да благословитъ Господь новое лѣто, да отвратитъ свой праведный гнѣвъ на насъ, да утвердитъ православную церковь и разоритъ агарянское царство! Воротясь изъ Хотькова, мы прочли продолженіе „Гимназіи“ изъ воспоминаній отесеньки, чрезвычайно интересно и прекрасно передано. Потомъ стали было продолжать *Посольства*, но пріѣхалъ священникъ съ женой и оставался цѣлый день. Въ Москвѣ, говорятъ, ждутъ уже враговъ и поговариваютъ о томъ, какъ-бы спасать имущества.

2 января. Сегодня получили множество писемъ, именно отъ Гильфердинга, который не навѣрное обѣщаетъ пріѣхать къ намъ изъ Москвы, куда собирается на мѣсяцъ; онъ, между прочимъ, пишетъ, что Святославовыхъ дѣлъ не дождаться намъ, что очень грустно и т. ц. Отъ Кулиша письмо въ желчномъ расположеніи духа; онъ раздражается тѣмъ, что мѣшаютъ ему читать у Смирновой толпа свѣтскихъ и дипломатическихъ гостей и т. д. Пишетъ, между прочимъ, о затрудненіяхъ, съ какими онъ попалъ въ Абрамцево, и о своей возвратной поѣздкѣ; я думаю, что онъ не пріѣдетъ къ намъ. Письмо—отъ М. Карташевской; говорятъ, что чума въ непріятельскомъ лагерѣ подъ Севастополемъ—сохрани Богъ. Тургеневъ возвѣщаетъ свой пріѣздъ 8-го или 9-го. Не очень можно желать его пріѣзда. Извѣстія изъ деревни самыя плохія. Дядя Николай Тимофеевичъ остается въ Симбирскѣ по случаю новаго манифеста; видно они приняли его въ воинственномъ духѣ, и дядя одушевленъ искреннимъ энтузіазмомъ. Гильфердинга письмо смутило даже Константина; должно заключить, что будетъ миръ.—Иванъ уѣхалъ въ Москву вечеромъ. И для него, и для насъ лучше быть врозь.

Января 4 — день рожденія Гриши. Извѣстій съ почты осо бенно никакихъ, но надобно ждать мира.

5-е января. Мы были у обѣдни и вечерни на водоосвященіи. Служили торжественно и благочестиво.. „Пріидите, пріимите духа премудрости, духа разума, духа страха Божія"... Молитва передъ освященіемъ воды въ этотъ день, сочельникъ (наканунѣ Крещенія), удивительно хороша.

6 января. Были у обѣдни, но, къ сожалѣнію, опоздали и не слыхали „Елицы во Христа креститеся". Послѣ обѣдни ходили въ келіи смотрѣть на Іордань. Въ одной изъ келій были со мною двѣ монахини, обѣ ходившія въ Іерусалимъ; мы разговорились о войнѣ, я объяснила имъ, что мы отдаемъ православныхъ подъ покровительство католиковъ; онѣ обѣ понимаютъ какъ нельзя лучше, что католики хуже турокъ для православныхъ, и пришли въ крайнее удивленіе и сердечное огорченіе при такомъ извѣстіи; одна изъ нихъ начала молиться, чтобы Господь вразумилъ Государя, чтобы укрѣпилъ православную церковь. Въ этотъ день получила я письмо отъ Машеньки; она пишетъ, что мы принимаемъ даже истолкованія 4 условій, только враги наши будто бы согласились выключить требованіе объ уничтоженіи Севастополя и флота; но я этому не вѣрю; враги наши не уступятъ намъ этого пункта, а развѣ только согласились не дѣлать его явнымъ.—Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Иванъ, а за нимъ долженъ былъ вслѣдъ явиться Самаринъ; между тѣмъ Константинъ уѣхалъ къ Троицѣ, чтобы побывать у Гилярова и Брызгалова. Иванъ привезъ подтвержденіе извѣстія о мирѣ и много разныхъ вѣстей, и политическихъ, и частныхъ. Говорятъ, уже Государь и дворъ повеселѣли отъ надежды на миръ. А что за миръ — позоръ и грѣхъ! Погодинъ, говорятъ, написалъ очень хорощую автобіографію и упомянулъ въ ней объ насъ, т. е. объ отесенькѣ въ особенности, объ братьяхъ и объ нашемъ домѣ [1]. Хомяковъ слышалъ и очень хвалитъ, но насъ это немного смутило. Погодинъ съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ могъ написать весьма неловко и неприлично, по крайней мѣрѣ, сдѣлать насъ смѣшными.

Къ намъ собираются много гостей и даже такихъ, которые никогда не бывали у насъ. Видно, мало занимательнаго въ

[1] Напечатана въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета". Объ Аксаковыхъ читаемъ: „Въ семьѣ А—выхъ Погодинъ находилъ съ 1827 г. радушное и дружеское участіе во всѣхъ его литературныхъ предпріятіяхъ".

Москвѣ. Самаринъ пріѣхалъ часа въ три [1], Константинъ вслѣдъ за нимъ, пошли тотчасъ разговоры. Самаринъ былъ очень простъ, дружественъ. Послѣ обѣда читалъ свой проектъ объ крѣпостномъ правѣ. Это еще не кончено, но написано очень умно, мѣстами прекрасно выражено, но примѣненія къ дѣлу кажутся вовсе неудобоисполнимыми. Это самый затруднительный вопросъ, и врядъ-ли можно его разрѣшить на бумагѣ, но необходимо приготовить къ этому неизбѣжному перевороту, а главное, убѣдить помѣщиковъ добровольно на него согласиться. Въ настоящую минуту это самый главный и важный вопросъ. Теперь ясно становится, что покуда народъ не получитъ глазъ и ушей, чтобъ понимать, что около него и съ нимъ дѣлается, то никакого возрожденія Россія ждать не можетъ, а уши и глаза откроются только тогда, когда будетъ онъ освобожденъ отъ рабства, парализирующаго его способности, его жизнь и участіе. Но Самаринъ думаетъ его распространять; но это не можетъ пройти даромъ. Негодованіе благороднаго русскаго дворянства изыщетъ всѣ средства, чтобы повредить ему. Не дай Богъ! Послѣ чтенія много говорили и толковали.

8 января. Цѣлый день Константинъ читалъ Самарину отесенькины записки. Самаринъ просилъ убѣдительно прочесть все, что только было написано безъ него. Самаринъ былъ въ совершенномъ восхищеніи, особенно отъ женитьбы Тимофея Степановича. Онъ сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе. „Сергѣй Тимофеевичъ, сказалъ онъ, представляя человѣка, передавая всѣ его впечатлѣнія, его сердце, не идетъ путемъ разложенія и анализа, но сохраняетъ его въ цѣлости, передаетъ его въ полнотѣ, какъ оно есть, а между тѣмъ вы видите всѣ подробности, и отъ этого такая свѣжесть, цѣльность, жизнь во всемъ". Это правда, и совершенно противоположное встрѣчаемъ мы во всѣхъ писателяхъ нашего времени; между ними есть и весьма замѣчательные и даровитые люди, но всѣ они принадлежатъ къ одному разбору, всѣ аналитики, дагеротиписты, лишающіе свой предметъ, прежде всего, жизни и души.

Послѣ обѣда, во время чтенія „Гимназіи", пріѣхалъ Мамоновъ [2]. Мы встрѣтились радушно,—добрый человѣкъ и старый

---

[1] Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

[2] Э. А. Дмитріевъ-Мамоновъ—талантливый художникъ, находившійся въ постоянномъ общеніи съ славянофилами. Писалъ по вопросамъ славянофильства.

знакомый. Мы давно его не видѣли, и онъ напомнилъ намъ прежнюю жизнь. Онъ привезъ показать свой портретъ масляными красками, имъ же самимъ написанный. Очень хорошо, но неоконченный, какъ и все, что онъ дѣлаетъ. Человѣкъ, одаренный разнообразными талантами и не способный ни одного изъ нихъ обратить въ дѣло. Продолжали читать „Гимназію“ и послѣ чаю. Много говорили, толковали, спорили даже и, наконецъ, простились съ Самаринымъ. Они ушли всѣ на верхъ, и Самаринъ уѣхалъ не прежде 3-го часу. Самаринъ — человѣкъ чрезвычайно умный и высокихъ достоинствъ. Жаль, что онъ слишкомъ занялся теперь хозяйствомъ и начинаетъ отставать отъ другого рода занятій и окончательно терять довѣріе къ своимъ способностямъ, а онъ могъ бы сдѣлать много полезнаго въ умственномъ мірѣ.

9 января. Получили „Московскія Вѣдомости“, и 4 №№ газетъ иностранныхъ. Всѣ подтверждаютъ одно—постыдный миръ; уже начались конференціи съ русскимъ посломъ. Хотя и ждали его, но удостовѣреніе въ немъ привело всѣхъ въ уныніе, скорбь, раздраженіе, почти отчаяніе. Но теперь надо бы ожидать, что выместится все униженіе, которое было испытано передъ иностранными государствами и передъ своимъ собственнымъ народомъ, надъ нами за то, что были намъ на время развязаны языки, что мы высказали свои совѣты и желанія, и письменно и печатно, которые всѣ теперь служатъ только обвиненіями. За все это какъ бы не пришлось расплатиться! Иванъ получилъ письмо отъ Смирновой, всѣхъ поразившее. Она послѣднее время писала къ нему очень часто, высказывала полное сочувствіе и даже говорила, что теперь не время быть осторожной, и вдругъ сегодня пишетъ ему такое письмо: „Милостивый государь. Я васъ не знаю, не раздѣляла никогда и не раздѣляю вашихъ убѣжденій и мыслей. Западъ гибнетъ отъ гордости и пустословнаго порицанія. Россія спасется смиреніемъ, любовью и т. д. Служить надобно не фантастической Россіи, а такой, какая она есть“ и т. д. Это письмо всѣхъ удивило, и послѣ многихъ толковъ мы не могли его иначе себѣ объяснить, какъ тѣмъ, что въ настоящую минуту знакомство съ такими людьми, какъ Аксаковы, опасно и то, о чемъ она въ другое время охотно бы стала разсуждать, теперь вовсе неумѣстно. По разсказамъ Ивана, онъ точно написалъ ей довольно рѣзкое письмо, отказываясь отъ хлопотъ ея и Блудовой за себя въ опредѣленіи на службу, и при этомъ до-

СЕРГѢЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ АКСАКОВЪ.

Съ рисунка Э. А. Дмитріева-Мамонова, сдѣланнаго въ альбомѣ А. П. Елагиной 23 Мая 1848 года.

вольно неосторожно выразился на счетъ настоящаго порядка вещей, но такія письма она привыкла получать, особенно отъ него, и за два дня передъ тѣмъ, можетъ быть, оно ее вовсе бы не удивило и не оскорбило; но теперь, подъ вліяніемъ новаго рѣшенія при дворѣ, т. е. рѣшенія на миръ, она сама быстро перестроила свои убѣжденія на новый ладъ и уже оскорбилась, что къ ней могли относиться въ другомъ тонѣ [1]. Придворные люди всегда придворные, и связь ихъ съ дворомъ такъ тѣсна, что ихъ собственные взгляды и убѣжденія (незамѣтно, можетъ быть, для нихъ самихъ) измѣняются, расширяются и суживаются, смотря по тому, какой вѣтеръ дуетъ на дворцовомъ флюгерѣ.

---

[1] Письмо Ивана Сергѣевича, столь раздражившее А. О. Смирнову, сохранилось и напечатано (Изъ писемъ И. С. Аксакова къ А. О. Смирновой — „Русск. Арх.“ 1895; III (12), стр. 423—480). Оно, дѣйствительно, написано очень рѣзко. И. С. рѣшительно отказывался отъ всякихъ хлопотъ о мѣстѣ для него со стороны самой Смирновой и графини Блудовой. „Къ вамъ писалъ я о своихъ намѣреніяхъ такъ, откровенности ради и изъ желанія знать ваше мнѣніе и совѣты; но не хлопотать, какъ бы меня куда пристроить, и не давайте Блудовой хлопотать обо мнѣ“. Конецъ письма содержалъ рѣзкости по адресу самой Смирновой: „Говорятъ, Петербургъ теперь отвратительнѣе, чѣмъ когда-либо, и умѣетъ соглашать свой патріотизмъ съ бо̀льшимъ поклоненіемъ Западу, чѣмъ прежде... Очень, очень было мнѣ грустно слышать, что вашъ домъ въ Петербургѣ—домъ совершенно петербургскій, съ баварцами, учащими играть на какой-то балалайкѣ, съ какими-то Портали, père et fille, со всѣмъ петербургскимъ тономъ и складомъ. Знаю я, что мнѣнія ваши совершенно противоположны всему этому образу жизни, и тѣмъ больнѣе мнѣ за васъ. Это постоянное противорѣчіе должно содержать васъ въ раздраженномъ состояніи и возмущать ясность и бодрость духа. Простите, что я написалъ эти строки: я давно уже пересталъ признавать себя въ правѣ дѣлать вамъ какія-либо замѣчанія и упреки; но это не замѣчаніе и не упрекъ, а истинно душевное соболѣзнованіе, которымъ грѣшно оскорбляться. Прощайте, любезнѣйшая Александра Осиповна. Я отмѣнилъ свое намѣреніе ѣхать въ Петербургъ: лишняя трата времени! 2 января 1855 г.“

Письмо Смирновой отъ 6 января, содержаніе котораго приведено въ дневникѣ Вѣры Сергѣевны, пока не оглашено. Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ ей слѣдующимъ рѣзкимъ письмомъ, послѣ котораго ихъ переписка прекратилась до 1863 г.: „Милостивая Государыня Александра Осиповна. Письмомъ вашимъ отъ 6-го января вы спѣшите торжественно отречься отъ всякаго сочувствія къ моимъ мнѣніямъ, чувствамъ и желаніямъ. Успокойтесь. Вполнѣ убѣждаюсь, что между нами рѣшительно нѣтъ, да вѣроятно никогда и не было, ничего общаго; я вамъ глубоко благодаренъ за то, что вы уничтожили во мнѣ и послѣднюю тѣнь сомнѣнія. Искренно желаю, чтобы вы своею похвально-своевременною откровенностью вполнѣ достигли предположенной вами цѣли, и поздравляю васъ съ надеждами на миръ. Ив. Аксаковъ“.

Какъ ни умна Смирнова, но она не могла оторваться отъ зависимости придворной; это уже сдѣлалось другой природой. Какъ бы то ни было, ея поступокъ не предвѣщаетъ ничего добраго.

Письмо отъ Хлѣбникова—благодарность за ноты, описываетъ трогательныя доказательства готовности жертвовать бѣдныхъ людей. Болитъ русское сердце, говоритъ онъ. Дѣвушка моя мнѣ сказывала, что наши крестьяне толкуютъ о томъ, что Севастополь велѣно будетъ сжечь; одинъ изъ нихъ сказалъ: „это все равно, что мнѣ велятъ самому сжечь свою избу, потому что враги не смогли ее разрушить". Подъ Москвой объ этомъ говорятъ и понимаютъ, въ чемъ дѣло, но на другихъ концахъ Россіи и слухъ о войнѣ заходилъ только, какъ вѣсть объ рекрутствѣ. Пространна Россія, и народъ потерялъ вѣдѣніе; откроются ли уши и глаза его когда-нибудь? Получено также письмо отъ Гриши, у нихъ дѣти въ коклюшѣ. Какъ это тяжело! Дай Богъ, чтобъ они скорѣе оправились.

12 января. Мамоновъ пробылъ у насъ три дня и вчера вечеромъ уѣхалъ съ Константиномъ въ Москву. Константинъ устроилъ у Самарина празднованіе юбилея университета по своему. На публичное празднованіе они не пойдутъ: безъ мундировъ не пускаютъ. Они условились собраться нѣсколькимъ прежнимъ студентамъ разныхъ курсовъ и написать каждому о времени своего студентства и прочесть на этомъ вечерѣ. Константинъ написалъ довольно пространное и очень интересное [1]. Мамонова тоже подстрекнули; въ первый день онъ прочелъ намъ описаніе, коротенькое и не дающее никакого понятія о времени. Ему всѣ это замѣтили и посовѣтовали пополнить, что онъ и исполнилъ довольно удачно, и кажется, самъ остался очень доволенъ своею дѣятельностью. Они съ Константиномъ работали, не переставая цѣлый день, такъ что даже онъ сказалъ, что онъ написалъ бы, если бъ и не былъ у насъ. Онъ не только лѣнивъ, но внутри его не слышно ничего твердаго, прочнаго, дѣльнаго. Если бъ только нужно было возбудить его дѣятельность, этого еще бы можно было достичь какъ-нибудь, но въ немъ нѣтъ внутренней, духовной крѣпости, которую врядъ ли возможно внушить кому-нибудь, и потомъ мнѣ кажется, онъ способенъ возмечтать слишкомъ: сейчасъ задаетъ себѣ такія задачи, которыхъ

[1] Эти воспоминанія К. С. напечатаны въ „Днѣ" за 1862 годъ, №№ 39 и 40, а также изданы отдѣльно, Спб., 1910 г., кн-во „Огни".

выполнить ни въ какомъ случаѣ не можетъ, и бросаетъ все. Что за люди!

Сегодня вечеромъ должно быть это студентское собраніе; какъ-то оно удастся? Константинова статья слишкомъ спѣшно была написана и потому очень небрежно; онъ ее не успѣетъ переписать и, вѣрно, будетъ не разбирать, читая. Газетъ сегодня не получили, а только два письма отъ дяди Аркадія Тимофеевича, который приведенъ въ совершенное отчаяніе, читая, что пишетъ „Independance Belge“ о Россіи. Анна Степановна приписываетъ очень мило нѣсколько строкъ и гораздо его разсудительнѣе; пишетъ, что только и разговоровъ, что о политикѣ. Получили также письмо отъ Трутовскихъ. Слава Богу, у нихъ все хорошо, счастливо; Трутовскій занятъ своей живописью. О политическихъ дѣлахъ уже мало говорится, уже все безполезно, чувствуется полное свое безсиліе и только ждется что-то неопредѣленное въ далекой дали. Что и когда будетъ, никто не можетъ знать. Да совершатся святыя судьбы Божіи надъ нами!

14 января. Получили сегодня 11 и 13 №№ Journal de Francfort, а 12-го нѣтъ; вѣрно задержанъ, такъ, какъ и 2-й номеръ; особеннаго ничего нѣтъ. Принятіе нами всѣхъ 4 условій со всѣми ихъ истолкованіями совершенно подтверждается. Англійскій и французскій послы въ Вѣнѣ получили полномочіе отъ ихъ дворовъ, и кажется, будетъ миръ, потому что мы заранѣе на все согласны и, вѣроятно, подпишемъ всѣ условія; тѣмъ болѣе, что Пруссія, говорятъ, присоединилась къ трактату 2 декабря, заключенному Австріей съ иностранными державами; Сардинія также, и скоро, одна за другой, и всѣ европейскія державы тоже сдѣлаютъ. А между тѣмъ на этихъ же конференціяхъ объявлено, что военныя дѣйствія не прекратятся во время переговоровъ о мирѣ, и иностранныя державы посылаютъ ежедневно подкрѣпленія въ Крымъ; нѣсколько батальоновъ французской гвардіи туда же отправились. Разнесся было слухъ о нашей побѣдѣ надъ турками за Дунаемъ, будто бы мы разбили 12 тысячъ турокъ и т. д. Но это преувеличено; точно, изъ корпуса Лидерса былъ отряженъ ген. Ушаковъ съ войскомъ на рекогносцировку на другой берегъ Дуная, и послѣ небольшого сопротивленія турки бѣжали до Бабадага; наши атаковали Бабадагъ, и скоро турки его оставили; у нашихъ всего 1 солдатъ раненый, а турокъ слишкомъ 200 чел. убито, 80 плѣнныхъ. Доказательство, какъ легко было бы намъ завоевать всю Турцію теперь, когда тамъ

вовсе нѣтъ войскъ (Омеръ-паша отправился въ Крымъ), и особенно при содѣйствіи болгаръ и грековъ. Въ Москвѣ праздновали 12 января, столѣтіе Московскаго университета. По этому случаю получена грамота отъ Государя, очень умно и хорошо написанная; вѣроятно, писалъ Блудовъ [1]. Если бъ мы не знали заранѣе, что такого рода грамота и тому подобныя слова — пустая бумага, мы бы порадовались за такое уваженіе къ наукѣ; но у насъ это не имѣетъ никакого значенія, и не будетъ странно, если завтра же обратятъ университетъ въ корпусъ. По поводу юбилея приготовлены и еще готовится много ученыхъ трудовъ. Говорятъ, всѣ должны быть въ мундирахъ на этомъ торжествѣ, и потому многіе, а въ томъ числѣ и Константинъ, не будутъ участвовать въ немъ, а хотѣли сами его праздновать особо, частнымъ образомъ. Сегодня былъ у насъ сосѣдъ нашъ, Пальчиковъ, прекрасный, умный человѣкъ, очень образованный, благочестивый, съ твердыми правилами, но ему недостаетъ чего-то, трудно сказать, чего именно; онъ какъ-то слишкомъ равнодушно относится ко всему, и къ наукѣ, и къ знакомымъ, слишкомъ вездѣ слѣдуетъ по правиламъ.

16 января, воскресенье. По утру получили мы „Московскія Вѣдомости" и 2 номера „Journal de Francfort"... Извѣстій политическихъ особенно никакихъ, переговоры о мирѣ не подвинулись и всѣ скорѣе сомнѣваются въ достиженіи мира.—„Московскія Вѣдомости" интересны болѣе описаніемъ юбилея, напечатаны рѣчи и адресы. Слово митрополита, говоренное въ университетской церкви, замѣчательно его особеннымъ краснорѣчіемъ, мѣста нѣкоторыя удивительно хороши и по глубинѣ мысли, и по красотѣ и силѣ изложенія. Всѣ адресы отъ всѣхъ университетовъ и учебныхъ заведеній очень просты и хороши, кромѣ нѣскольких, весьма немногихъ, казенныхъ мѣстъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; во всѣхъ отозвалось живое, искреннее сочувствіе со всѣхъ концовъ Россіи. Только рѣчь Шевырева невыносимо скучна, пошла и исполнена такихъ безпрестанныхъ поклоненій властямъ, что невыносимо слушать. Въ лицѣ его не отли-

[1] Грамоту писалъ А. В. Никитенко. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ: „Грамота государя произвела большой эффектъ. Всѣ утверждаютъ, что писалъ я. Разумѣется, я вездѣ стараюсь увѣрить въ противномъ; просилъ Каткова, Шевырева поддерживать мое отрицаніе. По крайней мѣрѣ, не говорили бы во всеуслышаніе, иначе это можетъ еще обострить мои отношенія съ министромъ и А. С. Норовымъ".

чился Московскій университетъ. Можно ли умѣть такъ опошлить всякую мысль и предметъ, изо всего сдѣлать шутовство! Что за цвѣтистая рѣчь! [1]. Мы ее еще не кончили, какъ пріѣхалъ изъ Москвы Константинъ, слава Богу, совершенно довольный своей поѣздкой. Собственно на актѣ, ни онъ, ни Самаринъ не были, отчасти потому, что думали, что безъ мундировъ не будутъ пускать, отчасти потому, что имъ какъ-то не захотѣлось участвовать на торжествѣ, въ которое вмѣшалось правительство. Слухи ходили и подтвердились, что вводятъ батальонное ученіе въ университетахъ, даютъ каски и т. д. Но несмотря на казенное вмѣшательство, это торжество не потеряло своего собственнаго значенія и встрѣтило вездѣ искреннее сочувствіе. Всѣ университеты и всѣ училища прислали своихъ депутатовъ съ адресами (кромѣ Дерптскаго, который прислалъ только адресъ). Отъ всѣхъ концовъ съѣхалось множество всякихъ лицъ, старыхъ студентовъ и профессоровъ, для празднованія этого дня, и торжество, говорятъ, удалось какъ нельзя лучше, потому что было искренно. И Константинъ и Самаринъ очень жалѣли, что увлеклись какимъ-то оппозиціоннымъ духомъ, тѣмъ болѣе, что они могли успѣть побывать и на актѣ и воротиться во время на свой юбилей, въ домъ Самарина. Ихъ домашній юбилей удался тоже прекрасно. Хомяковъ былъ приглашенъ, какъ гость. Всѣ, кромѣ Елагиныхъ, приготовили описанія своей университетской жизни. Константинъ заставилъ Самарина написать въ тотъ же день, и хотя онъ не успѣлъ кончить, но вышло и умно, и живо, и хорошо написано. Князь Черкасскій, Стаховичъ также написали; у всякаго вышло въ своемъ родѣ и все было интересно, живо, такъ просто и искренно, что всѣ были вполнѣ довольны и какъ будто помолодѣли. Погодинъ пріѣхалъ среди чтенія, и хотя въ нѣкоторыхъ описаніяхъ касалось и до него и въ числѣ отзывовъ были ему и не очень лестные (впрочемъ, касающіеся болѣе его слога, неумѣнія писать), но онъ принялъ все какъ нельзя лучше, умилялся и улыбался отъ удовольствія; въ заключеніе онъ прочелъ рѣчь „о Ломоносовѣ“, которую не

---

[1] П. А. Кулишъ въ слѣдующихъ словахъ передаетъ отзывъ К. С. Аксакова о юбилеѣ: „Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество, но съѣхавшіеся со всѣхъ концевъ Россіи воспитанники Московскаго университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости“. А по поводу литографированнаго въ то время портрета Шевырева К. С., по словамъ П. А. Кулиша, выразился: „такъ похожъ, что хочется плюнуть“.

успѣлъ прочесть въ университетѣ [1]. Всѣ были довольны, во всѣхъ пробудилось какое-то одушевленіе, всѣ почувствовали какую-то связь между собой. Изъ посторонних былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и еще человѣка три. Тургеневъ — человѣкъ, вовсе не принадлежащій къ этому кругу, но очень желаетъ примкнуть къ нему, потому что отстаетъ отъ противоположнаго круга. За ужиномъ предложили тосты за университетъ и за Москву, заставили Константина прочесть стихи его „Свободное Слово", потомъ стихи Ломоносова, и такъ разошлись, всѣ очень довольные.

На другой день, получа приглашеніе на обѣдъ университетскій, Константинъ и Самаринъ рѣшились ѣхать. Обѣдъ былъ великолѣпный, обѣдало 500 человѣкъ. Жаль, что американскій посолъ, пріѣхавшій нарочно на юбилей и присутствовавшій наканунѣ на актѣ, простудился и не могъ быть на обѣдѣ. На этомъ обѣдѣ Константинъ встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, которые всѣ ему чрезвычайно обрадовались, обнимались и цѣловались, по славянскому обычаю. Въ томъ числѣ Милютинъ, теперь уже генералъ, а 23 года тому молодой 17-лѣтній мальчикъ, принимавшій участіе въ литературномъ обществѣ, заведенномъ тогда Константиномъ. Онъ вспомнилъ объ этомъ и сказалъ, что хранитъ протоколы этого общества. На другой день Константинъ, заѣхавши къ Грановскому (который сдѣлалъ ему передъ этимъ упрекъ, что онъ никогда его не видитъ), согласился у него отобѣдать, тѣмъ болѣе, что Милютинъ долженъ былъ тамъ же обѣдать; но вмѣсто одного Милютина Константинъ нашелъ тамъ весь Западъ, и не только московскій, но и петербургскій; такъ напримѣръ, издатели журналовъ петербургскихъ и т. д. Обѣдъ этотъ и все общество оставило крайне непріятное впечатлѣніе на Константина; онъ очень жалѣлъ, что на него попалъ. Между тѣмъ, въ этотъ день давался обѣдъ студентамъ, и въ томъ числѣ нѣкоторые профессора и министры присутствовали на немъ. Обѣдъ, т. е. одушевленіе, рѣчи, восторгъ, былъ необыкновенный; Шевыревъ, по словамъ даже его недруговъ, говорилъ превосходно. Норовъ увлекся, выразилъ искренно свою любовь къ университету и студентамъ, тѣ хотѣли

[1] М. П. Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 12 января: „Вечеръ у Самарина. Воспоминанія студентовъ. Отзывъ обо мнѣ. Прочелъ имъ рѣчь. Пріятныя минуты" (Барсуковъ, Н. П. „Жизнь Погодина", XIII, 351).

его даже качать, но онъ уклонился. Норовъ цѣловался, говорятъ, со студентами. Говорятъ, была минута, когда многіе перекрестились. Что это такое было, трудно понять, но, по свидѣтельству людей безпристрастныхъ, это было все искренно и просто [1]. Въ день юбилея Самаринъ, Константинъ и множество студентовъ и профессоровъ ѣздили расписаться къ Строганову, бывшему попечителю университета, хотя направленія западнаго, но не унижавшему университета, который былъ почти вынужденъ правительствомъ оставить эту должность. Строганова не было въ Москвѣ, и всѣ это знали, но всѣ хотѣли, по крайней мѣрѣ, заявить ему свое одобреніе: около дома его была толпа, это была маленькая демонстрація. Впрочемъ, конечно, Константинъ не можетъ быть лично благодаренъ Строганову, который постоянно преслѣдовалъ его и даже, какъ увѣряютъ люди знающіе, писалъ на него доносъ; всѣ продѣлки съ диссертаціей Константина были—его дѣло. Много видѣлъ Константинъ знакомыхъ, и многіе сказали ему, что собираются къ намъ. Константинъ предложилъ дать обѣдъ американскому послу; эта мысль понравилась, но вскорѣ увидѣли, что она неудобоисполнима: начальство или бы запретило, или бы само вмѣшалось, чего, конечно, никто не желалъ. У князя Юрія Оболенскаго Константинъ читалъ по просьбѣ его записку о своемъ студенчествѣ и стихи свои. Тамъ онъ видѣлъ очень хорошенькую дѣвушку, племянницу Оболенскаго, Евреинову. Съ Катериной Алекс. Черкасской у Константина былъ весьма важный и сильный разговоръ по поводу нѣкоторыхъ выраженныхъ его нравственныхъ взглядовъ, напримѣръ, о необходимости руководителя для женщины и т. д. Константинъ услыхалъ и узналъ въ этомъ то безнравственное начало, которое давно уже насъ возмущаетъ и по поводу котораго онъ написалъ прекрасные стихи *Лже-духъ*. Это именно утонченная безнравственность нашего времени, которая умѣла проникнуть во всѣ святыя чувства и мысль человѣка, и какъ сильно это зло, какъ незамѣтно оно вкрадывается подъ личиной всего прекраснаго!

По предложенію Константина, у Хомякова устроился филологическій вечеръ, который состоялъ изъ четырехъ филологовъ:

---

[1] Подробности объ обѣдахъ по случаю юбилея—большомъ 13 января, и маломъ со студентами 14-го—въ книгѣ Н. П. Барсукова. „Жизнь Погодина“ XIII, стр. 345—350.

Хомякова, Константина, Гильфердинга и Коссовича. Они вдоволь и всласть наговорились о филологіи и даже безжалостно продолжали свои разговоры при постороннихъ посѣтителяхъ. Чаадаевъ неожиданно попалъ на это засѣданіе, посидѣлъ, не выдержалъ и ушелъ. Позднѣе собрались туда Самаринъ и другіе и уже поздно разъѣхались.

25 января, вторникъ. Опять давно не писала; нѣсколько дней провели мы такъ шумно, что только теперь отдохнули. Черезъ пять дней послѣ возврата Константина изъ Москвы пріѣхалъ передъ обѣдомъ Тургеневъ со Щепкинымъ; его мы ждали, но не ждали Щепкина. Я не хотѣла даже выходить на это время (я и въ первый разъ, когда былъ у насъ Тургеневъ, не выходила изъ своей комнаты, не имѣла особеннаго интереса его видѣть) [1]. Мы поѣхали съ Любинькой кататься въ деревню; возвращаемся, кучеръ намъ говоритъ: „еще пріѣхали гости", смотримъ, отъ крыльца отъѣзжаетъ кибитка. Это былъ Хомяковъ съ Гильфердингами, отцомъ и сыномъ. Этихъ людей я непремѣнно желала видѣть и потому вышла въ гостиную. Какъ ни рады мы были всѣ Хомякову и Гильфердингамъ, но очень жалѣли, что они съѣхались вмѣстѣ съ Тургеневымъ, человѣкомъ совершенно противоположнымъ по всѣмъ убѣжденіямъ. Гильфердингъ отецъ пріѣхалъ первый разъ къ намъ; человѣкъ весьма почтенный и лѣтами и достоинствами, съ живымъ участіемъ ко всему, и очень радушный, съ учтивостью и привѣтливостью

[1] Представленіе Вѣры Сергѣевны о Тургеневѣ является синтезомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя оставилъ Тургеневъ въ отдѣльныхъ членахъ Аксаковской семьи, но главнымъ образомъ, оно отражаетъ отношеніе къ Тургеневу Константина Сергѣевича. Извѣстно, что и Тургеневъ не особенно жаловалъ старшаго Аксакова. Любовь къ природѣ и страсть къ охотѣ сближала Тургенева съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ, а его отзывы о работахъ С. Т. сильно располагали С. Т. въ его пользу. Да кромѣ того, въ Аксаковской семьѣ С. Т. былъ самымъ западнымъ человѣкомъ. Сближеніе Тургенева съ нимъ началось въ 1850 г. Во время подневольнаго житья въ Спасскомъ, Тургеневъ велъ оживленную переписку съ С. Т., а послѣ освобожденія бывалъ не разъ въ Абрамцевѣ. По смерти С. Т. и К. С., крайнее несходство въ убѣжденіяхъ, наконецъ, дало себя знать, и сношенія И. С. Тургенева съ Иваномъ Аксаковымъ въ началѣ 60-хъ годовъ становятся исключительно внѣшними. Дружба Тургенева съ Аксаковыми и исторія взаимныхъ вліяній ждетъ еще анализа, для котораго весь матеріалъ собранъ въ ихъ перепискѣ. Письма Тургенева къ Аксаковымъ напечатаны въ „Вѣст. Евр." 1894, янв. февр., а письма Аксаковыхъ съ примѣчаніями Л. Н. Майкова напечатаны въ „Русскомъ Обозрѣніи" 1894, авг., сент., окт., ноябрь и декабрь.

прежняго времени; онъ всѣмъ очень понравился, хотя и многія его понятія устарѣли, и онъ, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, не позволяетъ себѣ рѣзко выражаться объ немъ, хотя и не защищаетъ его дѣйствія. Онъ, конечно, крайне некрасивъ лицомъ, но это безобразіе вовсе не противно. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ у насъ, какъ будто давно знакомый.

Тургеневъ—огромнаго роста, съ высокими плечами, огромной головой, чертами чрезвычайно крупными, волосы почти сѣдые, хотя ему еще только 35 лѣтъ. Вѣроятно, многіе его находятъ даже красивымъ, но выраженіе лица его, особенно глазъ, бываетъ иногда такъ противно, что съ удовольствіемъ можно остановиться на лицѣ отца Гильфердинга. Тургеневъ мнѣ рѣшительно не понравился, сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе. Я съ вниманіемъ всматривалась въ него и прислушивалась къ его словамъ, и вотъ что могу сказать. Это человѣкъ кромѣ того, что не имѣющій понятія ни о какой вѣрѣ, кромѣ того что проводилъ всю жизнь безнравственно и котораго понятія загрязнились отъ такой жизни, это—человѣкъ, способный только испытывать физическія ощущенія; всѣ его впечатлѣнія проходятъ черезъ нервы, духовной стороны предмета онъ не въ состояніи ни понять, ни почувствовать. Духовной, я не говорю въ смыслѣ вѣры, но человѣкъ, даже не вѣрующій, или магометанинъ, способенъ оторваться на время отъ земныхъ и матеріальныхъ впечатлѣній, иной въ области мысли, другой подъ впечатлѣніемъ изящной красоты въ искусствѣ. Но у Тургенева мысль есть плодъ его чисто земныхъ ощущеній, а о поэзіи онъ самъ выразился, что стихи производятъ на него физическое впечатлѣніе, и онъ, кажется, потому судитъ, хороши-ли они или нѣтъ; и когда онъ ихъ читаетъ съ особеннымъ жаромъ и одушевленіемъ, этотъ жаръ именно передаетъ какое-то внутреннее физическое раздраженіе, и красоты чистой поэзіи, уже нечисты, выходятъ изъ его устъ. У него есть какія-то стремленія къ чему-то болѣе деликатному, къ какой-то душевности, но не духовному; онъ весь—человѣкъ впечатлѣній, ощущеній, человѣкъ, въ которомъ нѣтъ даже языческой силы и возвышенности души, какая-то дряблость душевная, какъ и тѣлесная, несмотря на его огромную фигуру. А Константинъ начиналъ думать, что Тургеневъ сближается съ нимъ, сходится съ его взглядами и что совершенно можетъ отказаться отъ своего прежняго, но я счи-

таю это рѣшительно невозможнымъ. Хомяковъ сказалъ справедливо, что это все равно, что думать, что рыба можетъ жить безъ воды. Точно, это—его стихія, и только Богъ одинъ можетъ совершить противоестественное чудо, которое побѣдитъ и стихію, но конечно не человѣкъ. Константинъ самъ, кажется, въ этомъ убѣждается и на прощаньи пришелъ въ сильное негодованіе отъ словъ Тургенева, который сказалъ, что Бѣлинскій и его письмо [1], это — вся его религія и т. д. Я уже не говорю о его ошибочныхъ мысляхъ и безнравственныхъ взглядахъ, о его гастрономическихъ вкусахъ въ жизни, какъ справедливо Константинъ назвалъ его отношеніе къ жизни, а я говорю только о тѣхъ внутреннихъ свойствахъ души его, о запасѣ, лежащемъ на днѣ всего его внутренняго существа, пріобрѣтенномъ, конечно, такой искаженной и безобразной жизнью и направленіемъ, но сдѣлавшемся уже его второй природой. При такомъ состояніи, мнѣ кажется, если Богъ не сдѣлаетъ надъ нимъ чуда и если онъ не сокрушитъ самъ всего себя, всѣ его стремленія и приближенія къ тому, что онъ называетъ добромъ, только еще болѣе его запутаютъ, и онъ тогда совершенно оправдаетъ стихи Константина. „Дай Богъ, чтобъ всѣмъ намъ придти къ истинному свѣту“.

И возлѣ этого человѣка—Хомяковъ, человѣкъ по преимуществу исключительно духовный, не въ смыслѣ только его возвышенной, разумной, истинной вѣры, согрѣтой самымъ искреннимъ душевнымъ убѣжденіемъ, не только въ смыслѣ его строгой нравственности, но по свойству его натуры, трезвый во всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ и проявленіяхъ. Необыкновенный человѣкъ!

Гильфердингъ молодой, ученый всей душой, но несмотря на свою изумительную ученую дѣятельность, несмотря на исключительность своего направленія, онъ не только человѣкъ не односторонній, не сухой, но напротивъ, принимающій самое живое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, исполненный самаго радушнаго и безразличнаго сочувствія ко всѣмъ людямъ; онъ интересуется жизнью каждаго человѣка, съ которымъ встрѣчается, его занятіями, его впечатлѣніями, и если только можетъ чѣмъ-нибудь съ своей стороны быть полезнымъ, удовлетворить какимъ-нибудь добрымъ желаніямъ и потребностямъ людей,

---

[1] Извѣстное письмо къ Гоголю.

особенно, которыхъ уважаетъ, онъ сейчасъ же предлагаетъ свои услуги, и отъ него пріятно ихъ принимать. Мы его всѣ очень любимъ за его общительный характеръ и давно уже дружески съ нимъ знакомы; онъ и прежде провелъ у насъ въ два раза недѣлю. Щепкинъ очень глухъ, и жалко его видѣть въ обществѣ не принимающимъ участія въ разговорахъ.

Обѣдъ прошелъ живо, и хотя мы не ждали гостей, а достало на всѣхъ. Тургеневъ заранѣе уже завладѣлъ стуломъ возлѣ отесеньки; трудно даже повѣрить, что онъ привязываетъ къ такому пустяку какое-нибудь значеніе. Послѣ обѣда, когда вошли мы въ гостиную, насъ было такъ много, какъ будто на раутѣ въ Москвѣ. Начались разные толки и разговоры, иногда общіе, иногда частные. Хомяковъ было думалъ читать намъ свою новую французскую статью о значеніи православія, католицизма (или, какъ называетъ Хомяковъ, романизма) и протестантизма, но такъ какъ тутъ были бы слушатели, вовсе неспособные понять ее, и такъ какъ отесенькѣ трудно было бы слушать скорое чтеніе Хомякова по французски, то чтеніе не состоялось, и мы, т. е. сестры и Гильфердингъ молодой, попросили у Хомякова позволенія прочесть ее особо [1].

Послѣ чаю мы сѣли особо въ залу за столъ; Гильфердингу надобно было свѣрять свою копію съ этой статьи, и мы начали читать, то Гильфердингъ, то я, вслухъ. Статья эта необыкновенна; свѣтлый христіанскій разумъ, освѣщающій, какъ день, всѣ богословскіе вопросы вѣры, самая глубокая душевная вѣра, живящая всѣ разумные доводы, и служащая основой и источникомъ всѣхъ его взглядовъ на весь міръ, все, что поражаетъ такъ сильно и заставляетъ читателя испытать самое высокое наслажденіе. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вопросы чисто специально богословскіе для меня не вполнѣ доступны. Мы восхищались каждымъ словомъ, каждое слово такъ полно, такъ точно, такъ обдуманно, что удивляешься, какимъ образомъ французскій языкъ могъ выразить такія глубокія мысли. Мы прочли только половину, въ гостинной шумѣли и говорили, и мы рѣшились оставить чтеніе до другого дня.

Въ гостинной шли разговоры о Россіи и русскомъ чело-

---

[1] Очевидно, рѣчь идетъ о вышедшей въ 1855 г. на франц. языкѣ въ Лейпцигѣ статьѣ А. С. Хомякова „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“.

вѣкѣ между Константиномъ, Хомяковымъ и Тургеневымъ. Разумѣется, съ Константиномъ никто вполнѣ не соглашается въ его мнѣніи о русскомъ человѣкѣ, т. е. крестьянинѣ; вслѣдствіе того выходило, что Тургеневъ съ Хомяковымъ какъ будто были одного мнѣнія. Константинъ это и замѣтилъ Хомякову, но Хомяковъ поспѣшилъ, даже вопреки учтивости, отречься отъ того, говоря, что онъ не одного мнѣнія съ Тургеневымъ и что если бъ они разговорились далѣе, то разошлись бы совершенно во взглядахъ и т. п. Тургеневъ понялъ это и сказалъ: „Константинъ Сергѣевичъ, въ самомъ дѣлѣ, хитеръ. онъ зналъ, что его слова помогутъ ему", или что-то въ этомъ родѣ. Говорятъ, Тургеневъ говорилъ очень умно. Разошлись, я думаю, около часу.

На другой день по утру, только что мы проснулись, намъ говорятъ, что пріѣхали еще гости. Мы думали, что это Стаховичъ [1], который давно собирается къ намъ и потому только не поѣхалъ въ одно время съ Хомяковымъ, что узналъ, что у насъ будетъ много гостей; но это былъ не Стаховичъ, а князья Юрій и Андрей Оболенскіе, добрѣйшіе люди и самые простодушные. Мы имъ всегда рады и жалѣли, что среди многихъ другихъ гостей не успѣемъ ими заняться. Юрій Оболенскій зналъ, что у насъ будутъ гости, но Андрею сказалъ о томъ, только подъѣзжая къ дому, и того это такъ смутило, что онъ готовъ былъ воротиться. Итакъ, наше общество прибавилось еще двумя рослыми мужчинами, и въ комнатахъ еще стало тѣснѣе. Послѣ завтрака, по просьбѣ всѣхъ гостей, Константинъ читалъ отесенькины сочиненія, именно хронику: „Женитьбу дѣдушки и бабушки". Они были, разумѣется, въ восхищеніи, особенно Хомяковъ и Гильфердингъ отецъ. Тургеневъ, хотя и восхищался, но сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Оболенскіе уже слышали это самое сочиненіе и говорятъ, что въ другой разъ слушали еще съ большимъ наслажденіемъ. Передъ обѣдомъ пошли погулять, сперва Тургеневъ одинъ, а тамъ и всѣ 10 человѣкъ, но скоро воротились, потому что чуть не завязли въ снѣгу. Мы поѣхали кататься и посадили съ собой Гильфердинга молодого. Но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что катанье не было очень пріятно, къ тому же лошади наши насилу насъ ввезли на гору и, когда мы велѣли повернуть назадъ, то совсѣмъ было завязли. Вниманіе исключительное Гильфердинга къ Л., начавшееся съ первой минуты зна-

[1] М. А. Стаховичъ, авторъ „Ночного".

комства и возобновившееся съ первой же минуты свиданья, насъ очень забавляло, тѣмъ болѣе, что Л. принимала это вниманіе очень сурово и даже иногда чуть не грубо. Передъ обѣдомъ всѣ почти пошли отдохнуть на верхъ, а Константинъ съ Гильфердингомъ сыномъ воспользовались этимъ временемъ, чтобы наговориться о филологіи. Оболенскіе и Щепкинъ остались внизу, и мы прочли между тѣмъ „Театральныя сцены" Жихарева, гдѣ выведенъ князь Шаховской на репетиціи; написано недурно, но не такъ, чтобы возбудить общій интересъ. Тургеневъ вскорѣ сбѣжалъ сверху въ ужасѣ отъ разговоровъ о филологіи, которыхъ былъ невольнымъ слушателемъ. Скоро и всѣ сошли и сѣли за столъ, который еще болѣе растянулся въ этотъ день. Обѣдъ былъ очень живой, и часто Тургеневъ возбуждалъ общій смѣхъ своимъ отвращеніемъ къ филологіи. Послѣ обѣда было опять чтеніе другого отрывка изъ хроники объ М. М. Куроѣдовѣ. Чтеніе это возбудило, разумѣется, много толковъ о подобнаго рода жестокихъ помѣщикахъ и т. д. Тургеневъ расходился, пришелъ въ неистовство, нервы его раздражились, и онъ жалѣлъ, что Куроѣдовъ не былъ наказанъ Степаномъ Михайловичемъ примѣрнымъ образомъ и т. д. Вечеръ прошелъ въ разнородныхъ разговорахъ—и общихъ, и частныхъ—и толкахъ. Я успѣла прочесть всю статью Хомякова; Хомяковъ, поужинавъ и закуривъ трубку, расположился, кажется, долго сидѣть по своему обыкновенію, но въ гостинной должны были лечь Рюриковичи, которые всю ночь почти не спали и нуждались въ отдыхѣ [1]. Мы стали прощаться: такъ какъ Хомяковъ и Гильфердингъ уѣзжали рано утромъ, то я и простилась съ ними заранѣе. Прощаясь съ Хомяковымъ, я сказала, какое наслажденіе доставила мнѣ его статья. Хомяковъ принимаетъ всякое сочувствіе и одобреніе, даже хоть отъ малаго ребенка, съ удовольствіемъ и благодарностью и благодарилъ меня искренно. Въ то время, какъ я ему говорила, мы услыхали слова Тургенева, обращенныя къ маменькѣ: „Даю вамъ слово, что въ будущее воскресенье пойду въ церковь".

Мы переглянулись, я спросила Хомякова: „Какое, вы думаете, произвела бы ваша статья впечатлѣніе на Тургенева?"

— Ровно никакого,—сказалъ онъ,—т. е. онъ бы сказалъ: да

[1] Братья Оболенскіе.

это умно, очень хорошо и больше ничего, и слѣда бы не осталось".

— Да,—отвѣчала я,—онъ, кажется, вовсе не способенъ ничего понять духовнаго; однако-жъ есть какія-то стремленія, но это не къ духовному, а къ душевности какой-то. Онъ все понимаетъ только впечатлѣніями, чисто даже физическими.

— „Да это правда,—сказалъ Хомяковъ,—стихи Константина Сергѣевича, которые онъ мнѣ читалъ, сильно написаны на него.

Потомъ мы поговорили о томъ, какъ удивительно, что Vinet, разрушая католицизмъ и протестантизмъ и чувствуя потребность чего-то другого, какого-то новаго жизненнаго начала въ церкви, не только не подозрѣваетъ, что оно можетъ находиться въ православіи, но даже не указываетъ на него, даже не упоминаетъ о немъ, какъ будто его не бывало, а между тѣмъ, сколько десятковъ милліоновъ исповѣдуютъ его, и человѣкъ ученый, изучившій, конечно, все древнее и новѣйшее, не знаетъ и не обращаетъ вниманія на то, что совершается недалеко отъ нихъ въ виду всѣхъ. Удивительно! Даже не находя исхода и утѣшенія на западѣ и не видя залоговъ возрожденія въ будущемъ, онъ указываетъ на отдаленный несчастный народъ и думаетъ въ его смиреніи и дѣтской любви къ Богу и дѣтскихъ понятіяхъ найти въ будущемъ обновленіе жизни вѣры. Бичеръ-Стоу, замѣчательная американская писательница превосходнымъ, особенно полезнымъ романомъ своимъ „Uncle Tom [1]", также думаетъ, что изъ этого народа возникнетъ истина вѣры. Хомяковъ сказалъ, что ему обидно и больно, что онъ не зналъ о Vinet при жизни его, что онъ, конечно бы сошелся съ нимъ во взглядѣ. Конечно, Vinet, сколько могъ, понялъ и предчувствовалъ православіе въ возможности [2]. Хомяковъ обѣщалъ намъ прислать какъ можно скорѣе списокъ статьи; черновую-же не можетъ дать потому, что она очень перемарана. Онъ говоритъ: „я сидѣлъ за каждымъ словомъ подолгу для того, чтобъ мои враги—не столько иностранцы, сколько здѣшніе, особенно духовнаго званія и направленія,—не могли придраться ни къ одному слову". — Прочтя статью его, чувствуешь силу право-

---

[1] „Хижина дяди Тома".

[2] Александръ-Рудольфъ Вине (1797—1847), извѣстный историкъ литературы и богословъ, бывшій во главѣ движенія за независимую церковь.

славія и силу русскаго ума. Ни то, ни другое не можетъ сокрушиться.

На другой день, еще я не вставала, когда уѣхали Хомяковъ и Гильфердинги—отецъ съ сыномъ къ Троицѣ, а оттуда въ Москву, и въ то же время Тургеневъ съ Щепкинымъ прямо въ Москву. Передъ отъѣздомъ Тургеневъ высказалъ нѣкоторыя свои мысли, которыя привели въ негодованіе Константина, и онъ сильно выразилъ его. Тургеневъ, прощаясь съ маменькой, сказалъ: „Вы, по крайней мѣрѣ, не отчаиваетесь во мнѣ, какъ вашъ сынъ", и повторилъ обѣщаніе быть у обѣдни въ будущее воскресенье. У насъ остались два Оболенскіе, но это такіе добрые и простодушные люди, что намъ показалось, что мы остались одни, и отдохнули съ ними. Но князь Юрій Оболенскій очень неловко пустился разсуждать и самъ совершенно запутался въ своихъ разсужденіяхъ. Константинъ попробовалъ было ему уяснить значеніе брака, какъ таинства и т. д., но тотъ остался при томъ, что послѣ разсужденій онъ убѣждается, что бракъ не таинство и т. д., и потому лучше не разсуждать. Князь Андрей несравненно умнѣе и все можетъ понять, прекрасный человѣкъ и очень насъ любитъ. Они упросили прочесть Шишкова [1], а послѣ обѣда читали *Годъ въ деревнѣ* (отрывокъ изъ „Гимназіи"). Разумѣется, остались очень довольны; уже поздно вечеромъ уѣхали и они, и мы остались одни.

На другой день принялись всѣ опять за прежнія свои занятія. Какъ обыкновенно водится, часто толковали о посѣщеніи гостей, объ каждомъ изъ нихъ въ особенности, и т. д.

Сегодня, т. е. *25 января* получилъ Иванъ письмо отъ князя Юр. Оболенскаго съ увѣдомленіемъ, что братъ его Дмитрій зоветъ Ивана въ Петербургъ, чтобъ переговорить объ мѣстѣ въ Астрахани. Иванъ рѣшился ѣхать, хотя, по его словамъ, врядъ ли можно ожидать, что онъ возьметъ на себя это мѣсто. Константинъ также собирался въ Москву, и потому они поѣдутъ вмѣстѣ.

26 января. Въ деревнѣ у насъ очень много больныхъ эпидемическими болѣзнями. Рѣшились послать за докторомъ. Брызгаловъ пріѣхалъ къ обѣду, осмотрѣлъ больныхъ и нашелъ, что у всѣхъ тифъ, что у иныхъ очень легкаго, но у другихъ очень дурного свойства, назначилъ множество лекарствъ, и надобно было

---

[1] „Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ" (въ 3-мъ томѣ „Полн. собр. соч." С. Т. Аксакова).

этимъ заняться. Послѣ обѣда среди всѣхъ этихъ хлопотъ пріѣхали Гиляровъ съ женой. Гиляровъ, разстроенный до крайности, хочетъ выходить въ отставку, между тѣмъ средствъ нѣтъ, а тутъ еще жена больная, причудливая и, должно быть, несноснаго характера. Послѣ ихъ отъѣзда уѣхали и братья.

29 января. Константинъ воротился изъ Москвы, Иванъ уѣхалъ въ Петербургъ наканунѣ. Константинъ особенныхъ извѣстій не привезъ. Видѣлъ своихъ знакомыхъ. Мира, говорятъ, не будетъ, и даже, говорятъ, Государь не доволенъ, что дворянство мало выказало рвенія къ войнѣ; но какое-же можетъ быть рвеніе, когда въ томъ же манифестѣ говорится и о мирѣ; впрочемъ и дворянство хорошо—глупо, подло, своекорыстно и невѣжественно.— Въ отсутствіи Константина получилъ отесенька письмо отъ Кулиша, уже изъ деревни. Мы знали прежде, что онъ пріѣхалъ въ деревню, нашелъ жену очень больною.

Въ воскресенье, т. е. 30 числа, получили мы газеты и русскія и иностранныя. Министерство разрушилось, Россель вышелъ въ отставку прежде, и всѣ его обвиняютъ. Состояніе англійской арміи, по ихъ собственному признанію ужасное; требуютъ перемѣны администраціи. Вѣроятно, Пальмерстонъ будетъ первымъ министромъ. Пруссія и Австрія ссорятся.

Вотъ и Масляница. Мы проводимъ ее, какъ и всѣ дни; разница только въ томъ, что за завтракомъ каждый день блины.

Воскресенье, 6 февраля. Завтра постъ, Масляница прошла и для насъ отчасти по масляничному. Игуменья звала маменьку, Константина и всѣхъ на блины. Въ четвергъ 3 февраля маменька и другіе уже уѣхали, когда мы получили почту, письмо отъ М. Карташевской, въ которомъ она пишетъ, что они уже прочли манифестъ объ ополченіи; итакъ, кажется, наше правительство потеряло надежду на миръ. На другой день, 4 февраля, получили мы и самый манифестъ и положеніе — 23 человѣка съ тысячи. Манифестъ написанъ ужасно дурно, безтолково и непонятно и, хотя и говорится, что наши цѣли всегда были — защита правъ единовѣрныхъ братій и христіанства на Востокѣ, и потомъ опять упоминается о православіи, но написанъ онъ все же не довольно рѣшительно и чрезвычайно дурно, вѣроятно переводъ; и опять таки упоминается объ мирѣ. Его никто не пойметъ, и онъ врядъ ли возбудитъ сочувствіе, а скорѣе уныніе. Уже теперь нельзя повѣрить, какъ въ началѣ: довѣріе потеряно; уже одинъ разъ

пошли и воротились. Теперь только дѣло самое можетъ убѣдить въ искренности и рѣшительности намѣренія. Богъ ведетъ насъ противъ воли нашего правительства. Что Богъ дастъ— Богъ не оставитъ православныхъ! Какъ обманулись теперь тѣ подлые угодники, которые думали проявленіями желанія мира угодить правительству, какъ, напримѣръ, особенно казанскій адресъ — подлѣе всѣхъ. Москва написала самый воинственный адресъ, но Закревскій его остановилъ, и Москва только послала самое сухое отношеніе, что готова на все. Получили письмецо отъ Ивана, онъ всѣ разсказы оставляетъ до свиданья.

Въ субботу, т. е. вчера, у насъ была игуменья съ внучкой и съ нѣкоторыми монахинями, обѣдали, говорили, занимали ихъ. Внучка очень миленькая, малороссіянка, веселая и грустная вмѣстѣ, мечтательная, подъ вліяніемъ безпрестанно мѣняющихся впечатлѣній самыхъ причудливыхъ, съ натурой поэтической, но полной стольких противорѣчій и такъ спутанныхъ понятій, что сама себя не понимаетъ. Теперь она находится еще въ стремленіи, хотя искреннемъ, но нѣсколько напряженномъ, къ духовной жизни, къ молитвѣ. Но у насъ была очень весела, даже шутлива, впрочемъ мужчинъ дичится.

Сегодня, т. е. 6 февраля, съ почтой получены московскія газеты и иностранный журналъ. Новаго ничего. Мы знали и прежде, что Пальмерстонъ составилъ уже министерство, итакъ — война. Пруссія, вѣрно, также скоро соединится съ нашими врагами, а за ней и всѣ другія державы. Франція выставитъ 100-тысячное войско на границы Польши, и если мы еще будемъ медлить, то, конечно, намъ придется очень плохо; но въ этомъ, конечно, мы сами будемъ виноваты. Константинъ написалъ еще письмо къ кн. Д. Оболенскому [1] и послалъ съ Иваномъ. Константинъ въ немъ совѣтуетъ, какъ необходимое, единственное средство къ нашей собственной оборонѣ, перейти Дунай, взять Константинополь и поднять славянъ. Письмо написано убѣдительно, ясно и толково, но врядъ ли можно ожидать какой-нибудь пользы отъ какихъ бы то ни было писемъ у насъ, да и до Государя не доходитъ ничего.

[1] Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, членъ гос. сов. и сенаторъ (1822—81), въ то время служилъ по морскому министерству, былъ близокъ къ кружку В. К. Елены Павловны. К. С. Аксаковъ во время Крымской войны писалъ ему письма о современныхъ событіяхъ, ходившія въ то время по рукамъ. Они будутъ напечатаны полностью въ подготовляемомъ изданіи „Сочиненій К. С. Аксакова“.

Турція безъ войскъ. При первомъ нашемъ рѣшительномъ движеніи, Австрія должна распасться, если мы увѣримъ славянъ въ своемъ непреклонномъ рѣшеніи. Они и теперь, бѣдные, волнуются; Сербія въ движеніи, и уже у Буоля были переговоры съ нашимъ посланникомъ, кн. Горчаковымъ. Какъ бы мы сами не стали ихъ усмирять, чего добраго!

Но вотъ и постъ начинается. Въ настоящую минуту, въ минуту великихъ міровыхъ событій, всеобщихъ человѣческихъ страданій и особенно бѣдствій всякаго рода, настоящихъ и грядущихъ на нашу страну, настоящій постъ долженъ былъ бы получить особенное значеніе покаянія всенароднаго, очистительнаго поста за всеобщіе народные грѣхи и частные также, приготовленія ко всякимъ жертвамъ, подвигамъ, къ великимъ событіямъ, въ которыхъ ясно совершаются судьбы Божіи и которыхъ мы еще теперь не можемъ вполнѣ обнять. Дай Богъ всѣмъ провести этотъ постъ такъ, какъ должно, въ молитвѣ и покаяніи, и встрѣтить въ радости великій праздникъ Воскресенія Христова.

11 февраля, суббота. Вотъ и первая недѣля поста къ концу. Мы провели все это время довольно тихо, ѣздили въ церковь къ мефимонамъ. На второй день былъ священникъ съ постной молитвой. Въ среду сестры, несмотря на ужасную погоду, ѣздили къ Троицѣ. Безпрестанно все кто-нибудь нездоровъ, отесенька нѣсколько разъ чувствовалъ что-то вродѣ лихорадки, но тутъ стало получше, и Константинъ рѣшился ѣхать въ Москву на чрезвычайное собраніе дворянъ, на которое получили приглашеніе черезъ становаго. Хотя это ополченіе не то, что бы оно могло быть, но все же нельзя не принять участіе, по крайней мѣрѣ, въ выборѣ начальниковъ, содѣйствовать выбору Ермолова и т. д. Сестры воротились поздно отъ Троицы. Уже всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и легли спать, когда пріѣхалъ Иванъ. Мы съ маменькой его встрѣтили, напоили чаемъ и часу до третьяго сидѣли съ нимъ, слушая его разсказы. Въ Москвѣ ожидаютъ Константина къ собранію дворянъ, всѣ хотятъ выбрать Ермолова, но утвердятъ-ли его?—вотъ любопытный вопросъ. Новаго въ Петербургѣ ничего нѣтъ. Государь совершенно стоитъ одинъ, ни съ кѣмъ изъ семьи своей не сообщается и дѣйствуетъ противу желанія даже сыновей своихъ. Наслѣдникъ, конечно, не имѣетъ твердыхъ убѣжденій, но Константинъ Николаевичъ совершенно преданъ русскому направленію. Государь утѣшается тѣмъ, что англійская армія погибаетъ, что Непиръ въ рѣчи сказалъ, что

и флотъ англійскій также никуда не годится и т. д. Придворные такъ же, какъ и семья царская, находясь внѣ всякаго вліянія на дѣла политическія и отстраненные государемъ отъ всякаго вмѣшательства, ищутъ себѣ какихъ-нибудь развлеченій въ слухахъ о томъ, что дѣлается тамъ-то и тамъ-то, особенно въ Москвѣ, особенно между людьми замѣчательными по уму и своему направленію. Разумѣется, славянофилы больше всего ихъ интересуютъ, и они почти все знаютъ, что дѣлается между ними. Уже великая княгиня Елена Павловна знаетъ, что К. Аксаковъ и Самаринъ не были на юбилеѣ и т. д., что Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и т. д. Петербургъ, какъ Иванъ говоритъ, потерялъ довѣріе къ себѣ самому, къ своей администраціи и къ силѣ прежняго порядка и ждетъ чего-то все изъ Москвы.—„Ну, довольны вы теперь,—говорили ему—въ манифестѣ упомянуто объ вѣрѣ и объ братьяхъ"? Муравьевъ М. Н. [1], членъ государственнаго совѣта, былъ чрезвычайно любезенъ съ Иваномъ, жалъ ему руку и все заговаривалъ о Москвѣ, но Иванъ ему все говорилъ о своемъ отчетѣ; наконецъ Муравьевъ сказалъ по какому то поводу о настоящихъ дѣлахъ: „Это все идетъ еще дѣло *чухонское, петербургское*, отъ него не будетъ добра, а вотъ когда будетъ дѣло *русское, московское*, тогда совсѣмъ пойдетъ другое".

Въ настоящую минуту политическихъ новостей особенныхъ нѣтъ. По иностраннымъ журналамъ видно, что, въ самомъ дѣлѣ, армія англійская подъ Севастополемъ въ крайнемъ положеніи, французы заняли всѣ англійскіе посты, англичанъ осталось всего тысячъ 21, и тѣ на половину не въ состояніи работать. Въ парламентѣ громко объ этомъ говорятъ и не скрываютъ ужаснаго положенія своего и почти позора Англіи. Times не щадитъ выраженій, чтобъ представить ужасную картину всѣхъ бѣдствій, и не скупится укорами правительству и вообще всей администраціи. Самыя крѣпкія основы англійскаго устройства колеблются, нижняя палата громко кричитъ противъ аристократическихъ началъ, которыя все парализуютъ, не даютъ хода людямъ со способностями и т. д. Кажется, Англіи угрожаетъ переворотъ, если не внѣшній, то внутренній. Какъ то она его вынесетъ, особенно при такихъ обстоятельствахъ? Все, чѣмъ она такъ гордилась до сей поры, своимъ неколебимымъ устройствомъ, своей силой и могущественностью, все теперь оказалось несостоятельнымъ;

[1] Мих. Николаевичъ Муравьевъ-Виленскій.

основы ея оказались ложными, и наше время обличило всю ничтожность этого наружнаго блеска и крѣпости. Великое явленіе! Французы пока держатся, хотя и имъ плохо приходится, и вѣроятно, и у нихъ лопнетъ вдругъ. Это несвойственное положеніе Франціи, вѣроятно, кончится также паденіемъ. Піемонтъ приступилъ къ союзу съ Англіей и Франціей, Австрія также съ ними въ союзѣ, теперь только дѣло за Пруссіей, которая требуетъ отдѣльнаго союза съ Англіей и Франціей, а не хочетъ приступить къ австрійскому союзу съ ними; сперва Франція на это не соглашалась, но теперь, какъ пишутъ журналы, она уступила желанію Пруссіи, и тогда, конечно, Пруссія будетъ допущена до конференціи о мирѣ въ Вѣнѣ, вѣроятно вполнѣ согласится со всѣми на счетъ требованій уступокъ отъ Россіи; но Россія приняла уже всѣ 4 пункта, даже ихъ истолкованія; теперь вопросъ только въ томъ, какими именно способами ограничить могущество Россіи на Черномъ морѣ Пунктъ объ ограниченіи вообще силъ нашихъ на Черномъ морѣ, уже принятъ, но подробности исполненія этого условія еще не рѣшены. Въ нотѣ Нессельрольде просилъ только, чтобы не стѣсняли Государя *chez lui*.

Въ Англіи Пальмерстонъ первымъ министромъ, но въ послѣднихъ газетахъ сказано, что и это министерство не прочно и что, можетъ быть, Пальмерстонъ вынужденъ будетъ сдѣлать воззваніе къ народу. И въ Англіи и Франціи начинаютъ возставать противъ обнародованія частныхъ писемъ изъ Севастополя, взываютъ къ patriotisme de discrétion. Это немного поздно. Подъ Севастополемъ у насъ безпрестанныя вылазки, которыя очень тревожатъ утомленнаго непріятеля, измученнаго снѣгомъ, холодомъ и грязью, попеременно смѣняющимися. Въ Евпаторію все посылаютъ турокъ, которые должны будутъ съ сѣвера окружить Севастополь; но у насъ тамъ войска, говорятъ, до 130 тысячъ. Меньшиковъ, какъ слышалъ Иванъ въ Петербургѣ, не сообщаетъ Государю ничего болѣе того, какъ что печатается въ газетахъ, и почти ничего не отвѣчаетъ на требованія Государя, который посылаетъ ему свои распоряженія изъ Петербурга, требуетъ отъ него плановъ его дѣйствія. Меньшиковъ отвѣчаетъ, что когда прогонитъ французовъ, тогда отошлетъ такую-то дивизію и т. д. Иванъ видѣлъ въ Петербургѣ Костича, воротившагося изъ Сербіи. Сербское правительство, расположенное въ пользу Австріи, его преслѣдовало, и онъ съ трудомъ уѣхалъ, но народъ сербскій болѣе, нежели когда-нибудь, преданъ Россіи и готовъ избить

каждаго, кто будетъ увѣрять, что Россія приняла 4 пункта. Несчастные славяне не хотятъ и вѣрить нашему предательству, но Богъ, можетъ быть, не попуститъ насъ совершить его. Въ четверговыхъ газетахъ помѣщена прекрасная рѣчь Иннокентія, говоренная имъ въ напутствіе болгарамъ-волонтерамъ, шедшимъ изъ Измаила въ Севастополь, которыхъ велѣно было воротить. Эта рѣчь прекрасна, написана безъ малѣйшаго подлаго выраженія, упоминаетъ о долгѣ душевномъ Россіи къ нимъ, т. е. славянамъ, возбуждаетъ ихъ уповать непреложно на судьбы Божіи и т. д. Такое слово именно было необходимо въ настоящую минуту; оно утѣшитъ, укрѣпитъ вѣру несчастныхъ славянъ въ сочувствіе русскихъ, это просто воззваніе. Какъ у насъ позволили напечатать, не можемъ понять, но у насъ все непослѣдовательно. А Филаретъ нашъ молчитъ, и ни одного слова сочувствія, утѣшенія или укрѣпленія не вырвалось у него по поводу такихъ великихъ событій и бѣдствій,—удивительно!

Новаковичъ, попавшій вмѣстѣ съ Костичемъ въ Сербію, остался тамъ профессоромъ въ семинаріи въ Бѣлградѣ. Костичъ, уѣзжая наскоро изъ Сербіи, захватилъ съ собой его книжку записную, въ которой были также записаны по просьбѣ Новаковича нами самими имена всей нашей семьи. „Когда буду священникомъ или монахомъ, буду молиться объ васъ“,—сказалъ онъ намъ, и мы охотно исполнили его желаніе. Теперь же эта книга попалась въ руки гр. Блудовой, покровительницы Костича, и всѣмъ сдѣлалось извѣстно.

Штейнбокъ прислалъ Константину безцѣнный для него подарокъ. Это превосходно вылѣпленная группа, разумѣется, въ маленькихъ размѣрахъ, такого содержанія: русскій мужикъ стоитъ, прислонясь слегка къ камню, скрестя руки, и смотритъ съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица; противъ него, въ нѣкоторомъ разстояніи турокъ, котораго подталкиваютъ съ одной стороны французъ, а съ другой англичанинъ, турокъ упирается, хотя и схватился одной рукой за кинжалъ. Всѣ фигуры сдѣланы превосходно, сколько жизни и простоты, ни малѣйшей каррикатуры, напротивъ—всѣ линіи такъ просты и благородны. Мы съ наслажденіемъ любуемся этимъ истинно художественнымъ произведеніемъ; жаль, что оно не можетъ быть исполнено въ большихъ размѣрахъ. И каково же, Государь запретилъ его!!... Почему и какъ, даже трудно рѣшить, развѣ страшна показалась фигура русскаго человѣка?

Мы должны были ставить рекрута, предоставили это крестьянамъ, и жребій палъ на человѣка, котораго все же менѣе жаль другихъ; вдругъ получаемъ извѣстіе съ дороги, что онъ бѣжалъ, однако-жъ на другой день его нашли. Вѣроятно, онъ и не хотѣлъ убѣжать совсѣмъ, а только укрылся на время. Обвинять въ этомъ поступкѣ нельзя, хотя предъ своимъ обществомъ онъ виноватъ; за него долженъ былъ бы итти другой.

15 февраля. Вчера пріѣхалъ изъ Москвы крестьянинъ и сказалъ, что бѣжавшій врядъ ли будетъ принятъ въ рекруты, потому что совершенно измѣнился въ лицѣ. Они думаютъ, что онъ принялъ что-нибудь нарочно. Тягостное дѣло! Сколько горя! Намъ прислали изъ Москвы разныхъ журналовъ, и мы принялись читать ихъ. Братья должны были пріѣхать сегодня, но съ почтой получили коротенькое письмо отъ нихъ. Константинъ пишетъ, что еще не выбрали губернскаго начальника ополченія, что онъ самъ не участвуетъ въ выборахъ, потому что не московской губерніи, что во вторникъ (т. е. сегодня) будутъ выбирать Ермолова и они, вѣроятно, останутся тамъ. Иванъ приписываетъ, что страшныя интриги, что баллотируются Чертковъ Трубецкой, Волковъ [1]. Не можемъ хорошенько понять, что у нихъ тамъ дѣлается. Завтра, вѣроятно, они пріѣдутъ. Но какая подлость подымать интриги противъ выбора Ермолова, какая дерзость смѣть тягаться съ нимъ! Вѣроятно, впрочемъ тутъ есть интрига полицейская, но хороши наши дворяне, нечего сказать: подлость и своекорыстіе— вотъ ихъ двигатели.—Съ почты привезли намъ 5 № „Journal de Francfort". Интереснаго и новаго ничего въ немъ нѣтъ. Конференціи не начинались еще; говорятъ, Россія расположена къ уступкамъ и къ ограниченію своей власти на Черномъ морѣ. Пожалуй, согласятся сжечь флотъ и разрушить Севастополь. Лордъ Джонъ Россель назначенъ уполномоченнымъ на вѣнскія конференціи. Пруссія все толкуетъ о трактатѣ своемъ съ Франціей,—говорятъ, будто для того, чтобъ быть посредницей между Россіей и западными державами. Неаполь присоединяется къ общему союзу противъ насъ; если это и неправда, то, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, всѣ иностранныя державы должны быть въ одномъ союзѣ противъ насъ, а мы отталкиваемъ и предаемъ своихъ единственныхъ союзниковъ -- несчастныхъ православныхъ братій. Сами иностранные

[1] А. П. Ермоловъ жилъ въ Москвѣ въ опалѣ. Чертковъ, Александръ Дмитріевичъ—московскій губернскій предводитель дворянства.

журналы не могутъ скрыть, что изъ австрійской арміи много перебѣгаютъ къ русскимъ, но русскіе выдаютъ ихъ австрійцамъ, и потому они теперь должны скитаться въ лѣсахъ. Возмутительно слышать это, тѣмъ болѣе, что это должно быть справедливо. Отвѣтъ дадутъ въ страданіяхъ этихъ несчастныхъ тѣ, которые должны были ихъ спасти!

Вечеромъ пріѣхалъ нашъ деревенскій священникъ съ женой; онъ сказывалъ намъ, что слышалъ отъ крестьянъ, что къ назначенному числу ополченія прибавлено еще 17 человѣкъ, итакъ— 40 человѣкъ съ тысячи. Онъ удивляется, какъ они все знаютъ, что пишется въ газетахъ, какое живое участіе принимаютъ, и хотя судятъ по своему, но очень справедливо. Замѣчательно, что еще въ самомъ началѣ нашихъ несогласій съ иностранными державами крестьяне говорили, что теперь будетъ время тяжеле 12-го года, что насъ хотятъ окружить со всѣхъ сторонъ, запереть кругомъ и на моряхъ,—это было тогда, когда мы сами еще не знали того, и что жъ? Все вышло точно такъ. А теперь они нисколько не унываютъ и не боятся за себя самихъ и за свою землю; они говорятъ, что теперь Англія совсѣмъ разорится, что у ней послѣдняя королева, что больше ея не будетъ, а что во Франціи Государь посадитъ другого царя, а этого сгонитъ. У народа и мысли не является о возможности побѣды надъ Россіей; но они предчувствуютъ самую продолжительную борьбу. Нашъ староста говорилъ своимъ особеннымъ способомъ выражаться въ родѣ этого, на объявленіе ему объ ополченіи: „что дѣлать, ужъ это общая бѣда, мы полагаемъ, что этимъ еще и не обойдется, что и еще надобно будетъ. Если бъ; то-есть, мы теперь молитвами какихъ-нибудь святыхъ людей, и въ пыхъ бы разбили Англію и Францію, они, то-есть, черезъ нѣсколько лѣтъ опять бы собрались на насъ, и все будетъ вражда, еще скорѣй, то-есть, если и мы уступимъ, то все не уладится“ и т. д.

Сейчасъ прочли нѣсколько превосходныхъ проповѣдей одесскаго Иннокентія во время нашествія непріятеля на Одессу съ моря. Какъ хорошо, просто, какое истинно-христіанское, пастырское слово, какъ соотвѣтствуетъ минутамъ, въ которыя оно было говорено! И въ каждомъ онъ повторяетъ о братіяхъ, о святомъ долгѣ стоять за нихъ и т. д. Дай Богъ, чтобъ онъ такъ и продолжалъ. Нашъ московскій митрополитъ не сказалъ ни одного слова по поводу настоящихъ, столько важныхъ обстоятельствъ и бѣдствій, грядущихъ на Россію.

16 февраля. Ждали утромъ братьевъ, но вмѣсто того получили отъ Константина письмо съ крестьяниномъ. Ермолова выбрали, Константинъ пишетъ: чудная была минута. Константина уговорили остаться на сегодня, будутъ баллотировать предложеніе послать депутацію къ Ермолову, послѣ которой онъ долженъ явиться въ собраніе. Это будетъ удивительная минута. Боимся, что Константинъ не останется до конца; хочетъ пріѣхать сегодня послѣ собранія. Послали ему на подставу лошадей.— Избраніе Ермолова—важное событіе; утвердятъ ли его въ Петербургѣ?

Вечеромъ въ 9 часовъ пріѣхалъ Константинъ прямо къ намъ за чай; мы его обступили, съ нетерпѣніемъ желая слышать его разсказъ. Вотъ что онъ намъ сообщилъ.

Въ пятницу Константинъ, пріѣхавши въ Москву, отправился къ Черткову, потомъ къ Трегубову, нашему уѣздному предводителю. Этотъ послѣдній, прочитавъ отесенькино письмо, сказалъ, что Константинъ участвовать въ собраніи не можетъ, т. е. не можетъ имѣть шара, потому что не приписанъ къ Московской губерніи. Но Константинъ скоро узналъ, что можетъ присутствовать на собраніи. Въ субботу, въ 11 часовъ, пріѣхали они въ домъ собранія, сперва пошли на хоры, но скоро знакомые созвали ихъ внизъ. Собрались дворяне и губернскій предводитель. Губернаторъ Капнистъ прочелъ манифестъ, его прослушали въ совершенномъ молчаніи, затѣмъ губернаторъ сказалъ нѣсколько словъ объ увѣренности Государя въ усердіи дворянъ и т. д. То же молчаніе. Тутъ тотчасъ Чертковъ сталъ приглашать дворянъ въ соборъ и, такимъ образомъ, помѣшалъ, можетъ быть, на этотъ случай невинно, исполниться намѣренію нѣкоторыхъ тотчасъ послѣ рѣчи губернатора провозгласить Ермолова, какъ губернскаго начальника ополченія. Всѣ отправились въ соборъ, наконецъ возвратились оттуда, и тутъ Чертковъ, не допуская еще разсужденій, представилъ дворянамъ правила выборовъ, имъ составленныя съ явнымъ намѣреніемъ не допустить, по крайней мѣрѣ, затруднить выборъ Ермолова. Многіе это поняли и не согласились съ правилами, которыя вообще были не справедливы и нелѣпы. Начался споръ: многіе предложили Ермолова, нѣкоторые говорили, что его нельзя выбирать, что онъ служитъ,—другіе, что онъ не приметъ. Словомъ сказать, видны были тайныя дѣйствія низкой интриги, во главѣ которой стоялъ Чертковъ, да, вѣроятно, и всѣ власти, не желавшія допу-

стить выбора Ермолова. Много шумѣли и спорили, призывали для разрѣшенія сомнѣній прокурора — правовѣда Ровинскаго [1]. Тотъ очень коротко и ясно разрушалъ приговоромъ закона всѣ козни интриги. Звенигородскій уѣздъ (въ которомъ сильно дѣйствовалъ Самаринъ) предложилъ единогласно Ермолова, Дмитровскій также. Суббота, воскресенье прошли въ этой борьбѣ.— Въ понедѣльникъ появилось въ собраніи письмо Ермолова, писанное въ отвѣтъ на приглашеніе Закревскаго (генералъ-губернатора), впрочемъ друга Ермолова, отказаться самому отъ выборовъ.—Сильное и желчное письмо Ермолова, хотя смутило нѣсколько малодушныхъ, но не помѣшало тому, что всѣ уѣзды написали его первымъ; кандидатомъ ему назначили графа Строганова. Одинъ уѣздъ записалъ еще Черткова, и еще одинъ на случай записалъ Трубецкого. Выборы были отложены до вторника [2]. Вотъ письмо Ермолова.

На другой день собрались для баллотировки. Константинъ говоритъ, что минута была торжественная. Стали разносить шары, и слова: „баллотируется Алексѣй Петровичъ Ермоловъ" сильное произвели впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ толпой обступили столъ; баллотировка кончилась; стали считать шары, всѣ въ молчаніи и въ волненіи слѣдили за счетомъ, наконецъ раздалось: 206 бѣлыхъ, черныхъ 9. Итакъ Ермоловъ выбранъ! Волненіе охватило всѣхъ, раздалось въ срединѣ ура и разразилось во всемъ собраніи, въ галлереяхъ и на хорахъ такимъ одушевленнымъ крикомъ. Лица просвѣтлѣли, многіе плакали, восторгъ былъ общій; вдругъ раздался голосъ (князя Мих. Оболенскаго): „Господа, у Ермолова черныхъ шаровъ быть не можетъ, они положены по ошибкѣ". По ошибкѣ, по ошибкѣ!—закричали всѣ. И вслѣдъ за этимъ раздалось въ толпѣ: просить, просить, просить! Хотѣли тотчасъ отправить депутацію къ Ермолову, чтобъ просить его пріѣхать въ собраніе, но и тутъ низкій Чертковъ воспрепятствовалъ, сказавъ, что это незаконно и т. д. Прокуроръ сказалъ, что хотя закона нѣтъ, но это въ обычаѣ и всегда такъ дѣлается,

---

[1] Извѣстный юристъ, общественный дѣятель и знатокъ искусства.

[2] Подробности выбора Ермолова и его желчное письмо напечатаны у Н. П. Барсукова „Жизнь М. П. Погодина", XIII, стр. 382. Тамъ же приведено и письмо М. П. Погодина, о которомъ рѣчь идетъ ниже. Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ оставленъ пробѣлъ для помѣщенія письма А. П. Ермолова къ гр. Закревскому.

когда выбираютъ купеческихъ головъ, но Чертковъ рѣшительно не согласился и сказалъ, что онъ не поѣдетъ вмѣстѣ съ ними и что надобно сперва выбрать и другихъ. Выбаллотировали Строганова: ему положили 137 бѣлыхъ и 76 черныхъ. Чертковъ рѣшительно воспротивился депутаціи и предложилъ баллотировать это намѣреніе на другой день. Непріятно было всѣмъ это противодѣйствіе, и, говорятъ, досталось Черткову, но нечего дѣлать, чтобъ не испортить дѣла, надобно было покориться. Чертковъ и Трубецкой отказались отъ баллотировки.

Въ это самое время ходило въ собраніи письмо къ Ермолову Погодина, послѣ выбора. Константинъ читалъ его на хорахъ вслухъ дамамъ, которыя не менѣе были въ восторженномъ настроеніи. Письмо горячее, но есть и ложка дегтю, говорятъ. Мы его еще не читали. — На другой день собралось опять въ домѣ собраніе; но Чертковъ принесъ письмо Ермолова, гдѣ тотъ, благодаря дворянство за выборы, проситъ отклонить депутацію. Говорятъ, онъ ее ожидалъ въ самый день баллотировки, но не ожидалъ „ура", и, вѣрно, удовлетворившись этимъ, остерегся повторенія другого изъявленія. Послѣ окончанія собранія хотѣли всѣ отправиться къ нему расписаться. Константинъ предлагалъ адресъ, — врядъ-ли соберутся. — Иванъ остался въ Москвѣ; не знаемъ, что-то тамъ дѣлается. Пошло-ли представленіе о выборахъ, а главное — вотъ вопросъ, который занимаетъ всѣхъ: утвердитъ-ли или нѣтъ Государь Ермолова? Выборъ Ермолова одинъ оживилъ значеніе ополченія, которое само по себѣ не возбуждаетъ почти вовсе сочувствія: всѣ на него смотрятъ, какъ на удвоенный рекрутскій наборъ, въ который включены и дворяне.

Умѣли опошлить самыя высокія минуты, вынуть душу изъ всякаго живого дѣла, какъ говоритъ Константинъ. И что за ополченіе, когда ведутся переговоры и соглашаются на самыя унизительныя и преступныя уступки, потерянъ уже стыдъ, уже согласились на ограниченіе или даже уничтоженіе нашей власти на Черномъ морѣ! Горчаковъ сдѣлалъ было оговорку, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не нарушали „les droits de souveraineté de l'Empereur de Russie chez lui", но и эту унизительную оговорку согласились исключить. Чего же ждать послѣ этого, какой можетъ быть энтузіазмъ при ополченіи! Кто поручится, что не велятъ сдать Севастополь и не отдадутъ Крыма и пр.? Всѣ тягости войны, всѣ труды и опасности остаются тѣ же и даже съ каждымъ днемъ увеличиваются, но отнять духъ, одушевлявшій всѣхъ,

отнята увѣренность въ пользѣ этихъ трудовъ и жертвъ, отнято сознаніе, что недаромъ они приносятся, а за святое дѣло, за вѣру и братьевъ, отъ которыхъ теперь уже отказались, принявши условія. Впрочемъ, конечно, намъ не дадутъ мира, вѣроятнѣе всего, что потребуютъ такихъ уступокъ, на которыя даже и наше правительство не можетъ согласиться, а, главное, побоится согласиться. Но и тутъ чего можно ожидать? Мы будемъ вести войну оборонительную, стало быть, по свидѣтельству всѣхъ авторитетовъ, самую невыгодную; боясь перейти за границы свои, мы должны будемъ съ первой же минуты отступить и внести войну въ свои предѣлы. Къ тому же, теперь съ каждымъ днемъ являются все новые и новые союзники къ нашимъ врагамъ. Мы выждемъ, пока всѣ соберутся противъ насъ, пока французы пришлютъ 100 тысячъ въ Польшу и подымутъ ее, пока шведы войдутъ въ Финляндію и т. д. И даже, если бъ и тогда Богъ помогъ намъ одолѣть нашихъ враговъ, и тогда наше великодушное, въ отношеніи иностранныхъ державъ, правительство первое возобновило бы готовность приступить къ миру на тѣхъ же условіяхъ, на которыя они уже согласились. Какой можетъ быть послѣ этого энтузіазмъ и духъ въ несчастныхъ, безполезныхъ жертвахъ, въ нашихъ войскахъ? Это возмутительнѣе всего— видѣть неизбѣжность жертвъ и не имѣть утѣшенія думать, что онѣ приносятся на пользу святого дѣла.

Воскресенье, 20 февраля. Боже мой, какое страшное неожиданное извѣстіе! Мы были поражены, ошеломлены совершенно. Сегодня привезли письма и газеты съ почты рано, въ то время, какъ мы собирались къ обѣднѣ. Прочли сперва за чайнымъ столомъ въ залѣ письмо отъ Ивана, и въ немъ были очень важныя извѣстія, Иванъ самъ записался охотникомъ въ ополченіе, Константинъ записанъ между баллотирующимися дворянами, но его выбрать нельзя, потому что онъ нигдѣ не служилъ. Ермоловъ избранъ также въ Петербургѣ, и къ нему прислано было объ этомъ увѣдомленіе; онъ, разумѣется, благодарилъ, но отвѣчалъ, что уже выбранъ въ Москвѣ. Получено частное извѣстіе, что Ермоловъ будетъ утвержденъ; разнесся слухъ, что онъ въ такой-то день будетъ въ собраніи; всѣ дворяне съѣхались; однако жъ слухъ оказался ложнымъ. Иванъ отказался отъ избранія въ

[1] Это письмо И. С. напечатано: см. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“ Ч. I, томъ 3. М. 1892, стр. 103—104.

дружинные начальники, и на его мѣсто—князь Леонидъ Голицынъ. Вотъ что заключало письмо Ивана [1]. Мы не успѣли еще потолковать о немъ, какъ отесенька или маменька спросили Константина, но гдѣ же другое письмо Ивана? Ихъ было два. Константинъ смутился, замялся, признался, что точно есть, но что онъ считаетъ лучше его не показывать. Разумѣется, стали къ нему приставать, и онъ сказалъ, въ немъ есть одно извѣстіе объ Николаѣ Павловичѣ.—„Какомъ Николаѣ Павловичѣ?" — О Государѣ—сказалъ онъ,—онъ очень боленъ. — „Какъ, что, значитъ умираетъ, можетъ быть умеръ, не совсѣмъ!"—и Константинъ не рѣшался вдругъ выговорить, наконецъ показалъ письмо Ивана. Оно начиналось такъ: „Государь Николай Павловичъ умеръ" [1].

Не могу пересказать то впечатлѣніе, которое произвели эти слова на всѣхъ насъ. Мы были подавлены огромностію значенія этого неожиданнаго событія. Слѣдствія его нескончаемы, неизслѣдимы. Никогда не могло оно имѣть такого важнаго значенія, какъ въ настоящую минуту. Чего ждать, что будетъ, какъ пройдетъ эта минута смущенія? Не пойдетъ ли все прежнимъ или даже худшимъ порядкомъ, или вдругъ перемѣнится все направленіе, вся политика? И, можетъ быть, Богъ ведетъ Россію къ исполненію ея святого долга непостижимыми своими путями! Да, на Бога вся надежда, Господь не оставитъ вѣрующихъ и молящихся ему, а сколько молятся усердно по всей землѣ русской! Господь защититъ православіе и несчастныхъ мучениковъ.

Въ сильномъ волненіи, еще не пришедши въ себя отъ пораженія и разнородныхъ впечатлѣній, столпившихся въ душѣ, поѣхали мы къ обѣднѣ. И во время обѣдни не могли мы освободиться вполнѣ отъ того смутнаго волненія, и странно намъ было слышать обычныя возглашенія на эктеніи. Искреннее чувство сожалѣнія, какъ объ человѣкѣ, также наполняло намъ душу, и мы помолились внутренно объ немъ.—Помолились также, да не оставитъ Господь всѣхъ насъ, и да совершатся его святыя судьбы во спасеніе всѣхъ, да помилуетъ насъ отъ бѣдствій! Въ Хотьковѣ мы почти никому не сообщили вполнѣ этого извѣстія, только одной Каломиной, а та священнику Алексѣю.

Возвратившись изъ церкви, мы нашли всѣхъ въ томъ же тревожномъ настроеніи. Начали было читать газеты, но чтеніе

---

[1] Это письмо И. С. не напечатано въ упомянутомъ изданіи.

безпрестанно было прерываемо разговорами все объ одномъ и томъ же предметѣ; наконецъ, всѣ согласились, что Константину необходимо ѣхать немедленно, и онъ рѣшился также. Велѣли закладывать лошадей и въ 4 часа передъ обѣдомъ онъ выѣхалъ, сопровождаемый благословеніемъ отесеньки и маменьки. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, теперь единственная минута дѣйствовать, новому Государю можно многое высказать, написать адресъ съ изъявленіемъ общихъ желаній другой политики или что-нибудь въ этомъ родѣ [1]. Можетъ быть, надобно съѣздить будетъ въ Петербургъ? Словомъ сказать, необходимо Константину быть въ Москвѣ и слѣдить за ходомъ событій. Какъ жаль, что мы не въ Москвѣ; конечно, интереснѣе времени не можетъ быть въ городѣ слѣдить ежеминутно за возрастающими или измѣняющимися событіями, дѣлить съ другими всѣ впечатлѣнія!... Живешь общею жизнью, а здѣсь, получивши такое извѣстіе, мы не скоро узнаемъ его подробности, не увидимъ и не раздѣлимъ общаго впечатлѣнія; не услышимъ любопытныхъ и умныхъ толковъ; только толкуемъ между собой, дѣлаемъ разныя предположенія, перевертываемъ со всѣхъ сторонъ слова, занесенныя къ намъ изъ общей жизни и все таки ничего не узнаемъ новаго. Грустно и больно, что особенно сестры лишены этого интереса. Да и Константинъ не можетъ оставаться спокойнымъ и столько, сколько ему надобно бы было [быть] въ Москвѣ. А если бъ мы были всѣ тамъ, онъ могъ бы принимать ежеминутно участіе и даже имѣть вліяніе на другихъ.

Чего мы не передумали и не переговорили въ этотъ день! Какія великія всемірныя событія, которыя подавляютъ даже душу огромностью своего значенія, и что будетъ, къ чему ведетъ насъ Богъ? Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ священникъ съ женой, мы сказали имъ страшную новость, она всѣхъ поражаетъ. — Не вѣрится ей иногда, признаюсь. Право иногда, кажется, ужъ не подшутилъ ли кто-нибудь! Ничего эффектнѣе выдумать нельзя было въ настоящую минуту, пожалуй еще это происки иностранцевъ. Право, я готова повѣрить, что это выдумка, хотя надо мной

[1] Дѣйствительно, въ первые же дни новаго царствованія Константина Аксаковъ написалъ записку, дошедшую до Государя и представлявшую изложеніе взглядовъ славянофиловъ на задачи момента. Записка эта цѣликомъ напечатана въ „Руси" за 1881 г. №№ 26—28. О ней смотр. въ статьяхъ А. А. Корнилова „Минувшіе Годы", февраль., и отдѣльно въ его книгѣ „Общественное движеніе при Александрѣ II", М. 1909, стр. 29.

смѣются. Вечеромъ читали проповѣди Иннокентія прекрасныя, полныя истинно пастырской христіанской заботы къ своему словесному стаду. Потомъ нарочно для развлеченія принялись дочитывать дрянную повѣсть Ольги Н.—Дрянь по исполненію и отвратительная дрянь по той безнравственной средѣ, къ которой она принадлежитъ, задача которой вся состоитъ въ смѣшеніи всѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, въ затемнѣніи совѣсти, и всѣхъ мерзостяхъ [1]. Покуда читали, вниманіе наше довольно было занято, чтобъ съ негодованіемъ бранить это направленіе, но какъ скоро кончили, въ ту же минуту разговоръ обратился на то событіе, которое поглощаетъ всѣ интересы въ настоящую минуту. Я увѣряла, полушутя отчасти, что это все пуфъ! Не получимъ-ли завтра какихъ-нибудь подтвержденій?

21. И точно подтвердилось все это событіе. Сегодня возвратились изъ города наши крестьяне, возившіе туда продавать свои дрова. Они привезли ту же вѣсть. Въ Москвѣ вчера уже всѣ присягнули. На вопросъ, какія вѣсти въ Москвѣ, — „Царь померъ",—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Вчера загоняли весь народъ въ церковь присягать. Всѣ церкви были отворены, казаки разъѣзжали по всему городу съ объявленіемъ и гнали народъ въ церкви". — „Чтоже народъ жалѣетъ?" — Крестьянинъ какъ-то улыбнулся и сказалъ „не знаю". Въ народѣ ходитъ слухъ, что Государь былъ боленъ день 20.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія. Сегодня, какъ будто вновь узнали мы эту новость, вполнѣ ей повѣрили. Неисчислимыя послѣдствія этого событія стали развиваться передъ нашимъ воображеніемъ, въ самыхъ разнообразныхъ образахъ. Бѣда, если Александръ не соединится за одно въ направленіи и всѣхъ намѣреніяхъ съ Константиномъ. Константинъ имѣетъ сильную народность; [2] онъ извѣстенъ вездѣ, какъ русскій человѣкъ, какъ христіанинъ, даже раскольники надѣются на него. Между ними ходитъ слухъ, что онъ сказалъ: „Я бы не сталъ васъ притѣснять, пусть всякой молится, какъ хочетъ!" И къ тому же, въ народѣ живетъ мнѣніе, что только тотъ законный царь, кто родился отъ царя, а Александръ, говорятъ они, родился отъ великаго князя. Прежде Александръ не раздѣлялъ вовсе направленія и мыслей Констан-

[1] Подъ псевдонимомъ Ольги Н. писала Софья Влад. Энгельгардтъ. Повѣсти ея на тему о любви и семьѣ печатались въ 1854 и 1855 году въ „Отечественныхъ Запискахъ".

[2] Т. е. популярность. Рѣчь идетъ о вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ.

тина, и между ихъ приверженцами начиналъ образовываться довольно сильный духъ партіи, но съ недавнихъ поръ, изъ расчету-ли или искренно, Александръ принялъ мысли своего брата и вполнѣ раздѣлялъ его мнѣнія на счетъ настоящихъ обстоятельствъ. Это сказалъ самъ В. К. Константинъ Погодину, когда этотъ послѣдній представлялся ему. „Скажите все это брату, онъ вполнѣ раздѣляетъ мои мысли". Наслѣдникъ принялъ очень хорошо Погодина, водилъ его къ женѣ и пригласилъ обѣдать. Просилъ Погодина прислать ему экземпляръ всѣхъ его писемъ. Мы знаемъ также навѣрное, что жена его читала письма къ Оболенскому брата Константина; говорятъ, она умная и серьезная женщина, дай-то Богъ! Если Александръ хочетъ пріобрѣсти народность и избѣжать разногласія съ Константиномъ, онъ долженъ дѣйствовать за одно. Иначе чего добраго, сравненіе можетъ быть невыгодно и даже опасно! Неужели исполнятся предсказанія Константина, которыя онъ началъ говорить еще лѣтъ 15 тому назадъ; предсказанія соперничества между двумя братьями, не дай Богъ!

Сегодня 21 февраля день памяти дѣдушки и день памяти Гоголя. Мы ѣздили съ маменькой въ Хотьковъ служить панихиду. Тамъ всѣ уже знали, сегодня были богомольцы изъ Москвы, которые имъ сказывали, что видѣли присягу. Всѣ немного унылы и не знаютъ, чего ждать. Отецъ Алексѣй напомнилъ намъ, что такъ недавно еще смоленскія жены чиновниковъ поднесли Государынѣ черезъ архіерея образъ Божіей Матери Смоленской, прося Государыню благословить имъ Наслѣдника на брань, такъ какъ онъ назначенъ начальникомъ сѣверной арміи, и притомъ напоминая 12-й годъ. Императрица и наслѣдникъ отвѣчали и благодарили. Въ самомъ дѣлѣ какъ будто этимъ образомъ его благословили на царство и будто Матерь Божія приняла его подъ свой покровъ. Священникъ вполнѣ уповаетъ на защиту Божью.

Возвратились домой, часу во второмъ. Толки объ великихъ событіяхъ, среди которыхъ живемъ, не перестаютъ. Послѣ обѣда возвратился староста отъ Троицы, тамъ сегодня былъ базаръ. Народу много, но народъ только и говорилъ объ этой нежданной вѣсти, даже объ ополченіи не говоритъ. Староста говоритъ, что всѣ жалѣютъ: „народъ какъ будто что потерялъ, какъ будто что ищетъ". „Жалѣютъ Государя, и жалѣютъ очень и наслѣдника; каково ему теперь, то-есть, вдругъ полнымъ хозяиномъ, и

туда надо и сюда, и такое время!" Про Государя говорятъ, что онъ померъ съ печали, ударъ такой сдѣлался, 10-го числа провожалъ войска съ Государыней, и съ тѣхъ поръ занемогъ. Всѣ говорятъ:—какъ бы теперь, вотъ поѣдутъ генералы всѣ изъ арміи Государя хоронить, а врагъ какъ бы насъ, то есть, не прикрылъ. „Сказываютъ мужички,—прибавилъ онъ,—которые изъ Москвы пріѣхали, что въ церкви Богоявленія присягали, а тутъ какой-то чиновникъ пришелъ да и закричалъ, что вы присягаете Александру, надобно присягать Константину, да разъ десять закричалъ. Его за ноги, то есть такъ и вытащили, на съѣзжую взяли: тамъ, говорятъ, завтра съ нимъ расправятся".

Мы были поражены; неужели есть уже какія-нибудь смуты, или это просто сумасшедшій какой-нибудь или пьяный! Что-то дѣлается, Боже мой! Маменька стала говорить старостѣ: „Какой вздоръ выдумали, Александръ старшій, законный, всегда былъ наслѣдникомъ". Староста ничего не сказалъ, но продолжалъ свои разсказы.—Что-то получимъ завтра? Томимся неизвѣстностью. Завтра должно быть письмо отъ Константина.

От Константина получено нѣсколько строкъ, подтверждающихъ, разумѣется, событія, но безъ всякихъ подробностей. Кажется, онъ еще никого не видалъ, пишетъ, что слуховъ ходитъ много, будто Меньшиковъ отставленъ, и на его мѣсто Горчаковъ, а Лидерсъ командуетъ дунайской арміей. Пишетъ, что хорошія вѣсти изъ Крыма, и манифестъ хорошъ. Собраніе дворянства закрыто. Константинъ думалъ пріѣхать сегодня. Саша Погодина [1] пишетъ подробнѣе. Отецъ ея получилъ описаніе послѣднихъ минутъ Государя Н. П. Онъ скончался въ полной памяти. 18-го числа, послѣ полудни, прощался съ семьей. Минуты были трогательныя; да проститъ ему Богъ всѣ прегрѣшенія!

Посланный нашъ къ Троицѣ, привезъ намъ еще новый слухъ, поразившій всѣхъ насъ. Въ Москвѣ, во время присяги, или панихиды упалъ на Иванѣ Великомъ большой колоколъ, продавилъ алтарь и убилъ нѣсколько человѣкъ. [2] Что за несчастное происшествіе и предзнаменованіе, если это правда! Но всѣ это повторяютъ, и сомнѣваться нельзя, кажется. Вѣроятно, это сдѣлано съ намѣреніемъ, чтобы смутить народъ. Боже мой чего еще мы должны ожидать!

[1] Дочь М. П. Погодина.

[2] Упалъ второй по величинѣ колоколъ, вылитый при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и называвшійся реутомъ или въ просторѣчьи ревуномъ.

Константинъ, вѣрно, не выѣхалъ сегодня; значитъ что-нибудь важное его задержало, онъ самъ насъ предупреждаетъ, что, можетъ быть, останется долѣе, если нужно. Получили иностранные журналы. Новаго особеннаго ничего; кажется, Пруссія скоро присоединится совершенно къ общему трактату противъ насъ.

Титовъ будетъ засѣдать вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ на Вѣнской конференціи. [1] Не позоръ ли это—Титовъ, который по признанію всѣхъ, былъ причиной первоначально униженія Россіи и войны противъ насъ. Хороши также разговоры Горчакова съ Буолемъ, въ которыхъ первый униженно долженъ только защищать права droits de Souveraineté своего Государя, соглашаясь на всѣ другія уступки. Отъ насъ, разумѣется, требуютъ, чтобы мы сами уничтожали Севастополь и впредь не смѣли затѣвать другого и т. д. Я увѣрена, право, что Нессельроде, если бъ могъ, велѣлъ бы сдать Севастополь нашимъ врагамъ только, чтобъ удовлетворить ихъ. Что-то будетъ теперь? Очень жаль, если на мѣсто Меньшикова кн. Горчаковъ; тутъ ничего добраго ожидать нельзя. Почему , если такъ, не Остенъ-Сакенъ? Сегодня уже у Троицы приносятъ присягу.

Изъ Хотькова раздался сильный звонъ: вѣрно, тоже панихида. Опять мы въ неизвѣстнсти на неопредѣленное время. Завтра почты нѣтъ.

Въ Хотьковѣ была не панихида, но молебенъ о восшествіи на престолъ Александра II и присяга.

Вечеромъ часовъ въ 9 неожиданно пріѣхалъ Константинъ. Первый вопросъ нашъ былъ, правда ли, что упалъ колоколъ, правда ли, что закричалъ кто-то о Константинѣ въ церкви Богоявленія? „Все, все правда,—отвѣчалъ Константинъ съ какимъ-то смущеніемъ и ужасомъ,—какъ вы это знаете?“ Онъ разсказалъ намъ подробности, разсказалъ объ ужасномъ впечатлѣніи, произведенномъ паденіемъ колокола во время присяги. Всѣ смущены, всѣ находятся въ напряженномъ ожиданіи, что будетъ далѣе. Событія такъ громадны, присутствіе Божіей воли такъ ясно обнаруживается въ нихъ, что всѣ подавлены ими, всѣ смиряются передъ неисповѣдимыми путями Святого Промысла, всѣ невольно приходятъ къ сознанію ничтожества человѣческаго разума и невольно произносятъ всѣ:—„надобно молиться и молиться“. „Бдите

[1] В. П. Титовъ былъ нашимъ уполномоченнымъ при переговорахъ о мирѣ.

и молитеся, да не внидете въ напасть"—время наше уразумѣло эти слова.

Константинъ намъ разсказывалъ впродолженіи всего вечера; и всѣ подробности этихъ событій такъ важны, такъ велики, что подъ конецъ мы были совершенно задавлены этими впечатлѣніями; отесенька и я рѣшительно себя чувствовали разстроенными, мои нервы такъ были напряжены, что намъ захотѣлось даже отдохнуть. Вчера не въ состояніи была уже записать, и было поздно; но вотъ что разсказалъ намъ Константинъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву, и Трушковскій встрѣтилъ его съ смущеннымъ видомъ и поразилъ его разсказомъ про колоколъ. Константинъ поѣхалъ отыскивать знакомыхъ. Наконецъ нашелъ ихъ собранными у Черкасскихъ, всѣ сидѣли пораженные и смущенные. Тутъ ему сообщили подробности о кончинѣ государя: онъ умеръ, какъ истинный христіанинъ.

Общее впечатлѣніе таково въ нашемъ кругу. Всѣ говорятъ о государѣ Николаѣ Павловичѣ не только безъ раздраженія, но даже съ участіемъ, желая даже извинить его во многомъ. Но между тѣмъ всѣ невольно чувствуютъ, что какой-то камень, какой-то прессъ снятъ съ каждаго, какъ-то легче стало дышать; вдругъ возродились небывалыя надежды; безвыходное положеніе, къ сознанію котораго, почти съ отчаяніемъ пришли наконецъ всѣ, вдругъ представилось доступнымъ измѣненію. Ни злобы, ни непріязни противъ виновника этого положенія. Его жалѣютъ, какъ человѣка, но даже говорятъ, что несмотря на все сожалѣніе объ немъ, никто, если спросить себя откровенно, не пожелалъ бы, чтобы онъ воскресъ. Миръ его душѣ! Онъ дѣйствовалъ добросовѣстно по своимъ убѣжденіямъ; за грѣхи Россіи эти убѣжденія были ей тяжкимъ бременемъ. Его система пала вмѣстѣ съ нимъ; въ послѣднее время она достигла крайности. Къ новому же государю нашелъ Константинъ во всѣхъ такое искреннее теплое сочувствіе и такое желаніе возстановить довѣріе между нимъ и нами, что даже почти странно было видѣть людей, большею частью до тѣхъ поръ смотрѣвшихъ на власть, какъ на враждебную имъ силу, привыкшихъ постоянно въ продолженіи по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ не довѣрять ей и избѣгать даже съ ней сближенія. Эти самые люди вдругъ съ дѣтской довѣрчивостью и любовью и надеждой обращаются къ новому государю, не получивши отъ него еще никакого доказательства, которое бы оправдывало ихъ надежды. Эти люди готовы предложить ему

руку на союзъ любви и довѣрія, готовы предложить ему свою дѣятельность на благо общее. Они, которые до сихъ поръ такъ недовѣрчиво смотрѣли на всякое даже участіе въ дѣятельности государственной, на всякое изъявленіе сочувствія къ державному лицу! Что же это такое, какая тому причина? Государь Александръ Николаевичъ до сихъ поръ мало былъ извѣстенъ, ничѣмъ не отличился особенно. Даже долгое время раздѣлялъ совершенно противоположное направленіе и именно покровительствовалъ исключительно нѣмцамъ и стоялъ особенно за аристократизмъ. Правда, въ послѣднее время онъ сталъ раздѣлять мысли в. к. Константина и читалъ письмо Погодина, и сказалъ ему, что почти со всѣми его мнѣніями согласенъ, но это еще такъ не давно, такъ непрочно. Правда, что всегда было извѣстно, что онъ оченъ добръ и доступенъ всѣмъ добрымъ человѣческимъ чувствамъ. Правда и то, что манифестъ его о восшествіи произвелъ на всѣхъ благое впечатлѣніе и возродилъ надежду, что онъ, давши обѣщаніе „возвести Россію на высшую степень могущества и силы", не будетъ продолжать прежней политики. Но все еще эти всѣ причины не довольно сильны, чтобъ объяснить эту внезапную искреннюю вполнѣ и разительную перемѣну, происшедшую въ нашемъ кругу. Справедливо замѣтилъ Константинъ, что эта перемѣна объясняетъ, какъ страшенъ былъ тотъ гнетъ, который мы испытывали до сихъ поръ, какъ безвыходно казалось наше положеніе, какъ обрадовались мы, когда почувствовали себя облегченными хотя на время, какъ охотно готовы повѣрить лучшему. — Но кромѣ того, мнѣ кажется, это еще объясняется тѣмъ, какъ въ русскомъ человѣкѣ вовсе нѣтъ безусловной оппозиціи власти, нѣтъ ненависти къ власти потому только, что она власть, но напротивъ какую любовь и довѣріе могла бы внушить разумная и любовная власть, когда только отъ одной надежды на возможность чего-нибудь подобнаго такъ искренно возбудилось сочувствіе всѣхъ! Хомяковъ даже написалъ адресъ новому государю, въ которомъ просто и кратко говоритъ только о сочувствіи, о довѣріи къ нему и о готовности стать за него и за отечество, даже не упомянулъ о вѣрѣ, потому что въ первую минуту не хотѣлъ ни о чемъ ему говорить, кромѣ ободренія и сочувствія[1]. „Мужайся русскій Царь"—такъ начинаетъ

[1] Въ Погодинскомъ архивѣ сохранился черновикъ адреса, заключающаго приведенную ниже фразу. Черновикъ писанъ рукой Ю. Ѳ. Самарина. См. Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV, стр. 17

онъ свой адресъ, но адресъ не былъ посланъ, потому что собранія не было. Система постоянной взаимной вражды и недовѣрія намъ противна.—Вотъ какія свѣтлыя чувства и надежды и мольбы къ Богу возбудило первое впечатлѣніе восшествія на престолъ государя Александра Николаевича. Господи да оправдаются онѣ! Отъ тебя ждетъ только помощи земля Русская!

А между тѣмъ въ народѣ ходятъ толки, смущающіе всѣхъ насъ, и въ деревняхъ и въ Москвѣ толкуютъ о томъ, что царствовать долженъ в. к. Константинъ, а не Александръ, потому что Константинъ *родился въ царскомъ родѣ, а Александръ въ княжескомъ*, и эти слова мы слышали отъ многихъ крестьянъ и женщинъ даже. Странное заключеніе, которое впрочемъ чисто народное, и даже люди ученые говорятъ, что въ времена удѣловъ таковой порядокъ наслѣдства былъ въ употребленіи. Эти понятія случалось всѣмъ не разъ слышать отъ простыхъ людей, то же повторяли и объ Александрѣ Павловичѣ, говоря, что долженъ [царствовать] Михаилъ Павловичъ, и такъ далѣе, но никогда не могло быть это такъ важно какъ теперь. в. к. Константинъ имѣетъ опасную народность и, сохрани Богъ, если новый государь не будетъ дѣйствовать за одно съ ними. Теперь же эти слухи такъ непріятны, даже огорчительны, они могутъ возбудить недовѣріе государя къ подданнымъ, поставить его во враждебныя отношенія къ народу, къ такъ называемымъ славянофиламъ (которыхъ уже теперь считаютъ нѣкоторые виновниками этихъ толковъ), всего хуже могутъ поселить съ самаго начала непріязнь и недовѣріе между государемъ и братомъ его, что будетъ пагубно для Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ приходилъ къ намъ разнощикъ съ мелочью и сказывалъ, что одни хотятъ Александра, другіе Константина; ему говорятъ: „да вѣдь Александръ старшій".—„Да это такъ, отвѣчалъ онъ, но всякій свое говоритъ, какъ бы между собой не было разладу". Не дай Богъ, это всѣхъ страшитъ. Въ народѣ вообще замѣтно броженіе умовъ; пришло ли время, возбуждено ли было вниманіе и толки настоящими, трудными обстоятельствами,—внезапное, неожиданное такое событіе, потрясшее все государство [какая перемѣна государя на тронѣ!] А можетъ быть, и какіе-нибудь агенты иностранныхъ державъ, поляки стараются произвести всякое смущеніе и движеніе въ народѣ?—Братъ Константинъ ѣхалъ въ Москвѣ на извощикѣ и завелъ съ нимъ разговоръ: „Слышалъ ты, что государь скончался?—„Да, померъ—отвѣчалъ онъ очень равно-

душно.—„Вотъ теперь новый государь Александръ.—„Какъ Александръ,—возразилъ тотъ,—мы слышали, что Константинъ?—„Отчего же Константинъ“?—„Онъ старше“,—отвѣчалъ извощикъ. Братъ Константинъ сталъ доказывать ему, что это неправда, но онъ, видимо, не повѣрилъ его словамъ и только отвѣчалъ„ какъ вамъ угодно, вамъ лучше знать“,—что то въ этомъ родѣ. Въ другой разъ братъ Константинъ ѣхалъ на извощикѣ къ Погодину и спросилъ извощика, присягалъ-ли онъ? „Нѣтъ“,—сказалъ тотъ. „Да ты чей, господскій“?—„Господскій“,—отвѣчалъ извощикъ.—„Ну такъ ты присягать не будешь!“—„Какъ,—возразилъ извощикъ, оборачиваясь къ нему лицомъ,—какъ же мы не будемъ, развѣ мы не христіане? Вы люди большіе, мы противъ васъ люди маленькіе, но Богъ у насъ одинъ, одинъ государь и законы одни“. Братъ Константинъ былъ пораженъ рѣчью этого крестьянина и, разумѣется, выразилъ ему полное свое согласіе съ его мнѣніемъ. На площади въ Кремлѣ, говорятъ, сказалъ кто-то громко, что Константину должно присягать, потому что онъ посты держитъ. Это, вѣроятно, раскольникъ. Раскольники ожесточены до крайности невыносимо притѣснительными мѣрами, которыя съ ними употребляютъ, особенно съ нѣкоторыхъ поръ, именно по требованію министра Бибикова. Говорятъ, новый государь не любитъ Бибикова и, вѣроятно, не будетъ продолжать мѣръ, имъ принятыхъ. Дай Богъ; этому во всѣхъ отношеніяхъ можно порадоваться. Такія притѣсненія до добра не могли бы довесть, только усиливали фанатизмъ. Томашевскій разсказывалъ Константину, что одинъ раскольникъ, взятый въ рекруты, въ присутствіи бранилъ самымъ ожесточеннымъ образомъ всѣ высшія власти, называлъ антихристомъ, и т. д. Ни за что не хотѣлъ сбрить бороды, не рѣшался итти въ ополченіе. Разумѣется, его схватили и обрили. Теперь не принимаютъ отъ раскольниковъ капиталовъ такъ, что они не могутъ записаться въ купцы, и такимъ образомъ поступаютъ въ мѣщанство, которое подчинено рекрутству. Тысячу разныхъ другихъ притѣсненій раздражаютъ ихъ до крайности; одинъ купецъ, намъ знакомый, велѣлъ сказать маменькѣ, (зная, что найдетъ участіе), что имъ очень плохо, очень тяжело; въ другой же разъ мы слышали, какъ одинъ сказалъ: „Мы подождемъ еще, да и рѣшимся на что-нибудь“!

Паденіе колокола въ Москвѣ произвело сильное смущеніе въ народѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ предзнаменованіемъ дол-

жно было показаться это происшествіе! Въ самое время присяги новому государю упалъ колоколъ въ 2000 пудъ съ Ивана Великаго, продавилъ три этажа и остановился на землѣ. Нѣсколько человѣкъ, говорятъ, убило, иные говорятъ, что онъ упалъ на алтарь и разломалъ его.

Какъ должно смутить это извѣстіе новаго государя и всѣхъ въ Петербургѣ! Очень жаль, что первыя минуты царствованія могутъ быть смущены такими предзнаменованіями. Но весьма можетъ быть, что это было дѣло какихъ-нибудь злонамѣренныхъ людей! Право это кажется вѣроятнѣе; иначе это что-то ужъ слишкомъ эффектно. Въ Москвѣ стараются придать сколько возможно доброе истолкованіе этому происшествію. И точно говорятъ, что этотъ же самый колоколъ упалъ въ 1812 году передъ изгнаніемъ французовъ; изъ этого заключаютъ, что и теперь скоро ихъ прогонятъ.

Говорятъ, что съ 1812 года этотъ колоколъ висѣлъ на припаянныхъ углахъ, которые теперь и отвалились отъ усерднаго звона. Константинъ ходилъ смотрѣть въ Кремль издали.—Колокола не видать, но видны согнувшіяся балки, на которыхъ онъ висѣлъ.

Иванъ былъ во время присяги въ Чудовѣ, и когда всѣ вышли оттуда, увидали множество народа на площади, собравшагося около упадшаго колокола, тутъ имъ сообщили о паденіи колокола. При присягѣ былъ и Ермоловъ и Строгановъ; Ермоловъ, говорятъ, грустенъ и даже плачетъ. Когда присяга кончилась, всѣ разошлись, только Ермоловъ и Строгановъ остались у обѣдни. Ермолова выбрали еще нѣсколько губерній. Говорятъ, въ Петербургѣ его выбрали единогласно, только тогда, когда узнали, что государь Николай Павловичъ отвѣчалъ на ихъ запросъ, что онъ будетъ очень радъ, если выберутъ Ермолова. Неизвѣстно, зналъ ли государь Николай Павловичъ о выборѣ Ермолова въ Москвѣ, потому что еще недавно пришелъ запросъ изъ Петербурга, кого выбрала Москва. Это значитъ, что нашъ губернскій предводитель и Закревскій еще до сихъ поръ не посылали о томъ представленія. Какіе подлые люди! Неужели дворянство не можетъ отдѣлаться отъ своего предводителя прежде трехлѣтія, потому только, что оно само его выбрало.

Каково же теперь въ такія важныя минуты; такой предводитель мѣшаетъ всѣмъ намѣреніямъ и движеніямъ московскихъ дворянъ! Это можетъ быть очень непріятныя слѣдствія особенно

въ настоящую минуту. Наши власти останавливаютъ, кажется, какъ будто нарочно всякія, даже самыя добрыя и законныя движенія въ дворянствѣ. Можетъ быть, кто знаетъ, для того, чтобъ все достоинство приписать себѣ лично! Такъ, напримѣръ, получа извѣстіе о кончинѣ государя и о восшествіи новаго, дворянство было еще въ собраніи и хотѣло тотчасъ же написать адресъ къ новому государю въ изъявленіи сочувствія къ его горю и преданности къ нему самому... Что жъ, Чертковъ [1] и тутъ воспротивился, сказалъ, что поздно, и распустилъ собраніе. Это былъ послѣдній день!—Теперь, хотя и пошлется депутація, но адреса не будетъ, а напишетъ, что ему вздумается, глупый Чертковъ или Закревскій, [2] все это будетъ нескоро, неискренно или холодно или подло и Москву обвинятъ въ оппозиціи, а Закревскій, пожалуй, еще воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ сказать, что только онъ сдерживаетъ Москву отъ худшихъ проявленій и т. д. Не досадно-ли это? И пойдетъ опять та же разладица, то же временное недовѣріе и недоразумѣніе между государемъ и Москвой и даже вообще всѣмъ народомъ. Тѣмъ болѣе, что государь Александръ Николаевичъ въ рескриптѣ къ Закревскому пишетъ о Москвѣ, называетъ ее колыбелью своей; какъ же не откликнуться на эти слова тотчасъ же? Всѣмъ этого искренно хотѣлось, а вышло такъ, что Москву обвинятъ въ холодности. Если бъ намъ смѣнили этого Закревскаго!

Самаринъ видѣлъ, какъ въ Чудовѣ монастырѣ прокладывалъ чиновникъ дорогу Закревскому и какъ потомъ, когда появился Ермоловъ, всѣ сами собой раздались и дали ему дорогу.

Говорятъ, Филарета лицо не выражало никакого ощущенія; читалъ онъ манифестъ такъ тихо, что не только словъ, но и голоса его не слыхать почти было, присягу читалъ громче.

Меньшиковъ смѣненъ; не знаемъ, радоваться ли или печалиться,—насъ скорѣе смутила его отставка. Онъ самъ просился, по болѣзни, и въ самомъ дѣлѣ его прежнія раны разболѣлись.

Много было нападокъ и обвиненій противъ Меньшикова; особенно въ Петербургѣ сильное противъ него негодованіе и даже партіи. Говорятъ, ужасный безпорядокъ въ арміи особенно на счетъ больныхъ, провіанта; обвиняютъ его даже въ неудачѣ Инкерманскаго сраженія, зачѣмъ онъ самъ не принималъ въ

---

[1] Московскій губернскій предводитель.
[2] Московскій генералъ-губернаторъ.

немъ участія! Это приписываютъ, конечно, не недостатку храбрости, но тому, что этотъ планъ сраженія былъ ему присланъ изъ Петербурга, что онъ былъ противъ него, и потому не хотѣлъ принять въ немъ участіе.—Не знаю, поскольку все это правда, но все же защита города, по собственному признанію враговъ нашихъ, производится съ неслыханнымъ успѣхомъ; вотъ уже пять мѣсяцевъ они тамъ стоятъ и не только не повредили нашимъ укрѣпленіямъ, но съ каждымъ днемъ, и чуть не съ каждымъ часомъ, возрастаютъ новыя и новыя. Что будетъ далѣе, Богъ знаетъ, можетъ быть, Меньшиковъ мало виноватъ даже въ успѣхѣ защиты Севастополя, но все же при немъ все идетъ хорошо, а что-то будетъ при другомъ, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что главнокомандующимъ назначенъ князь Горчаковъ съ оставленіемъ главнокомандуюшимъ и при южной арміи, гдѣ теперь командующимъ остается Лидерсъ. Отъ Лидерса ожидаютъ всѣ успѣха, къ тому же онъ очень расположенъ къ славянамъ, и его прежній планъ былъ итти прямо на Константинополь.

Американцамъ еще государь Николай Павловичъ согласился, наконецъ, дать контръ-марки на крейсерство въ нашихъ моряхъ. Англичане вѣрно не очень будутъ этому рады.

Константинъ на возвратномъ пути встрѣтилъ турокъ или скорѣе курдовъ плѣнныхъ. — Лица выразительныя чрезвычайно, идутъ и ѣдутъ очень весело. Народъ вездѣ обходится съ ними очень хорошо. На половинѣ дороги Константинъ нанялъ крестьянина. Ему попался славный старикъ, уже лѣтъ подъ 80, котораго семья не хотѣла даже отпускать. Дорогой онъ разговорился и тоже повторилъ всѣ толки о вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ, что ему надобно царствовать, потому что Александръ въ княженецкомъ родѣ, а Константинъ въ царскомъ родѣ рожденъ. Толковалъ объ войскѣ, объ англичанкѣ, такъ онъ называетъ королеву, вообще объ иностранцахъ, что итальянцы не страшны, но что: *„англичанамъ Богъ всякія премудрости открылъ“*, и прибавилъ потомъ: *„а наша земля хлѣбомъ прославлена“*. Вообще слова старика выражали благодушіе, сочувствіе къ каждому человѣку, столько свойственное русскому. Константинъ, разумѣется, всегда счастливъ, когда что-нибудь услышитъ особенное изъ устъ народа, и на этотъ разъ былъ очень доволенъ.

Гриша намъ описывалъ недавно тоже одинъ умилительный случай. Въ Симбирскѣ одинъ цѣловальникъ получилъ письмо отъ брата своего изъ Севастополя; въ это время собралось

много крестьянъ и просили его прочесть вслухъ письмо, цѣловальникъ прочелъ; въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ привѣтствій, заключалась просьба писать, а для того, чтобъ письмо дошло вѣрнѣе, просилъ приложить цѣлковый. Всѣ были тронуты. „Что ему съ цѣлковымъ дѣлать, держи-ка шапку"—сказали крестьяне, и набросали тутъ же 75 цѣлковыхъ.

Въ четвергъ, т. е. 24 февраля обѣдалъ у насъ Гиляровъ, пріѣхалъ болѣе разстроенный и физически и нравственно нежели когда-нибудь, просилъ Константина разсказать всѣ подробности, начиная съ выборовъ Ермолова и до послѣднихъ великихъ событій. Константинъ исполнилъ его просьбу.

Гиляровъ подъ конецъ оживился. Его очень притѣсняютъ, сверхъ обычнаго гнета духовнаго управленія, и онъ намъ показывалъ тетрадь съ помарками и замѣчаніями Филарета; всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взглядъ человѣка, уже подвергается осужденію, и. т. д. Филаретъ—совершенный государь Николай Павловичъ, та же система, и то же убѣжденіе, и та же сила воли. Человѣкъ геніальный, но въ какихъ тѣсныхъ рамкахъ! что могъ бы онъ сдѣлать, если бъ не слѣдовалъ этой системѣ!

25-е. Въ пятницу получила я письмо отъ Маши Карташевской изъ Петербурга. Они тамъ такъ же поражены, какъ и мы, и огорчены чрезвычайно; между тѣмъ несмотря на горесть общую, (пишетъ Машенька) новый государь возбудилъ самое благопріятное впечатлѣніе и надежды своими словами къ разнымъ сословіямъ, которыя принималъ.

Сапунъ-гора, пунктъ чрезвычайно важный, занята нами, французы сдѣлали на нее нападеніе, но были отбиты съ большимъ успѣхомъ. Зато передъ этимъ наше нападеніе на Евпаторію было очень неудачно, и мы потеряли изъ строя 500 человѣкъ. Говорятъ, это извѣстіе очень огорчило государя Николая Павловича. Мы дождались, что въ Евпаторіи теперь уже 40 тысячъ турокъ, и дождемся пока тамъ съ французами будетъ 60 тысячъ. Мы очень боимся, чтобы враги наши съ отчаянія не нанесли намъ большого вреда и, пожалуй, чего добраго, не разбили бы насъ. Впрочемъ, Остенъ-Сакена всѣ очень хвалятъ, и арміи имъ очень довольны.

Въ воскресенье ждали Ивана, но онъ не пріѣхалъ. Въ газетахъ еще ничего особеннаго. Въ иностранныхъ извѣстіяхъ напечатана прекрасная статья, въ которой изложены послѣднія

минуты государя Николая Павловича. Статья составлена прекрасно, со всей простотой, истиной и скромностію, нельзя читать безъ сердечнаго умиленія и участія. Какъ хорошо, что обнародовали всѣ эти подробности. Тутъ является царь и его семья, какъ простые люди со стороны ихъ человѣческихъ чувствъ и страданій. Умилительная христіанская кончина, какое примирительное и благотворное будетъ она имѣть вліяніе на всѣхъ. Всякій отъ души помолится за него. Прекрасны и вполнѣ истинны слова, сказанныя въ концѣ статьи объ Николаѣ Павловичѣ, что онъ... [1]. И это такая истина, что всякій по совѣсти и съ радостью готовъ ее подтвердить; а что если бы сказали лесть, какое вдругъ она бы внушила противорѣчіе и негодованіе, которое отразилось бы на лицѣ, къ которому бы она относилась, и помѣшала бы отдать ему должную справедливость. Никакими враждебными и насильственными мѣрами не заставили бы признать достоинства государя Николая Павловича, не возбудили бы такого искреннаго сочувствія къ нему и молитвами о немъ, какъ теперь этими простыми словами, полными истины и скромности. О, какъ легко достигается часто путемъ любви, правды, довѣрія то, о чемъ съ такимъ трудомъ, насильствомъ и враждебной недовѣрчивостью *напрасно* хлопочатъ. Дай Богъ, чтобъ нашъ новый государь, начавши такъ, такъ и продолжалъ, тогда ему сами собой не нужны сдѣлаются всякія внѣшнія огражденія, запреты, жандармы и т. д. Дай Богъ! По крайней мѣрѣ, онъ не разъ выражалъ и прежде свое мнѣніе о необходимости публичности въ дѣлахъ, о необходимости общественнаго мнѣнія, какъ единственнаго контроля и повѣрки для монархическаго правленія. Говорятъ, на другой день своего царствованія, онъ, при пріемѣ министровъ, принялъ великаго князя Константина Николаевича уже, какъ императоръ, и сказалъ ему: „я долженъ благодарить васъ за вашу неусыпную дѣятельность въ вашей службѣ и прошу всѣхъ министровъ брать съ васъ примѣръ и ввести ту же публичность въ своихъ дѣлахъ“. Все это насъ радуетъ. Говорятъ, нельзя узнать въ новомъ императорѣ прежняго великаго князя, держитъ себя совсѣмъ иначе. Конечно, положеніе такъ высоко и важно, что немудрено переродиться. Разумѣется, замѣчаютъ теперь всякую бездѣлицу, съ кѣмъ онъ какъ поцѣловался, на кого какъ взглянулъ и т. д.

---

[1] **Въ оригиналѣ пробѣлъ въ $1^1/_2$ строки.**

28 февраля. Сегодня утромъ пріѣхалъ Иванъ. Особенныхъ важныхъ вѣстей нѣтъ, но мелкихъ много. До сихъ поръ объ мысляхъ новаго государя на счетъ внѣшней политики никто еще ничего не знаетъ, кромѣ того, что онъ сказалъ дворянамъ или купцамъ: „будьте увѣрены, что я не выдамъ честь Россіи“ и также отвѣчалъ австрійскому послу на его слова, что всѣ, зная его доброту, радуются его восшествію. „Мнѣ очень лестно такое мнѣніе,—отвѣчалъ государь,—но это не помѣшаетъ мнѣ исполнить долгъ мой въ отношеніи Россіи“. Говорятъ, онъ не хотѣлъ поцѣловать Клейнмихеля, но тотъ самъ бросился его обнимать и потомъ, встрѣтивши его во дворцѣ въ корридорѣ, пустился очень краснорѣчиво и горячо выражать государю свою горесть. Тотъ сказалъ:—„для такой тяжелой минуты, ваша горесть слишкомъ шумна“. Все это очень хорошо и радуетъ. Что Богъ дастъ дальше? Государыня Марья Александровна, говорятъ, больше молчитъ и только повторяетъ: „j'ai peur“. Великость сана, страшная отвѣтственность, которая съ нимъ сопряжена, и трудность исполненія своего долга особенно въ настоящую минуту, конечно, не можетъ не страшить умнаго человѣка. Говорятъ, будто начинаются уже интриги при дворѣ.

Вышли рескрипты,—Меньшикову очень холодный. Впрочемъ, новый государь отклоняетъ отъ себя его отставку. Два рескрипта,—одинъ Ростовцеву,—другой Витовтову при пожалованьи табакерки ничего въ себѣ не заключаютъ, но, какъ замѣчаютъ, эти первыя пожалованья новаго государя указываютъ на значеніе, которое эти люди будутъ имѣть въ новомъ царствованіи. Одна бумага непріятно подѣйствовала и огорчила даже многихъ,—это приказъ по войскамъ. Впрочемъ новый государь прямо говоритъ, что государь Николай Павловичъ завѣщалъ передать эти слова отъ него войскамъ, въ которыхъ онъ *благодаритъ ихъ за спасеніе Россіи въ 1825 году*. Какъ не вовремя было напоминать въ настоящую минуту объ этомъ времени, объ этой несчастной эпохѣ! И какое спасеніе, и отъ чего? 14 декабря бунтовала развѣ Россія? Бунтовали только нѣсколько полковъ той же самой гвардіи. Россія была чужда этой несчастной и, конечно, безразсудной попыткѣ. Но эти слова особенно еще замѣчательны, потому что бросаютъ свѣтъ на самого Николая Павловича, на его пониманіе этого несчастнаго происшествія, на то впечатлѣніе, которое сохранилъ онъ въ продолженіи всего своего царствованія, такъ что въ послѣднія минуты свои онъ ни съ какимъ другимъ словомъ

не обратился къ своему народу, [1] какъ только съ благодарностью къ войску за подавленіе возстанія, которое онъ, по всему видно, приписывалъ всему народу. Вѣроятно, это событіе имѣло пагубное вліяніе на все его царствованіе. Въ „Journal de Francfort“ объявлено объ извѣстіи о кончинѣ русскаго государя, но еще подробностей впечатлѣнія произведеннаго этой вѣстью, не сообщено. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ есть уже извѣстіе, что австрійскій императоръ, въ воспоминаніе услугъ или благодѣяній императора Николая I, оставляетъ имя его въ одномъ изъ полковъ. Трауръ вездѣ наложенъ на 4 недѣли. Какъ любопытно знать подробно то впечатлѣніе, которое произведетъ манифестъ новаго государя, какъ они его примутъ!

6 марта. Новаго до сихъ поръ мало, по крайней мѣрѣ у насъ ничего не извѣстно.—27-го февраля былъ выносъ при самой торжественной печальной церемоніи, а вчера или сегодня должны быть похороны. Всѣ ожидаютъ, что по отданіи послѣдняго долга государю Николаю Павловичу, сынъ его займется дѣятельно рѣшеніемъ великаго вопроса. Что-то будетъ?—ожиданіе всѣхъ такъ напряжено. Стараются отгадать заранѣе, и по самымъ малѣйшимъ признакамъ заключить впередъ о будущихъ дѣйствіяхъ. Такъ, напримѣръ, пишетъ А. О. Смирнова къ княжнѣ Циціановой, что передъ выносомъ пріѣхалъ принцъ австрійскій Вильгельмъ. Государь Александръ Николаевичъ заставилъ его прождать себя долго въ общей пріемной залѣ и потомъ, проходя мимо его, подалъ ему только руку, сказавъ: „*Je descends pour accompagner le corps de mon père*“. Послѣ этого принцъ долженъ былъ наравнѣ съ другими принцами въ мундирѣ пройти пѣшкомъ верстъ 6. Англійскіе и французскіе журналы, говорятъ, бранятъ покойнаго государя. А. О. Смирнова пишетъ также, что государь Александръ Николаевичъ говоритъ и дѣйствуетъ безъ отдыха. Много разсказываютъ про пріемъ министровъ, но про Нессельроде никто ни слова; не знаю, какъ это растолковать: можетъ быть, онъ сказывается больнымъ и не показывается болѣе. Великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ не поспѣли къ выносу, они проскакали Москвой только 28-го числа. Кажется, слава Богу, всѣ толки и смущенія первой минуты при восшествіи новаго государя, улеглись.—Изъ Москвы пишутъ къ Ивану, какъ слухи, что Ермоловъ утвержденъ, что генералъ-адъютантъ, повезшій манифестъ государя Александра

[1] Между строкъ вписано: „онъ не сказалъ ни слова“,

Николаевича въ Сибирь, везетъ также и прощеніе всѣмъ сосланнымъ. Адресъ калужскій первый не посланъ; предводитель дворянства Унковскій написалъ другой отъ себя. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ прекрасный адресъ изъ Грузіи по поводу еще манифеста объ ополченіи. Вотъ два было случая, по поводу которыхъ отовсюду были поданы голоса, только одна Москва молчитъ, и, благодаря ея начальникамъ, не отозвалась даже новому государю на слова, обращенныя къ ней именно, какъ къ *колыбели его*... Это несносно. Конечно, дворянство само виновато: если бъ оно захотѣло настоятельно, не смѣлъ бы противиться губернскій предводитель, да и Закревскій не имѣлъ бы возможности остановить желаніе дворянъ выразить свою преданность новому государю. Право, это такъ досадно и обидно: Москвѣ зажали ротъ, да и говорятъ, вѣроятно, на нее все, что вздумаютъ.

Не знаю, правда ли, но и прежде Закревскій, какъ мы слышали, доносилъ, что онъ только удерживаетъ Москву отъ всякихъ смутъ и т. п. Хорошо, если бъ насъ освободили отъ него, онъ такой гнетъ наложилъ на всѣ сословія въ Москвѣ, что никто не рѣшается даже на то, что было бы позволено. Ермоловъ продолжаетъ получать избранія изъ всѣхъ губерній.—Что-то будетъ? вотъ вопросъ, который безпрестанно вертится въ головѣ. Если новый государь будетъ за одно дѣйствовать съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, можно ожидать много добраго. Мы не перестаемъ восхищаться распоряженіями послѣдняго. Получили № 2-й „Морского Сборника“ и съ наслажденіемъ читаемъ всѣ статьи въ немъ, даже всѣ хозяйственныя распоряженія; во всемъ слышится правда, свобода мысли, откровенность, полная довѣрія; дышется отраднѣе, точно читаешь объ чужомъ государствѣ; и какъ такое направленіе быстро принесло успѣхъ, вызвало жизнь, благородное рвеніе на пользу общую, привлекало къ дѣятельности прекрасныхъ честныхъ людей, какъ благотворно оно воспитываетъ всѣхъ своимъ вліяніемъ! Слава Богу, это радостное великое явленіе. Да поможетъ Богъ всѣмъ добрымъ дѣятелямъ на пользу общую! Замѣчательна статья директора комиссаріатскаго департамента кн. Оболенскаго (отчетъ объ дѣйствіяхъ), статья Шестакова объ дѣйствіяхъ флота, съ начала войны, тутъ высказано смѣло и откровенно всѣ невыгоды *угнетательной системы* въ примѣненіи ея въ отношеніяхъ начальниковъ морскихъ къ ихъ подчиненнымъ, и все значеніе и польза

нравственныхъ причинъ, двигающихъ людьми въ исполненіе ихъ обязанностей и т. д. Словомъ сказать, если бъ та же система и съ тѣмъ же рвеніемъ была употреблена по всѣмъ министерствамъ, осталось бы только благодарить Бога. Это такого рода направленіе, которое есть ключъ ко всѣмъ прекраснымъ преобразованіямъ. Взывается ко всѣмъ за совѣтомъ, выслушивается со вниманіемъ всякое замѣчаніе, жалоба, отдается все на общій судъ. Тутъ современемъ, конечно, могутъ сказаться всѣ народныя потребности, и духъ народный самъ собою выскажется и выработаетъ свое.

Маменька съ Наденькой поѣхали къ Троицѣ, что-то привезутъ намъ? Должны быть, по крайней мѣрѣ, „Московскія Вѣдомости" и иностранные журналы, которыхъ мы вовсе не получали на послѣдней почтѣ. Боимся ужъ не задержаны ли они? Въ послѣднихъ газетахъ изъ „Одесскаго Вѣстника" перепечатано нѣсколько словъ о нашихъ дѣйствіяхъ при осадѣ Севастополя. По тону уже слышно, что это писано при Остенъ-Сакенѣ и подъ его вліяніемъ: „Поблагодаря Бога прежде всего за успѣхи нашихъ дѣйствій..." горячо отдается справедливость необыкновеннымъ заслугамъ Тотлебена и Мельникова, послѣдній прозванъ Оберъ-Кротъ, потому что уже 3 мѣсяца проводитъ подъ землей. Наши работы минеровъ были очень удачны. Иностранцы пишутъ, что русскимъ уже нечего производить новыя укрѣпленія, что они теперь занимаются только украшеніемъ ихъ, и что въ самомъ дѣлѣ они превосходны. Что-то теперь тамъ дѣлается! Да поможетъ Богъ! Теперь кромѣ обычной молитвы за обѣдней о побѣдѣ нашихъ войскъ, еще опредѣлено каждый воскресный день служить большой молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о покореніи враговъ. Не знаемъ, что дѣлается въ Москвѣ, поѣхалъ ли Погодинъ въ Петербургъ, онъ непремѣнно долженъ былъ бы ѣхать, тѣмъ болѣе, что кн. Оболенскій далъ ему знать, что ему хорошо было бы быть тамъ. [1]

Маменька пріѣхала уже поздно, привезла газеты московскія, Journal de Francfort одинъ номеръ, да одно Supplément, видно номеръ задержанъ. Письма получены отъ Трутовскихъ два. Слава Богу, у нихъ все хорошо, онъ не выбранъ въ ополченіе, его оставили дома, и они теперь спокойны. Всѣ поражены извѣстіемъ о кончинѣ государя. Письмо отъ Машеньки Кар-

[1] М. П. Погодинъ не нашелъ нужнымъ или возможнымъ съѣздить въ Петербургъ въ началѣ новаго царствованія. См. объ этомъ дальше.

ташевской особенныхъ извѣстій въ себѣ не заключаетъ, пишетъ только, что слова и рѣчи государя Александра Николаевича приводятъ всѣхъ въ восхищеніе. Что во время печальной церемоніи выноса, народъ на улицахъ, по которымъ проѣзжала процессія, бросился на колѣни, и государь былъ такъ тронутъ, что написалъ собственноручно рескриптъ, въ которомъ благодаритъ всѣхъ жителей за участіе въ его горѣ, и т. д. Ермоловъ утвержденъ за Москвой, онъ, говорятъ, теперь въ Петербургѣ. А Филаретъ не поѣхалъ, все ждалъ, чтобы его вызвали, а самъ не спросилъ позволенія.

Кажется, онъ бы и безъ позволенія могъ съѣздить поклониться праху своего государя. Но это все—формальность, которую Филаретъ такъ уважаетъ. Вообще раздумье какое-то убиваетъ всякое живое движеніе въ людяхъ. Получено также письмо отъ Елены Антоновны; ихъ горесть и соболѣзнованія о покойномъ государѣ переходятъ всякія мѣры; такого увлеченія много въ нѣкоторыхъ кружкахъ; они жалѣютъ, что не поднесли ему при жизни названія Мудраго и Правдиваго, послѣднее скорѣе бы шло къ нему. Пишетъ также, что паденіе колокола народъ толкуетъ и такимъ образомъ, что государь Николай Павловичъ былъ все время несчастливъ, и что теперь съ нимъ вмѣстѣ рухнулось и его несчастіе и т. д. Говорятъ, во время процессіи государь Александръ Николаевичъ шелъ безъ шинели, но ученикамъ всѣмъ велѣлъ надѣть шинель.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ недурной адресъ петербургскаго дворянства, еще къ Николаю Павловичу, по поводу ополченія, и отвѣтъ на него уже отъ государя Александра. Дворянство петербургское упомянуло о православныхъ братіяхъ и... [1] Государь въ отвѣтъ не повторилъ этихъ словъ, и сказалъ что... [2] Намѣренно ли онъ умолчалъ о православныхъ и единовѣрныхъ братіяхъ, или случайно,—Богъ знаетъ, но мнѣ, что-то начинаетъ казаться, что онъ избѣгаетъ этого предмета. Онъ говоритъ вездѣ о чести и могуществѣ Россіи, но нигдѣ, кажется, еще не сказалъ ни слова о защитѣ православія и единовѣрныхъ братьевъ. Уже не эту ли онъ далъ клятву отцу своему не вмѣшиваться въ дѣла славянъ. Но судьбы Божіи сильнѣе намѣреній человѣка!

---

[1] Пропускъ въ оригиналѣ.

[2] Пропускъ въ оригиналѣ.

Да совершатся Божьи судьбы!—Дворянство петербургское присылало депутацію поздравить новаго государя. Въ газетахъ напечатана рѣчь его къ нимъ. Рѣчь прекрасна, намъ всѣмъ понравилась. Видно, что онъ говорилъ ее, не приготовясь; проста, скромна, согрѣта чувствомъ; въ ней замѣчательны особенно слова: „Я всегда говорилъ родителю моему"... видно ясно, что государь Н. П. сомнѣвался и смущался; а потомъ окончательныя его слова, когда онъ, перекрестясь, сказалъ: „Господь намъ поможетъ, не посрамимъ земли Русскія".—Такія слова говорятся передъ бранью, и видно онъ на нее рѣшился. Да поможетъ ему Богъ!

Что дѣлается въ западномъ мірѣ, понять нельзя и не знаешь, *чего* ожидать. Наполеонъ, кажется, зазнался совершенно, онъ велитъ сказать Англіи, чтобъ у нихъ не было enquete (слѣдственной комиссіи), которая чуть ли уже не началась, иначе армія французская и англійская не могутъ дѣйствовать соединенно! Англичане хотѣли сдѣлать ее секретной, но это предложеніе не было принято. Говорятъ, теперь будетъ распущенъ парламентъ въ избѣжаніе затруднительнаго положенія. Каково же Луи Наполеонъ вертитъ Англіей, гордой Англіей, которая до сихъ поръ не признавала никого себѣ равнымъ!

Положеніе Англіи должно быть отчаянное, она совершенно растерялась, и сильно желаетъ мира, не знаетъ только, какъ выпутаться съ честью изъ затруднительнаго положенія. Франція, кажется, представляется ей чуть не идеаломъ государственнаго устройства, и въ парламентѣ часто представляютъ, какъ примѣръ для подражанія, Францію.—Луи Наполеонъ точно можетъ гордиться своимъ вліяніемъ на всю Европу, въ Испаніи онъ удерживаетъ революціонныя партіи, въ Римѣ все дѣлается по его желанію... Ужъ и это не по его ли проискамъ дѣлается, что Порта вдругъ отказывается принять помощь сардинцевъ, если они не войдутъ въ составъ союзныхъ войскъ, и если Піемонтскій генералъ будетъ имѣть свой голосъ на военномъ совѣтѣ.

Положеніе Піемонта тоже довольно странно. Заключили союзъ противъ Россіи, которая уже объявила имъ войну, а, между тѣмъ, ихъ не пускаютъ въ Крымъ.—Австрія тоже что-то не сладитъ съ Франціей по поводу намѣреній Луи Наполеона ѣхать въ Крымъ. Австрійцы боятся, чтобы въ отсутствіе Наполеона, чего-нибудь не затѣялось во Франціи.—Пруссія еще все толкуетъ и не приступала еще къ трактату.

У Троицы маменька слышала будто бы проѣхалъ курьеръ

ОЛЬГА СЕМЕНОВНА АКСАКОВА.

Съ фотографіи.

съ извѣстіемъ, что дерутся въ Севастополѣ. Это сильное сдѣлало впечатлѣніе, особенно что узнали передъ молебномъ о побѣдѣ. Антоній, говорятъ, читалъ прекрасно молитву и всѣ почти плакали. Елена Антоновна тоже пишетъ, что слышали, что штурмъ начался.

8 марта 1855. Сегодня получено нѣсколько писемъ, четыре номера иностранныхъ журналовъ; два изъ нихъ, видимо, были задержаны и во многихъ, самыхъ интересныхъ мѣстахъ, вытерто; досадно. Въ этихъ журналахъ уже начинаютъ говорить болѣе подробно объ этомъ событіи и вообще о предполагаемыхъ слѣдствіяхъ его, объ характерѣ государей Николая Павловича и Александра Николаевича.—Австрія напечатала подлую статью, въ которой восхваляютъ великія качества, заслуги и стараются выиграть и въ новомъ государѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, связать его съ обѣщаніемъ мира его отца. Но кажется, врядъ ли онъ будетъ; истолкованіе третьяго пункта заключается въ томъ, чтобъ мы уничтожили Севастополь, какъ военный портъ, и что тогда союзныя войска удалятся изъ Крыма, на это и Николай Павловичъ, вѣроятно бы, не согласился публично. —Австрійцы, кажется, не успѣли въ своей подлости. Государь Александръ принялъ сухо принца Вильгельма, а сегодня намъ сообщилъ Юрій Оболенскій стихи Тютчева, и Ивану—Елагина; стихи сильные, и видно что искренніе (это, вѣроятно, общее впечатлѣніе) и конечно дойдутъ до государя тѣмъ болѣе, что дочь Тютчева любима новой государыней. [1]—Вообще за-границей сильное смятеніе умовъ. То предаются надеждамъ на миръ, то опасеніямъ противнымъ. Стараются изъ всякой бездѣлицы вывести заключеніе; между собой тоже у нихъ что-то не ладится.—На биржахъ курсъ поднялся при извѣстіи о кончинѣ государя Николая Павловича, но кажется, надежды эти поколебались, какъ скоро получено было телеграфическое извлеченіе изъ манифеста новаго государя. Тотчасъ послѣ извѣстія о восшествіи новаго государя министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи поспѣшилъ къ Наполеону и имѣлъ съ нимъ совѣщаніе, говорятъ, съ цѣлью дѣйствовать въ пользу мира, котораго вся Англія желаетъ. Всѣ газеты, по крайней мѣрѣ, нѣмецкія говорятъ о государѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ о великомъ человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какое сильное могущее зна-

[1] Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ стихахъ Тютчева „По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога на похороны имп. Николая“.

ченіе онъ имѣлъ передъ западомъ, но они именно приписываютъ ему тѣ свойства и намѣренія, отсутствіе которыхъ возбуждало такой ропотъ въ его странѣ. Все, что сказано о характерѣ новаго императора, вытерто. Объ императрицѣ Маріи говорятъ, que c'est une femme hors de ligne, что она вѣроятно будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла и что даже, какъ думаютъ нѣкоторые, можетъ сдѣлаться Екатериной II. Между тѣмъ добрыя вѣсти сообщаютъ изъ Москвы. Говорятъ, государь сказалъ прекрасную рѣчь дипломатическому корпусу, въ которой объявилъ, что болѣе уступокъ не сдѣлаетъ и что скорѣе погибнетъ во главѣ своихъ подданныхъ, нежели заключитъ постыдный миръ. Всѣ въ восхищеніи, это почти равняется объявленію войны. Съ ихъ стороны трудно ждать уступокъ. Но что будетъ, одному Богу извѣстно.—Пишутъ также, что государь велѣлъ благодарить Москву за выборъ Ермолова, что потребовали депутацію дворянъ изъ Москвы и что Чертковъ и двое еще такихъ же, кажется, глупцовъ, какъ онъ, отправились. Кто знаетъ можетъ быть дошло до свѣдѣнія государя, что Москва хотѣла послать депутацію, но предводитель воспротивился. Этому были бы очень всѣ рады. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что генералъ Ланской, пріѣзжавшій съ манифестомъ отъ государя, повезъ въ Петербургъ адресъ Хомякова, который разошелся вездѣ по Москвѣ. Вѣроятно, онъ зналъ, почему не было адреса отъ дворянства и могъ передать даже государю. Но вотъ что насъ всѣхъ огорчило это то, что Погодинъ не поѣхалъ въ Петербургъ. Что съ нимъ дѣлается, не можемъ понять; дочь его пишетъ, что всѣ его уговаривали, но что онъ не собрался, а теперь и время пропустилъ, и сидитъ за своими лѣтописями. Отесенька и братья думаютъ, что онъ получилъ отъ кого-нибудь предостереженіе, чтобъ не ѣхать; если это и такъ, то, вѣрно, сдѣлано съ злымъ намѣреніемъ помѣшать его вліянію на настоящія дѣла. Я же думаю, что онъ поддался своему мистическому направленію и все прислушивался, не шепчетъ-ли ему что-нибудь, что онъ долженъ ѣхать, а на бѣду ему все шептало что-то на ухо, чтобъ онъ занимался лѣтописями. — Это онъ самъ сказывалъ братьямъ. Во всякомъ случаѣ это такъ досадно, что онъ не поѣхалъ, пропустилъ, можетъ быть, единственный случай, и такъ досадно, что никто изъ нашихъ не поѣхалъ, а отчего?—такъ... сами не знаютъ. Если бъ мы жили въ Москвѣ, мы непремѣнно уговорили бы съѣздить Константина да и Погодина также.

Что-то будетъ, теряемся совершенно въ предположеніяхъ, все вниманіе напряжено, всѣ ждутъ въ смятеніи, чѣмъ разрѣшатся великія событія нашего времени, каждая минута заключаетъ въ себѣ великое значеніе.

Вотъ стихи Тютчева: [1]

Говорятъ, въ Хотьковѣ видѣлъ сторожъ на зарѣ видѣніе на небѣ Креста, сперва онъ увидалъ большую звѣзду голубого цвѣта, которая бросала лучи вокругъ себя, и потомъ изъ этой звѣзды образовался Крестъ. Онъ говоритъ, что позвалъ еще кого-то; тотъ также видѣлъ. Правда ли это или нѣтъ, но въ наше время нельзя не вѣрить, по крайней мѣрѣ, возможности чудесъ. Всѣ событія такъ чудны, такъ явно управляются свыше, вопреки человѣческимъ расчетамъ.

10 марта въ четвергъ. Получены „Московскія Вѣдомости“ и одинъ № Journal de Francfort, вытертый во многихъ мѣстахъ и даже съ вырѣзаннымъ кончикомъ; это очень досадно и обидно: такъ важны теперь извѣстія изъ-за-границы. Въ газетахъ нашихъ есть извѣстія изъ Крыма, у насъ была схватка съ турками, подъ Евпаторіей, и кажется они дрались славно, напали на насъ такъ быстро, что въ первую минуту смяли, но потомъ были отбиты съ урономъ. Впрочемъ это уже донесеніе Остенъ-Сакена, и хотя онъ прекрасный человѣкъ и генералъ, но, говорятъ, нѣсколько увлекается въ своихъ отчетахъ. Въ газетахъ напечатанъ рескриптъ государя Адлербергу, рескриптъ очень хорошъ, особенно тѣмъ чувствомъ, которымъ онъ согрѣтъ, и вообще человѣческимъ взглядомъ на отношенія людей между собой, хоть-бы эти люди были царь и подданный. Въ этомъ же номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ напечатаны нѣкоторыя подробности первыхъ минутъ царствованія государя Александра Николаевича, его слова къ разнымъ генераламъ. Кажется, онъ съ первой же минуты былъ твердо рѣшенъ на войну, по крайней мѣрѣ, вполнѣ увѣренъ въ ея неизбѣжности. Онъ сказалъ:—„Мы не уступимъ ни шагу врагу и будемъ защищать до послѣдней капли крови нашу милую Россію“.—На войну онъ рѣшился, но на какую? Если на оборонительную только, внутри нашихъ предѣловъ, то нельзя ожидать успѣха.

Въ пятницу, т. е. 11 марта ѣздилъ Иванъ къ Троицѣ, воротился только передъ обѣдомъ и привезъ съ собой Гилярова,

[1] Для стиховъ оставленъ пробѣлъ, стихи же не приведены.

который сообщилъ о воззванiи Синода объ ополченiи. Это воззванiе уже было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, привезенныхъ въ этотъ день. Мы его тотчасъ-же прочли. Неизвѣстно, какое произведетъ оно впечатлѣнiе на народъ, но на насъ вотъ какое: Гиляровъ сказалъ, что у Троицы давно ожидали воззванiя отъ Синода по примѣру прежнихъ случаевъ, когда при ополченiи всегда бывало и воззванiе отъ Синода, это такъ и должно быть. Намъ даже кажется, какъ будто оно еще было написано при царствованiи Николая Павловича, по крайней мѣрѣ, оно вполнѣ отражаетъ въ себѣ послѣднiй его манифестъ, также сказана причина (защита правъ православiя и единовѣрныхъ братьевъ)—требованiя Николая Павловича, за которыя воздвигли на насъ войну, и также подъ конецъ выходитъ, что война настоящая есть только защита нашихъ предѣловъ, одно не повторено: это надежды на миръ, которыхъ настоящiй царь вовсе не имѣетъ и, можетъ быть, не хочетъ имѣть. — Разумѣется, за-границей это воззванiе будетъ, вѣроятно, принято, какъ объявленiе войны. Еще поразило насъ это воззванiе потому, что въ немъ ни слова не упомянуто о покаянiи, которое такъ было-бы необходимо, особенно въ минуты бѣдствiй, и передъ великими дѣлами. Голосу церкви это было бы очень прилично. Словомъ сказать кажется такое событiе, какъ воззванiе отъ Синода къ народу, такiя все-же сильныя выраженiя употребленныя въ немъ, не должны были-бы проходить безъ впечатлѣнiя, но на насъ собственно мало сдѣлало впечатлѣнiя, да и на всѣхъ, вѣроятно,—не то, которое можно было ожидать. Впрочемъ Гиляровъ, кажется, довольнѣе, нежели мы. Между прочимъ Гиляровъ сказывалъ намъ, что грекъ Анфимъ, монахъ, очень огорченъ и тотчасъ послѣ извѣстiя о кончинѣ Николая Павловича хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ поклониться ему, но его не пустили къ его искреннему огорченiю. Онъ говоритъ, что греки будутъ много жалѣть объ Николаѣ Павловичѣ, что съ его именемъ связаны были почти всѣ надежды грековъ, что настоящаго императора не знаютъ, и онъ самъ съ недовѣрчивостью слушалъ всѣ увѣренiя Гилярова, что государь Александръ Николаевичъ сдѣлаетъ для нихъ еще болѣе.—Замѣчательный фактъ,—Николай Павловичъ слѣдовалъ именно той политической системѣ, чтобъ скорѣе отталкивать отъ себя православные восточные народы, наконецъ, совершенно отрекся отъ исключительнаго покровительства надъ ними, а между тѣмъ народы эти полны самой преданной, твердой вѣры въ его заступничество.

То правда, конечно, что Николай Павловичъ часто дѣйствовалъ непослѣдовательно съ своей системой политики, которой онъ былъ связанъ, и что его личное сочувствіе часто выказывалось и въ денежной помощи православнымъ братьямъ и въ защитѣ ихъ. Такъ и въ настоящую войну, сколько было противорѣчащихъ дѣйствій, и мое убѣжденіе подтверждается, что если бъ не Нессельроде, который безпрестанно его принуждалъ возвращаться къ безобразной политикѣ нѣмецкой, то государь былъ бы увлеченъ совсѣмъ на другой путь! Кстати о Нессельроде! Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ скончался Николай Павловичъ и воцарился Александръ Николаевичъ, объ немъ никто еще не упомянулъ. Говорили обо всѣхъ министрахъ, о томъ, какъ принялъ государь Александръ Николаевичъ такого-то или другого, объ Нессельроде-же ни слова, какъ - будто онъ исчезъ съ лица земли. Вѣроятно, онъ сказывается больнымъ.—Ему, этому измѣннику, ему одному обязаны мы позоромъ и затруднительнымъ положеніемъ Россіи!

Въ „Journal de Francfort“ перепечатанъ манифестъ Александра Николаевича еще безъ всякихъ комментарій, но въ новыхъ извѣстіяхъ высказывается мало надеждъ на миръ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ помѣщено порученіе австрійскаго императора принцу Вильгельму къ государю Александру Николаевичу.—Оно такъ нагло, что онъ стоилъ и не такого пріема. Австрійскій императоръ объявляетъ, что онъ своей политики перемѣнить не можетъ, а что Россіи совѣтуетъ согласиться на условія, какъ для ея выгодъ, такъ и для выгодъ Европы и т. д. и обѣщаетъ въ такомъ случаѣ свое посредничество для того, чтобъ требованія западныхъ державъ не были слишкомъ велики. Въ „Journal de Francfort“ сказано, что Россія еще прежде согласилась признать la chute de Sebastopol comme un fait accompli, т. е. чтобъ не возобновлять его уже болѣе. Если это правда, то это ужасно, и кажется, что это правда. Австрія и всѣ западныя державы требуютъ уничтоженія Севастополя, какъ военнаго порта, на что, конечно, не согласится государь Александръ Николаевичъ. 16 марта нов. ст. начались конференціи.

Въ пятницу 11 марта часовъ въ 11 вечера уже мы почти всѣ разошлись, у отесеньки болѣла голова, и сильный былъ кашель; отесенька легъ раньше обыкновеннаго.—Вдругъ являются къ намъ Трушковскій и Кулишъ. Мы ихъ никакъ не ожидали, особенно Кулиша, отъ котораго недавно было получено письмо

изъ Малороссіи. Мы сперва думали, что Кулишъ пріѣхалъ вслѣдствіе письма отесеньки, въ которомъ отесенька обѣщалъ достать ему деньги для напечатанія его біографіи Гоголя, но онъ письма этого не получилъ, когда уѣхалъ. Услыхавши о кончинѣ государя Николая Павловича и перешедши черезъ всѣ впечатлѣнія, черезъ которыя перешли и мы всѣ, онъ остановился на надеждахъ, возбужденныхъ въ немъ новымъ царствованіемъ. „Я одного желаю, чтобы мнѣ дали жить,“—сказалъ онъ. Онъ уже мечтаетъ, что ему откроется новая дѣятельность, что онъ будетъ издавать журналъ и т. д. Всѣ извѣстія, сообщенныя намъ Трушковскимъ и Кулишомъ, очень утѣшительны.—Рѣчь государя Александра Николаевича дипломатическому корпусу всѣ хвалятъ, въ ней сказано, „что я погибну вмѣстѣ съ моимъ народомъ нежели сдѣлаю унизительныя уступки“; что сверхъ уступленнаго государемъ Николаемъ Павловичемъ онъ уже ничего болѣе не уступитъ. Говорятъ, въ петербургскомъ журналѣ напечатана повѣсть, которую прежде не пропустилъ бы цензоръ, и на вопросъ издателя, отчего онъ ее пропустилъ, цензоръ отвѣчалъ:—„Видите, у всѣхъ лица веселыя, ну и цензурѣ весело“...—Много ходитъ анекдотовъ, все въ пользу новаго государя. Говорятъ, одинъ чиновникъ, пришедшій съ женой рано поклониться государю Николаю Павловичу, былъ встрѣченъ очень грубо квартальными, стоявшими на стражѣ печальной комнаты. Чиновникъ разсердился, тѣ еще ему отвѣчали такъ дерзко и грубо, что чиновникъ вышелъ изъ себя и ударилъ квартальнаго.—Изъ этого вышло дѣло, и присудили чиновника отставить, но довели до государя, и тотъ велѣлъ отставить квартальныхъ съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять за грубое обращеніе. Говорятъ, что государь сказалъ Бибикову:—„Вы обманули отца моего, студенты, ни петербургскіе, ни московскіе, не желали учиться фрунту, а вы его увѣрили въ этомъ“. Клейнмихель просился будто-бы въ отставку, на что государь сказалъ ему:—„Очень охотно, графъ, но намъ надобно сперва расчитаться“. — Въ Малороссіи, сказывалъ Кулишъ, общее впечатлѣніе есть сожалѣніе самое искреннее о государѣ Николаѣ Павловичѣ и даже нѣкоторое опасеніе за будущность. Трушковскій и Кулишъ пріѣзжали собственно для переговоровъ съ отесенькой и братомъ о печатаніи біографіи и писемъ Гоголя.

12 марта на другой день, хотя отесенька чувствовалъ еще нездоровье, но принималъ участіе въ этихъ толкахъ. Трушковскій привозилъ намъ письма Гоголя къ матери. Вопросъ былъ

въ томъ, печатать-ли ихъ немедленно особо, если отдать Кулишу воспользоваться ими для пополненія своей біографіи; этого-то именно и хотѣлось добиться Кулишу, и онъ успѣлъ въ томъ, говоря, что иначе онъ и печатать не будетъ, когда знаетъ, что есть матеріалы, которыми онъ могъ-бы воспользоваться и не воспользуется. Признаюсь, не разъ и даже постоянно производитъ онъ на меня непріятное впечатлѣніе, что-то именно внутри его есть для меня отталкивающее; я нахожу, что онъ поступалъ неделикатно съ Трушковскимъ. Письма Гоголя прекрасны, полны такой горячей нѣжной любви къ матери и семейству; сколько важныхъ указаній на его внутренній душевный міръ. Я успѣла только ихъ пробѣжать.—Толковали также о томъ, какъ печатать сочиненія Гоголя, разрѣшенія печатанія, которыхъ ожидаетъ уже давно Трушковскій. Уже три года самыхъ важныхъ потеряно навсегда. Также о томъ, какъ и когда печатать его письма. Я совѣтовала печатать письма семейныя немедленно и отдѣльно отъ всѣхъ другихъ; отесенька, Константинъ и Трушковскій того же мнѣнія, но Кулишъ жарко возставалъ, такъ что мы немножко поспорили.—Трушковскій-же самый добродушный человѣкъ, его душевныя стремленія всѣ хороши, благородны, но нѣтъ дѣятельной силы, можетъ быть это еще вырабатывается.

Въ воскресенье утромъ, т. е. 13 марта они уѣхали. Получены были письма отъ дяди Николая Тимофеевича, который былъ проѣздомъ въ Москвѣ, и письмо отъ Томашевскаго.—Ермоловъ, говорятъ, принятъ великолѣпно въ Петербургѣ и государь сказалъ, что надѣется дать ему высшее назначеніе.—Это извѣстіе привело всѣхъ въ восхищеніе.—Вѣрно то, что Ермоловъ до сихъ поръ въ Петербургѣ.—Намъ пишутъ, что назначены три комитета, одинъ для разсмотрѣнія цензуры, другой для разсмотрѣнія податей...

Константинъ собирался въ Москву для выпуска вновь отпечатанной отесенькиной книжки *Разсказы и воспоминанія охотника*, заключающей въ себѣ разсказы объ разныхъ охотахъ и въ концѣ маленькій разсказъ крестьянина объ соловьяхъ, записанный И. С. Тургеневымъ.

Во *вторникъ, т. е. 15 марта* получено было письмо отъ Кулиша съ разными добрыми вѣстями о государѣ, съ надеждами на цензуру и т. д.—И Кулишъ и Трушковскій зовутъ Константина въ Москву. Въ четвергъ было получено письмо къ Ивану отъ И. Е. Елагина, гдѣ также подтверждаютъ добрые слухи, и

между прочимъ, достовѣрное извѣстіе о томъ, что есть распоряженіе учиться фрунту только тѣмъ студентамъ, которые этого пожелаютъ, тогда какъ прежде было предписано всѣмъ.

Въ четвергъ, т. е. 17 марта Константинъ поѣхалъ въ Москву и воротился въ понедѣльникъ утромъ.

Въ его отсутствіе получили мы иностранные журналы и московскія газеты. Въ иностранныхъ журналахъ всѣ говорятъ о надеждахъ на миръ.—Австрія и Пруссія рѣшительно ссорятся. Напечатана одна прусская статья, въ которой даже признаютъ за нами исключительное право покровительства православнымъ христіанамъ на востокѣ, право, которое не должно быть уступлено никакой другой державѣ, потому что оно истекаетъ изъ самой жизни исторической и т. д. Конференціи происходятъ въ совершенной тайнѣ, и потому на всѣ толки объ нихъ нельзя обращать никакого вниманія. Только то извѣстно, что дѣйствуетъ Титовъ, что онъ послалъ deux dépêshes chiffrées въ Петербургъ по телеграфу. И что насъ особенно непріятно поразило—это циркуляръ Нессельроде. Увидать вновь его имя въ дѣлахъ нашихъ было возмутительно. Мы, признаюсь, льстили себя надеждой, что онъ будетъ удаленъ, особенно потому, что объ немъ никто не говорилъ ни слова, а теперь онъ снова началъ дѣйствовать во вредъ Россіи. Циркуляръ его, хотя написанъ не въ такихъ грубо унизительныхъ выраженіяхъ для Россіи, но также мошеннически выдаетъ ее врагамъ. И какъ онъ уже началъ дурачить добраго Александра Николаевича, безпрестанно ему суетъ передъ глаза послѣднюю волю, его отца, начатый имъ миръ, который онъ оставилъ сыну въ наслѣдство. А, между тѣмъ, представляетъ положеніе Александра Николаевича подъ видомъ жалкимъ съ тѣмъ, конечно, чтобъ его унизить; что не бывало еще примѣра, чтобъ при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всходилъ на престолъ царь, и что если онъ заключитъ миръ, это привлечетъ благословеніе всѣхъ народовъ на его новое царствованіе, и уже въ этомъ циркулярѣ не упоминается ни о цѣли возвысить Россію на высшую степень могущества и силы, а только скромно говорится, что государь будетъ защищать l'honneur et l'intégrité de l'Empire, какъ будто Россія совершенно находится въ положеніи Турціи. Словомъ сказать, нельзя было лучше унизить Россію, не употребивъ наглыхъ унизительныхъ выраженій, которыхъ онъ уже не боялся употреблять при Николаѣ Павловичѣ. Нѣтъ, гдѣ Нессельроде и Титовъ, ничего добраго нельзя ожи-

дать и, покуда эти два измѣнника будутъ управлять нашей политикой, Россія не исполнитъ своего святого долга. Такого добродушнаго человѣка, какъ государь Александръ Николаевичъ не трудно такому безсовѣстному плуту, какъ Нессельроде, провести и опутать, какъ ему это будетъ нужно. Онъ уже нашелъ струну въ немъ, черезъ которую можетъ имъ управлять, это воля отца, его дѣйствія, и будетъ его путать, такъ, что онъ и не увидитъ, какъ будетъ связанъ и по рукамъ и по ногамъ, и будетъ вынужденъ подписать все, что тотъ ни заготовитъ.—Вотъ еще лицо, которое очень вредитъ государю. Это—Ростовцевъ [1]. Онъ и прежде имѣлъ къ нему довѣріе, а теперь видно это довѣріе ростетъ, и этотъ . . . . , какъ всѣ его называютъ, умѣетъ имъ пользоваться. Какъ противны его разные приказы, въ которыхъ онъ будто-бы простодушной, смѣлой и благородной откровенностью разсказываетъ во всеуслышанье всѣ дѣйствія, движенія государя при представленіи генераловъ, слова государя къ нему, т. е Ростовцеву, съ какимъ чувствомъ онъ, т. е. Ростовцевъ, поцѣловалъ руку государя, какъ государь, сдѣлавъ два шага впередъ, сказалъ то-то, и въ голосѣ у него были слезы, потомъ еще нѣсколько шаговъ, сталъ прощаться съ начальниками заведеній, которыми управлялъ исключительно, потомъ зарыдалъ, потомъ сказалъ то и то и, опять въ голосѣ были слезы, словомъ сказать, представилъ государя совершеннымъ шутомъ.

28 Марта. Вотъ уже и другой день свѣтлаго праздника. Слава Богу дождались его благополучно, опять услыхали „Христосъ Воскресе". Приносили образа, какое торжественное радостное пѣніе! На страстной маменька говѣла, у насъ на дому была служба. Благовѣщенье пришлось въ пятницу на страстной; эти два великіе дня были соединены вмѣстѣ, конечно, это мѣшало нѣсколько и тому и другому. Начало уже таять, и дороги портятся. Наканунѣ свѣтлаго праздника у насъ была служба съ вечера; отесенька, Олинька, которая приходила къ намъ въ гостиную и я, мы ее слушали. Маменька и двѣ сестры ѣздили въ Хотьковъ, а другія сестры съ братьями ѣздили къ Троицѣ и остались очень довольны великолѣпной торжественной службой. Отъ Троицы они привезли почту, впрочемъ очень не богатую, № „Московскихъ Вѣдомостей" и 3 письма, нѣкоторые журналы не получены за разлитіемъ Вислы, какъ объявленно даже

---

[1] Извѣстный Яковъ Ивановичъ.

въ газетахъ. Письмо одно важное, отъ графа Ивана Толстого, начальника серпуховской дружины, въ которую записался Иванъ, онъ увѣдомляетъ его, чтобъ онъ явился къ 1 апрѣля въ Серпуховъ. Иванъ ѣдетъ завтра, ему еще надобно обмундироваться.

Въ московскихъ газетахъ интереснаго особенно ничего, кромѣ рескрипта государя къ Филарету, московскому митрополиту. Рескриптъ поразительно сухъ, и государь принимаетъ даже безъ благодарности 160 тысячъ серебромъ, жертвуемыя митрополитомъ и духовенствомъ. Вѣроятно, письмо Филарета было чрезвычайно казенно и состояло только въ изъявленіи вѣрноподданическихъ чувствъ. Это выраженіе, какъ кажется, съ намѣреньемъ два раза повторяется въ рескриптѣ, и должно заключить, что государь не доволенъ имъ. Митрополитъ московскій могъ-бы написать что-нибудь другое; но объ Москвѣ государь употребилъ нѣсколько выраженій столь искреннихъ и согрѣтыхъ чувствомъ, что отрадно читать вотъ они [1]. И какъ не отозваться на такія слова, какъ не отвѣчать ему привѣтомъ на такой привѣтъ, хоть изъ одной учтивости, а тутъ, особенно когда этотъ привѣтъ такъ былъ-бы искрененъ, такъ всякому хотѣлось-бы высказать свое сочувствіе. Но возможно-ли что-нибудь при нашихъ москосквихъ властяхъ, которыя по системѣ и по глупости противятся всему живому. Желали-бы мы одного, чтобъ государь зналъ причины молчанія Москвы и отдѣлилъ-бы ее отъ властей ее стѣсняющихъ. Можетъ быть, онъ это и начинаетъ понимать, дай Богъ!..

Въ газетахъ помѣщено подробное описаніе нашего нападенія съ 10 на 11-е марта на французскіе редуты, и хотя оно имѣло желаемый успѣхъ, но кровопролитіе было страшное и съ той и съ другой стороны, а мы потеряли 8 чел. офицеровъ убитыми и 21 раненыхъ, а рядовыхъ 400 убито и 800 раненыхъ. Что это за страшное истребленіе людей по мелочамъ! Говорятъ Наполеонъ хочетъ самъ явиться въ Евпатарію сосредоточивъ сперва тамъ до 100 тысячъ войскъ, чтобъ сдѣлать оттуда нападеніе на нашу армію. Это, конечно, будетъ умнѣе нежели брать Севастополь, который, по ихъ собственному признанію, неприступенъ теперь. Они не перестаютъ восхволять наши работы крѣпостныя и защиты Севастополя. Какъ-то теперь встрѣчаютъ въ Севастополѣ праздникъ, какъ-бы не сдѣлали вылазки, обнадѣясь,

[1] Пробѣлъ въ оригиналѣ.

что въ такой праздникъ защита будетъ слабѣе. Долго идутъ извѣстія, хотя теперь и устроенъ телеграфъ до Кіева изъ Севастополя.—Объ конференціи ничего неизвѣстно достовѣрнаго, всѣ скорѣе пророчутъ миръ, Австрія и Англія сильно желаютъ мира, а между тѣмъ католическія церкви уже велѣно строить и въ Болгаріи и въ Малой Азіи.—Неужели мы предадимъ православныхъ въ руки злѣйшихъ враговъ католиковъ!..

29 марта. Погода такая ужасная, что мы не могли поѣхать къ обѣднѣ въ Хотьковъ; ѣздилъ только одинъ Константинъ, сегодня день его рожденія.—Съ почтою привезли немного, всего одно письмо безъ подписи, заключающееся въ двухъ словахъ: „Христосъ Воскресе", должно быть отъ Трушковскаго. Три номера „Journal de Francfort",впрочемъ не заключающіе въ себѣ ничего особеннаго. О конференціяхъ ничего и никто не знаетъ достовѣрнаго, все происходитъ въ тайнѣ. Любопытна только статья, перепечатанная изъ „Times", писанная въ день общаго покаянія, и подлинно, статья эта есть самое униженное сокрушенное покаяніе передъ цѣлымъ свѣтомъ; сильнѣе высказать своего позора нельзя было. Конечно, „Times" дѣйствуетъ такъ съ цѣлью заставить правительство перемѣнить всѣ прежнія, не только ошибки, но и основы и не скупится въ выраженіяхъ самыхъ энергическихъ, самыхъ оскорбительныхъ для національной гордости; но между тѣмъ должна сознаться, что эта газета не преувеличиваетъ положенія Англіи, ея публичнаго позора, несостоятельности основъ ея управленія и т. д. Англія пала въ общемъ мнѣніи съ высоты своего величія и пала въ соревнованіи съ ея прежнимъ врагомъ Франціей, доставляя своимъ паденіемъ полное торжество ей.

Замѣчательно еще толки о томъ, что западныя державы вовсе не требуютъ разрушенія Севастополя, и что взятіе его никогда не было цѣлью ихъ намѣреній, а только средствомъ къ достиженію цѣли, что теперь они не думаютъ требовать уничтоженія его, какъ военнаго порта. Явная уступка! И это насъ пугаютъ. Между тѣмъ пишутъ также въ „Journal de Francfort", что западныя державы вовсе не думаютъ объ общемъ протекторствѣ надъ восточными христіанами, ихъ намѣреніе то, чтобъ всякое протекторство было прекращено, а чтобъ были des garanties, чтобъ союзныя державы позаботились объ исполненіи султанскихъ распоряженій на счетъ христіанъ, не оскорбляя, впрочемъ, достоинства его власти и не стѣсняя независимости и цѣлости Турціи. Каково, неужели и на это согласится русскій царь!

По крайней мѣрѣ, хотя отъ и принялъ четыре пункта, имѣетъ полное право не согласиться на такое требованіе, которое не заключается въ этихъ несчастныхъ пунктахъ. Что-то будетъ! Эти несносныя конференціи тянутся и тянутся, всѣ въ недоумѣніи, чего ждать, къ чему готовиться, въ недовѣріи слѣдятъ за дѣйствіями нашего правительства, особенно когда главными дѣятелями его въ дипломатическихъ дѣлахъ опять Нессельроде и Титовъ. Несносное состояніе.—Константинъ справедливо говоритъ, что оно похоже на постоянную зубную боль.

Сегодня письмецо отъ Г. насъ немного смутило; онъ пишетъ, что митрополитъ московскій пожертвовалъ на славянскія церкви въ случаѣ ихъ освобожденія 50 тысячъ сереб. отъ московской эпархіи прошлаго года, положилъ ихъ въ Опекунскій совѣтъ, послѣ того какъ они приняты были государемъ. Теперь прибавивъ къ нимъ съ накопившимися процентами еще 60 тысячъ сереб., онъ донесъ о томъ новому государю. Государь велѣлъ ихъ причислить на военныя издержки.„—Вы можете себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это на главныхъ жертвователей“,—прибавляетъ Г. Если это такъ, то это весьма дурной знакъ, и насъ это очень огорчило. Перечли мы рескриптъ Филарету, онъ чрезвычайно сухъ и даже ни малѣйшей благодарности, но въ немъ сказано: *согласно Вашему желанію*, эта сумма будетъ употреблена на военныя издержки. Что же это значитъ? Вѣроятно, митрополитъ московскій самъ предложилъ употребить ихъ такимъ образомъ; иначе нельзя было бы такъ явно солгать. Но во всякомъ случаѣ, государь, если бъ хотѣлъ, могъ бы сказать, что онъ не измѣняетъ назначенія этимъ деньгамъ, опредѣленнаго его отцомъ. Мы даже такъ слышали (и это совершенно справедливо), что прошлаго года Филаретъ предложилъ деньги на военныя издержки, но что государь Николай Павловичъ сказалъ:—„Поберегите ихъ для болгарскихъ церквей, если Богъ дастъ; мы ихъ освободимъ“. Надобно сознаться, что съ самой первой минуты своего царствованія до сей поры новый государь ни однимъ звукомъ голоса, не только словомъ, не выразилъ хотя бы нечаянно какого-нибудь сочувствія къ славянамъ и вообще къ православнымъ нашимъ братіямъ на востокѣ. Если онъ и говорилъ о силѣ и могуществѣ Россіи, то, кажется, только ограничиваясь защитой ея предѣловъ. Забота объ славянахъ, кажется, вовсе исключена изъ его политики, и знамя святой причины настоящей войны потеряно; его политика все та же,

что и его отца; можетъ быть, онъ будетъ стоять болѣе за честь Россіи, какъ дядя его Александръ, и только—и то можетъ быть, что его твердости хватитъ только на первое время. Циркуляръ Нессельроде уже много сбавилъ тону, что замѣтили и журналы и уже вновь подняли голосъ и позволяютъ себѣ величаться оскорбительно передъ Россіей. Неизвѣстность, недоумѣніе, постоянное напряженное ожиданіе, недостатокъ довѣрія къ своему правительству — вотъ въ какомъ состояніи находятся всѣ умы. А тутъ собирается ополченіе, и сегодня Иванъ, несмотря ни на погоду, ни на дорогу, долженъ былъ ѣхать по зову своего дружиннаго начальника. Что за странная комедія:—ополченіе среди переговоровъ объ мирѣ!—Разумѣется, какого же можно требовать одушевленія, сочувствія?

30, середа. Погода ужасная, буря. Сестры ѣздили къ обѣднѣ и были у игуменьи. Извѣстій никакихъ. Маменька несовсѣмъ хорошо себя чувствовала.

Продолжаемъ читать Пушкина; замѣчательнаго, любопытнаго чрезвычайно много, но написано мѣстами особенно очень дурно; авторъ просто путается въ языкѣ.

31 марта. Сегодня часовъ въ 6 отправилась я къ обѣднѣ въ первый разъ на праздникъ. Воздухъ теплый, весенній, было совершенно тихо, птицы поютъ, все дышетъ весной! Дороги очень дурны; слава Богу, доѣхала благополучно, но нѣсколько опоздала и потому осталась [до] начала поздней обѣдни; и часы, и обѣдня все такъ радостно и свѣтло; хорошо, что хоть одинъ разъ удалось побывать у такой обѣдни. Дороги ни на что не похожи; сегодня было 11 градусовъ тепла и тихо.—Воротившись домой, нашла я маменьку лучше. А у отесеньки голова болитъ.

Вскорѣ привезли почту: 4 письма, „Московскія Вѣдомости“ и „Journal de Francfort“, два номера, 76 и 78, а 77 видимо задержанъ. Мы тотчасъ же начали читать письма, первое отъ Карташевскихъ. Тетенька, между прочимъ, пишетъ, что на дняхъ государь сказалъ по случаю пожертвованій, что онъ надѣется, что они скоро не будутъ нужны. Значитъ, миръ? Въ то же время Константинъ, пробѣгая французскіе журналы, попалъ глазами на слова, что Россія согласилась на все и что разсужденія идутъ только о числѣ кораблей, которые Россія будетъ содержать въ Черномъ морѣ. Эти два извѣстія, совпавшія вмѣстѣ, до такой степени всѣхъ насъ поразили непріятно, что негодованіе начало было уже изливаться со всѣхъ сторонъ. Всѣ надежды, возбужденныя новымъ государемъ, каза-

лось, вдругъ всѣ исчезли, довѣріе, которое такъ охотно принялось было въ душѣ каждаго, вдругъ смѣнилось недовѣріемъ, даже въ мигъ возникнувшей враждебностью. Константинъ говорилъ:—„Я повторяю, мира не будетъ; если онъ согласится, то *судьба* его отстранитъ. Какимъ образомъ, я не знаю, но это такъ будетъ". Отесенькино же мнѣніе было то, что и никогда нельзя было ничего надѣяться, что эти надежды возникаютъ всегда при перемѣнѣ царствованія, что потомъ все пойдетъ по старому. Иные видѣли въ этомъ указаніе на невозможность союза нашего съ этимъ правительствомъ, что ничего нельзя ожидать особеннаго уже потому, что онъ не отличается особеннымъ умомъ, что все будетъ пошло и въ пошлой средѣ совершаться и т. д., но что же будетъ, чего ждать, если миръ,—что будетъ послѣ мира?—Какое впечатлѣніе произведетъ онъ въ Россіи, гдѣ уже въ самомъ простомъ народѣ возбуждено столько вниманія и участія къ настоящимъ событіямъ. А между тѣмъ Машенька Карташевская пишетъ, что теперь измѣняются мундиры, и говорятъ, еще будутъ измѣненія въ костюмахъ—но это слухи. Ясно намекъ на русское платье.—Хочетъ ли онъ, заключа миръ, сперва устроить внутри Россію, но въ другомъ отношеніи не согласно съ желаніемъ русскаго платья согласіе на такой миръ. Среди этихъ смутныхъ впечатлѣній принесено было письмо отъ Ивана.

Быстро перешли мы отъ впечатлѣній къ другимъ совершенно противоположнымъ. Иванъ пишетъ изъ Москвы съ кучеромъ, что хотя ходятъ слухи о мирѣ, но Ермоловъ, Закревскій и тому подобныя лица увѣрены, что разгорится страшная война. Ермоловъ не занимается ополченіемъ: ясно что онъ не думаетъ остаться начальникомъ его. Что же это все значитъ? Мы посмотрѣли журналы иностранные и въ нихъ увидали, напротивъ, скорѣе возможность войны, нежели мира; депеша, попавшаяся первая намъ въ глаза, не имѣетъ никакого значенія передъ другими статьями, и вотъ опять мы возвращаемся къ неопредѣленнымъ надеждамъ, опять возникаетъ довѣріе къ доброму государю, который, по выраженію Хомякова, непремѣнно хочетъ попасть въ москвичи. Мы уже не сомнѣваемся въ его благонамѣренности, но смущаетъ насъ участіе въ дипломатическихъ дѣлахъ Нессельроде и Титова. Что же значатъ эти слова государя, что болѣе не нужны будутъ пожертвованія? Но эти слова, можетъ быть, никогда не были сказаны, а если сказаны, то подъ вліяніемъ, можетъ быть, надеждъ на уступки враговъ. Словомъ ска-

зать, ощущенія и впечатлѣнія и мысли мѣняются съ быстротою необыкновенною, и воображеніе, стараясь отгадать будущее, представляетъ попеременно разнообразные, часто самые противорѣчащіе выводы и образы.

Великія событія, совершающіяся передъ нашими глазами, подавляютъ, уничтожаютъ всякія человѣческія соображенія, и тамъ, гдѣ люди думаютъ, что они начинаютъ распутывать ихъ, тамъ они, напротивъ, усложняются все болѣе и болѣе, такъ что невольно въ недоумѣніи и въ сознаніи своей ничтожности останавливается человѣкъ передъ высшей волею, все невидимо и непонятно для насъ управляющей свыше!..

7 апрѣля. Пятница. Все время отъ лихорадки не была въ состояніи записывать. Сегодня получены важныя извѣстія. Запишу ихъ хоть вкратцѣ, чтобъ не перепутать послѣ.

Иванъ пишетъ намъ всякую почту и сообщаетъ всѣ слухи; сегодня уже не слухи, а факты, и страшные. Началось бомбардированіе Севастополя со второго дня свѣтлаго праздника, именно 28 числа, это же извѣстіе прочли мы и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ полученныхъ сегодня. Два дня продолжается канонада и еще продолжалась въ минуту отправленія курьера.

Съ нашей стороны уже потеряно 800 чел. убитыми и ранеными. Ужасно! Наконецъ всѣ эти 6-ти мѣсячныя приготовленія завершились давно ожидаемымъ событіемъ, но чѣмъ завершится это событіе, никто не знаетъ, но да поможетъ Господь нашему воинству, да заступится Господь за правое дѣло, прощая грѣхи наши! Что-то тамъ теперь? Можетъ быть, уже все рѣшено, но какой бы ни былъ исходъ, Боже мой, сколько жертвъ, сколько ужасовъ, страданій человѣческихъ!..

Странно, въ народѣ ходили слухи о страшномъ сраженіи, бывшемъ на святой, прежде нежели извѣстіе о томъ могло достигнуть нашихъ мѣстъ, и теперь прибавляютъ, что сухопутныя наши войска напали на непріятеля и много его утѣснили. Будемъ ожидать дальнѣйшихъ извѣщеній. Это только первая телеграфическая депеша. Въ ней прибавлено, впрочемъ, что наши батареи нанесли много вреда непріятелю. Да смилуется Господь надъ нами!

Иванъ пишетъ, что изъ Петербурга пришли достовѣрные слухи, что вѣнская конференція рушилась — война, и что ополченіе будетъ распространено и на другія губерніи. Это похоже на правду, судя по всѣмъ иностраннымъ извѣстіямъ, но что за

путаница! Вмѣсто того, чтобъ разъясняться,—настоящія событія все болѣе и болѣе усложняются или безпрестанно принимаютъ совершенно другой видъ и являются съ другой новой стороны неожиданно. Такъ, напримѣръ, теперь казалось, чего опредѣленнѣе положенія Англіи, Франціи, и Австріи въ отношеніи Россіи и ихъ взаимныя отношенія между собой, и вдругъ среди самыхъ конференцій совершаются такія превращенія, что въ изумленіи читаемъ. Австрія печатаетъ уже двѣ статьи въ Аугсбургской газетѣ, въ которыхъ прямо высказываетъ, что для Германіи и Австріи всего опаснѣе перевѣсъ силы западныхъ державъ на востокѣ, и что Австрія еще подумаетъ, не лучше ли будетъ ей дѣйствовать за одно съ Россіей въ пользу христіанскихъ народовъ, находящихся подъ игомъ Турціи, и что намѣреніе западныхъ державъ ясно, т. е. завладѣніе Турціей и торговлей и т. д.; что вліяніе Россіи на христіанскіе народы всегда будетъ преобладать надъ вліяніемъ другихъ націй, и что не лучше ли помочь этимъ христіанскимъ трудолюбивымъ племенамъ, нежели разслабленной Турціи, что, конечно, Пруссія въ такомъ случаѣ поддержитъ Австрію, и какъ бы сознавая затруднительность для Австріи выхода изъ союза съ западными державами, и что то же Пруссія хорошо сдѣлала, что себя не связала никакими обязательствами и оставила за собой свободу рѣшенія и взгляда. Если сообразить, что и Пруссія, что то вдругъ не давно вступилась за права покровительства Россіи надъ православными христіанами на востокѣ, что какъ то особенно выражаетъ сочувствіе къ русскимъ царямъ и даже ихъ политикѣ, то можно заключить, что тутъ явились новыя соображенія и расчеты, въ которыхъ вѣроятно не обошлось безъ участія и дружескаго совѣта австрійскаго агента, управляющаго нашей дипломатіей, т. е. Нессельроде, какъ я его разумѣю. Онъ еще давно въ одной изъ офиціальныхъ статей говорилъ, обращаясь къ иностраннымъ державамъ:—„Что вы стараетесь ослабить матеріальную силу Россіи, вы попробуйте ослабить ея духовно-нравственное вліяніе надъ христіанскимъ народомъ, вотъ ея истинная сила". Вѣроятно, онъ и теперь шепнулъ объ этомъ слово, а главное, увѣдомилъ, что со стороны нынѣшняго государя Россіи, нечего ждать Австріи пощады, если она будетъ противъ.—Вотъ они и вздумали всего лучше вмѣстѣ съ Россіей освобождать христіанъ изъ подъ ига турокъ надѣятся такимъ образомъ и раздѣлить ея вліяніе надъ этимъ народомъ и не потерять союза съ ней, а подлая мошен-

ническая Австрія надѣется такимъ образомъ сохранить за собой своихъ славянъ, да еще чего добраго потребуетъ помощи противъ французовъ отъ насъ за такое самопожертвованіе, и мы по мошенническимъ хлопотамъ Нессельроде пойдемъ еще ее выручать. Что-нибудь да въ этомъ родѣ дѣлается! Не даромъ пишутъ, что хотя конференціи на время прекращены, но частные переговоры о третьемъ пунктѣ (т. е. о владычествѣ Россіи на Черномъ морѣ) продолжаются между австрійскими и германскими и русскими уполномоченными. Тутъ, вѣроятно, работаетъ этотъ измѣнникъ Нессельроде. Объ одномъ заботится, чтобъ среди этого всеобщаго землетрясенія сохранить во что бъ то ни стало союзъ Россіи съ Австріей, такъ какъ безъ того Австрія бы погибла. Онъ запуталъ и запугалъ государя Николая Павловича, представляя ему его обѣщанія сохранить Sainte Alliance, которая давно уже была нарушена самой Австріей, или пугая его ея необъятными войсками, возбуждая въ немъ недовѣріе къ сочувствію славянъ. Конечно, онъ зналъ не хуже другихъ, что для Австріи война съ Россіей была бы гибелью, что стоило бы объявить только войну Австріи, чтобъ въ ту же минуту распалась она вся, что вся ея армія не пошла бы ни за что на Россію, что всѣ народы, ее составляющіе и ненавидящіе ее, отложились бы отъ нея, и для того этотъ злодѣй и измѣнникъ сгубилъ Россію, изъ самаго выгоднаго положенія привелъ ее въ самое затруднительное, старался передъ глазами всѣхъ унизить ее, сколько только было для него возможности; овладѣвши и запутавши Николая Павловича, онъ довелъ бы, Богъ знаетъ до чего, Россію, но Богъ не допустилъ. Онъ виновникъ всей той напрасно пролитой крови нашихъ несчастныхъ войскъ. Но напрасны ли были всѣ сраженія на Дунаѣ? Война неизбѣжна, но только въ положеніи, тысячу разъ труднѣйшемъ, должны мы будемъ вести ее, и теперь еще онъ будетъ ее тянуть для того, чтобъ побольше собралось войска французскаго, и англійскаго и въ Турціи и въ Азіи, гдѣ до сихъ поръ, по ихъ собственному признанію, не было вовсе арміи. А Бебутовъ былъ остановленъ въ своихъ блестящихъ побѣдахъ, и теперь всю зиму подъ Севастополемъ непріятель былъ въ такомъ положеніи, что овладѣть имъ было легко въ сравненіи съ теперешнимъ его положеніемъ, когда онъ въ силахъ напасть на насъ. Я убѣждена, что онъ старался всѣми силами, сколько отъ него зависѣло, чтобъ англо-французы овладѣли Севастополемъ, надѣясь, что тогда все бы кончилось выгодой для Австріи и иностранныхъ державъ. И теперь мы должны

будемъ идти въ Турцію, но когда?—Тогда, когда она будетъ наводнена войсками Франціи, когда вездѣ будутъ укрѣпленія, когда каждый шагъ будетъ намъ стоить потоковъ крови. Признаюсь, не желаю ему ни смерти, ни даже болѣзни, но дай Богъ, чтобъ онъ былъ отстраненъ отъ участія въ дѣлахъ Россіи, отъ возможности губить Россію и единовѣрныхъ нашихъ братій. Зачѣмъ государь Александръ Николаевичъ употребилъ его въ этихъ переговорахъ? Но все же онъ ему, кажется, полной воли не даетъ. Напечатано, что Нессельроде отвѣчалъ *catègoriquement*, что объ ограниченіи силы Россіи въ Черномъ морѣ и вопроса быть не можетъ (т. е. объ раззореніи Севастополя) и объ ограниченіи числа кораблей *въ случаѣ открытія свободнаго входа въ Черное море кораблямъ военнымъ всѣхъ націй*—это даже Австрія находитъ ignominie для Россіи, то есть потому вѣроятно, что это было бы невыгодно для Австріи, но, кажется, и самъ Нессельроде даетъ имъ знать, что другого рода ограниченіе владычества Россіи можно требовать, и по всему видно, что съ нашей стороны уже дано согласіе, чтобъ Англія и Франція строили крѣпости на другомъ берегу Чернаго моря и около Константинополя и имѣли бы сколько угодно кораблей, если на это согласится султанъ, но Англія на это не согласна потому, что это значило отдать владычество Франціи. Иванъ пишетъ, что предполагаемый пріѣздъ государя Александра Николаевича не состоится (его ждали на дняхъ въ Москву и къ Троицѣ съ братьями, возвращающимися въ Севастополь), по болѣзни матери его, которая *очень и очень больна*.—Въ Петербургѣ новаго ничего особеннаго нѣтъ, все еще ждутъ, но, кажется, все же будетъ полегче.

Наконецъ, въ газетахъ есть нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Грецію кончиною православнаго русскаго царя. Удивительно, нельзя было читать безъ восхищенія и умиленія, какъ, несмотря на ужасный гнетъ и почти завоеваніе, въ которомъ находится теперь этотъ несчастный народъ, онъ выразилъ свое сочувствіе и любовь къ Россіи и къ православному государю. При совершеніи панихиды по государѣ Николаѣ Павловичѣ народу было столько, что греческіе священники принуждены были совершать ее подъ открытымъ небомъ, и при провозглашеніи вѣчной памяти весь народъ повторялъ эти слова; въ домахъ были вывѣшены черные платки, всѣ носили черный крепъ. Рѣчь Иннокентія нашего при благословеніи знаменъ была переведена на греческій языкъ и напечатана въ Аѳинахъ, въ

двухъ журналахъ. Можно себѣ представить, какое она производила впечатлѣніе на грековъ, но зато пострадали журналисты! (Были преданы суду). О! когда-нибудь да дорого расплатятся англичане и французы за эти беззаконные, безчеловѣчные, разбойническіе поступки! — Боже мой, когда же наступитъ день освобожденія для этихъ несчастныхъ народовъ, но видно, что и всѣ мы согрѣшили, что не допускаетъ господъ совершить намъ этотъ подвигъ! — Каковъ нашъ Иннокентій, да поможетъ ему Богъ въ его дѣйствіяхъ! А Филаретъ, какъ скупецъ, сидитъ надъ своимъ сокровищемъ, и ни самъ не пользуется, ни другимъ не даетъ. Какой плодъ отъ его ума, отъ его необыкновенныхъ даровъ,—только душитъ все живое, и въ себѣ заморилъ! Какъ, ни одного слова сочувствія или одобренія или утѣшенія или укора не сказать во все это время при такихъ страшныхъ великихъ событіяхъ, которыя и самыхъ пустыхъ людей заставляютъ содрогнуться и познавать великую волю Божію, совершающуюся ясно предъ всѣми! Недавно читали мы его проповѣдь, говоренную на день св. Алексія митрополита; онъ коснулся обычаевъ и преданія о вредѣ моды и въ томъ числѣ упомянулъ объ употребленіи табака, какъ худороднаго зелія, дошелъ было до зла подражанія иностранцамъ, которые такъ дѣйствуютъ теперь нехристіански, и тутъ, какъ будто испугался, внезапно прекратилъ рѣчь.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана ода на восшествіе на престолъ Александра Николаевича—М. А. Дмитріева. Видно, какъ онъ искренно обрадовался новому царствованію, какъ возродились въ немъ надежды. Несмотря на торжественныя и сильныя выраженія сочувствія, впрочемъ совершенно приличныя одѣ, она поражаетъ своею смѣлостью, потому что такое намѣренное умолчаніе о Николаѣ Павловичѣ въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ, кажется, хоть изъ приличія нельзя было не упомянуть о немъ, бросается всѣмъ въ глаза. И это должно огорчить государя Александра Николаевича, хотя ода не можетъ ему не быть пріятна. Даже всѣ совѣты автора оды новому государю служатъ какъ бы косвенно укоромъ прежнему государю [1].

Недавно были напечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ прежніе прекрасные стихи Жуковскаго на день рожденія въ

---

[1] За эту оду М. А. Дмитріеву было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Москвѣ нынѣ царствующаго государя, въ нихъ много высказано свободы мысли и желаній прекрасныхъ. „Обманетъ-ли сіе знаменованіе?“—можемъ всѣ повторять. Еще ничего, ничего нельзя сказать утвердительнаго теперь.—Всѣхъ смущаетъ возрастающее значеніе Ростовцева, его называютъ Мазарини. Иванъ самъ пишетъ, что ополченію предназначается вовсе не блистательное поприще, по крайней мѣрѣ, на первый разъ: оно будетъ раздѣлено по дивизіямъ армейскихъ полковъ и будетъ такимъ образомъ составлять чернорабочій баталіонъ при войскахъ.

Въ субботу получили мы еще письмо отъ Ивана: извѣстій никакихъ изъ Севастополя. Странно, какъ послѣ такой депеши не посылать каждый день депешу о ходѣ дѣла, каково быть въ неизвѣстности. Что-то тамъ дѣлается, Боже мой, что уже сдѣлалось можетъ быть! [1].

Иванъ старается объяснить и оправдать свое вступленіе въ ополченіе, потому что, конечно, оно болѣе похоже на наборъ, нежели на вольное ополченіе, и особенно при переговорахъ о мирѣ, и потому не могло возбудить сочувствія. Онъ надѣлъ мундиръ, былъ въ немъ на вечерѣ и привелъ „въ зависть и восторгъ всѣхъ“, какъ онъ самъ пишетъ. Хомяковъ, странно, всѣхъ посылаетъ въ ополченіе и сердится на Самарина и Елагина, что не пошли. Получивши письмо Ивана, Константинъ, который и прежде собирался въ Москву въ этотъ день, тотчасъ-же и поѣхалъ.

Сегодня, т. е. *воскресенье 10 апрѣля*, получили много писемъ съ почты и „Московскія Вѣдомости“, а иностранныхъ журналовъ нѣтъ. Досадно! „Московскихъ Вѣдомостей“ лучше было-бы и не читать, до такой степени онѣ пусты, напечатано только о кафтанахъ, полукафтанахъ и вицеполукафтанахъ, данныхъ всѣмъ войскамъ. Самыя интересныя письма отъ Ивана, Плетнева и Попова. Иванъ опять пишетъ, что извѣстій никакихъ, кромѣ того, что въ пятницу проѣхалъ курьеромъ флигель-адьютантъ (это, вѣроятно, только подробности о началѣ бомбардировки, о чемъ было сообщено только вкратцѣ по телеграфу). Иванъ наконецъ утвержденъ и представлялся Ермолову, который его принялъ прелюбезно (впрочемъ, онъ всѣхъ такъ принимаетъ).

Иванъ нашелъ его бодрымъ и свѣжимъ и душой и тѣломъ,

---

[1] Письма Ивана Сергѣевича за время ополченія въ изданіи „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“ ч. 1. т. 3.

но язвительные сарказмы такъ и сыпались въ его рѣчи. Иванъ думаетъ, что 30-лѣтнее дѣйствіе такъ укоренило въ немъ это настроеніе, что никакія обстоятельства его не измѣнятъ,—это такъ, но между тѣмъ мнѣ кажется, судя по слухамъ, онъ воротился изъ Петербурга, въ другомъ расположеніи духа, былъ доволенъ и чего-то надѣялся. Вслѣдъ за тѣмъ была бумага, объявляющая отъ министра, что впослѣдствіи государь предоставляетъ себѣ назначить ему, т. е. Ермолову, болѣе важное мѣсто и, какъ до сихъ поръ ничего не воспослѣдовало, то Ермоловъ имѣетъ полное право думать, что продолжается все та же прежняя оскорбительная комедія, въ которой такъ учтиво употребляютъ всѣ усилія, чтобъ парализировать его дѣятельность втихомолку, не явно, осыпая въ то же время любезностями. По крайней мѣрѣ, его слова не могли бы быть сказаны Ивану, если бъ Ермоловъ сохранялъ какую-нибудь надежду на другое съ нимъ обращеніе. Вотъ эти слова онъ сказалъ Ивану, что зналъ его желаніе занять при немъ какое-нибудь мѣсто, но что въ ополченіи нечего дѣлать, а что можетъ быть ему, т. е. Ивану, удастся перейти въ армію. Иванъ сказалъ, что будетъ тогда просить его содѣйствія *«Моего, помилуйте, мои просьбы всегда приносятъ только вредъ, и я счастливъ, когда еще отказываютъ учтиво»*. Если бъ онъ вѣрилъ искренности желанія государя употребить его въ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, уваженію къ себѣ, онъ не могъ бы этого сказать.

Ермоловъ вообще выражался съ порядочнымъ презрѣніемъ объ ополченіи. Ивановы товарищи—какіе-то бывшіе полицейскіе чиновники и тому подобные, и такого рода, что начальникъ его дружины гр. Толстой просилъ Ивана взять на себя казначейскую часть, потому что другимъ *и довѣрить нельзя*. Никто изъ порядочныхъ людей не хотѣлъ идти въ московское ополченіе. Такъ ли оно призывалось, съ тѣмъ ли намѣреніемъ и при тѣхъ ли обстоятельствахъ было сдѣлано, чтобъ возбудить сочувствіе? Конечно, нѣтъ. Все это было устроено при Николаѣ Павловичѣ и совершенно согласно съ его системой. Во-первыхъ, воззваніе было сдѣлано такъ двусмысленно съ надеждами на миръ, при такихъ унизительныхъ уступкахъ; во-вторыхъ, самому ополченію старались придать самый казенный характеръ, боясь оставить за нимъ всякое живое народное значеніе; не назвали его земскимъ войскомъ, какъ прежде, а государственнымъ ополченіемъ, не призывали на ополченіе, *а повелѣвалось* составить такое-то; дружины назвать не по городамъ, а по номерамъ, не стоять вмѣстѣ, а

раздѣлить ихъ по войскамъ и т. д. Одушевленіе было убито, и это пародированіе всего этого устройства, повидимому, свободнаго, показалось какимъ-то ругательствомъ. Къ тому же не знали, зачѣмъ собирать, когда ищутъ мира при такихъ унизительныхъ условіяхъ: приходилось, стало быть, сражаться за эти самыя условія, а то, можетъ быть, еще Австрію пошлютъ защищать и т. п. Такія мысли приходили всѣмъ, и потому всякій отдѣлывался отъ ополченія, какъ кто могъ, и надобно было допустить совершенную дрянь; но въ другихъ нѣкоторыхъ губерніяхъ приняли какъ-то простодушно, повѣривши одному слову: „ополченіе"; вспомнили прежнее въ 1812 году, и самые лучшіе люди поспѣшили стать въ ряды его. Такъ, въ Костромѣ, Ѳед. Ив. Васьковъ, прекрасный человѣкъ лѣтъ 60-ти, болѣзненный даже, былъ выбранъ въ начальники костромского ополченія и пошелъ съ четырьмя сыновьями.

Плетневъ пишетъ задушевное дружеское письмо къ отесенькѣ и благодаритъ за книжку, между тѣмъ говоритъ, что надобно надѣяться, что придирки цензора скоро будутъ уменьшены и совсѣмъ прекратятся. Приглашаетъ братьевъ къ дѣятельности.—Поповъ отвѣчаетъ Константину, разспрашиваетъ его о занятіяхъ, о томъ, на чемъ остановилась его мысль, чего надѣется, чего ожидаетъ, и т. д. Видимо вызываетъ его на письма, т. е. письма политическія, какія Константинъ часто писалъ къ Оболенскому, тогда какъ до сихъ поръ не выказывалъ этого желанія.—Иванъ сообщаетъ также слухи о томъ, что государь Александръ Николаевичъ желаетъ дать камергерамъ и камеръ-юнкерамъ вмѣсто мундировъ какіе-то народные кафтаны, и даже говоритъ, будто они будутъ переименованы въ стольниковъ и ключниковъ, но теперь отложено на время: конечно, не до того—въ настоящую минуту. Между тѣмъ въ петербургскомъ обществѣ толкуютъ уже о сарафанахъ. Говорятъ, будто бы государь сказалъ: „пусть всякій одѣвается, какъ хочетъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ"! Хорошо, если бъ это было правда!—Но вообще вездѣ царствуетъ какое-то недоумѣніе, неизвѣстность, что будетъ и чего именно хочетъ правительство. Всѣ чувствуютъ, что дѣлается какъ-то легче и въ отношеніи платья и въ отношеніи духа. Тютчевъ Ѳ. И. прекрасно назвалъ настоящее время *оттепелью*. Именно такъ. Но что послѣдуетъ за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лѣто, но если эта оттепель временная, и потомъ опять все закуетъ морозъ, то еще тяжелѣе покажется.—Всѣ слухи говорятъ, что война.

Ермоловъ тоже сказалъ при Иванѣ. Николай Тимофеевичъ пишетъ, что онъ представлялся новому государю (какъ губернскій предводитель съ депутаціей изъ Симбирска), который ихъ очень обласкалъ, благодарилъ нѣсколько разъ за пожертвованія и сказалъ, что вѣроятно потребуются еще новыя и что онъ надѣется, что дворянство ему поможетъ; вотъ эти свѣдѣнія вѣрныя, и видно, что государь не сомнѣвался въ войнѣ ни на минуту. Иванъ пишетъ, что *статья о глаголахъ* Константина послѣ *двухгодичнаго* цензурованья выпущена наконецъ... Какова цензура!

Отесенькина книжка идетъ прекрасно и находитъ общее сочувствіе. Какъ жаль, что отесенька напечаталъ ее всего 800 экземпляровъ, несмотря на наши убѣжденія напечатать полный заводъ!

11 апрѣля. Сегодня опять тепло, весенній день. Вѣстей сегодня никакихъ, да и не могло быть. Занимаемся каждый своимъ дѣломъ, а между тѣмъ душа томится неизвѣстностью и ожиданіемъ, что-то дѣлается въ Севастополѣ, да помилуетъ Господь нашихъ. Что-то узнаемъ завтра? Или Константинъ пріѣдетъ или письма должны быть!

12 апрѣля. По утру было письмецо отъ Константина; онъ самъ будетъ вѣроятно завтра. Иванъ уѣхалъ къ своей дружинѣ въ Серпуховъ.—Наконецъ, получена депеша отъ 3 апр.: бомбардированіе все продолжалось, послѣ того было извѣстіе, что оно слабѣе.—Какой ужасъ!—уже недѣлю продолжается это истребленіе людей! Скорбь душевная всѣми овладѣла.

Константинъ сверхъ нашего ожиданія пріѣхалъ вечеромъ, слава Богу, благополучно. Но нерадостныя извѣстія привезъ онъ намъ; получена депеша телеграфическая отъ 7 апрѣля; страшное бомбардированіе продолжается безпрерывно,—напечатаны нѣкоторыя подробности о первыхъ дняхъ, много потерь съ обѣихъ сторонъ; Боже мой! чѣмъ это все кончится. Это борьба на смерть; французы не отойдутъ теперь отъ Севастополя, изъ одной чести, они скорѣе всѣ лягутъ, нежели откажутся отъ своего предпріятія. Они хотятъ, во чтобы то ни стало, разрушить Севастополь. Ихъ планъ бомбардировать до тѣхъ поръ, пока не заставятъ молчать русскихъ, а потомъ атаковать. У насъ, говорятъ, снарядовъ много, и подбитыя пушки вновь замѣняются другими (а мы у нихъ подбили 50 пушекъ). Что же это будетъ, одно истребленіе! Боже мой, за грѣхи людскіе посылаются имъ эти бѣдствія!—Стоимъ ли мы того, чтобъ Ты за насъ заступился;

праведенъ гнѣвъ Твой, но очисти и помилуй насъ.—Господи, возбуди въ насъ всѣхъ покаяніе!

Вотъ теперь время общественному покаянію, молитвы. О, если бъ мы покаялись, какъ Ниневія! сердце сокрушается при мысли, что происходитъ теперь въ Севастополѣ и что еще будетъ. Всѣмъ бы надобно было единодушно стоять на молитвѣ непрестанно и молить о пощадѣ; должно было бы объявить постъ и покаяніе.

Другихъ извѣстій важныхъ никакихъ нѣтъ.

Въ государственномъ совѣтѣ, собранномъ по случаю конференціи, Блудовъ говорилъ прекрасно, совершенно въ воинственномъ духѣ, а Долгорукій, военный министръ, совѣтовалъ принять миръ со всѣми уступками. Нессельроде же сказалъ будто, что болѣе уступокъ дѣлать нельзя; но это, конечно, или потому, что дальнѣйшія уступки съ нашей стороны будутъ вредны для Австріи, или же потому, что знаетъ, что государь Александръ Николаевичъ не хочетъ и согласиться на дальнѣйшія уступки: такъ, вѣроятно, Нессельроде сказалъ это для того, чтобъ выиграть въ глазахъ государя и получить его довѣріе и между тѣмъ разными невидными происками достигать своей цѣли. Славянъ уже онъ продалъ окончательно: по крайней мѣрѣ, это видно изъ журналовъ иностранныхъ.

Въ одномъ изъ журналовъ Francfort перепечатана статья изъ Constitutionnel, въ которой три мѣста вытерты, но явно, что говорится объ уступкахъ, сдѣланныхъ Россіей въ 4 пунктѣ, т. е. о покровительствѣ православныхъ. Россія отказалась окончательно отъ всѣхъ правъ своихъ на покровительство несчастныхъ православныхъ, приняла весь пунктъ съ истолкованіемъ. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта статья совпадаетъ совершенно и во взглядахъ и даже въ выраженіяхъ съ одной статьей, должно быть Нессельроде напечатанной въ Journal de Francfort, присланной изъ Петербурга. Нессельроде указываетъ Европѣ, какъ надобно дѣйствовать, чтобъ парализировать силу и вліяніе Россіи; да и всѣ ноты его писаны въ этомъ смыслѣ.

Говорятъ, государь Александръ Николаевичъ все носитъ генералъ-адьютантскій мундиръ, живетъ въ прежнихъ своихъ комнатахъ и еще не нарушаетъ прежняго порядка.—Блудовъ сдѣланъ президентомъ государственнаго совѣта. Это хорошо потому особенно, что это послѣдовало послѣ того, какъ онъ говорилъ такую воинственную рѣчь. Всѣ говорятъ о перемѣнѣ платья, что

это теперь только отложено на время. Замѣчательно, что уже начинаетъ возникать кой-гдѣ недовольство новымъ царствованіемъ, хотя совершенно не важное и въ самомъ пустомъ кругу или въ людяхъ, принадлежащихъ къ партіи великаго князя Константина Николаевича.

Въ четвергъ, 15 апрѣля, получили мы „Московскія Вѣдомости", въ которыхъ напечатаны подробности о первыхъ дняхъ бомбардированія и депеша телеграфическая отъ 3 апрѣля съ извѣстіемъ, что бомбардированіе продолжается съ тою же силою. Самые лучшіе начальники и офицеры убиты. Ужасно, сколько еще погибнетъ!

Сегодня (пятница) еще извѣстія подробныя (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ") о послѣдующихъ дняхъ бомбардированія до 3-го числа, и депеша телеграфическая отъ 7-го.

Бомбардированіе все продолжается хотя нѣсколько слабѣе послѣдніе дни, но страшно вообразить себѣ непрерывную и днемъ и ночью эту ужасную канонаду. Боже мой, чѣмъ это все кончится! Если непріятель и принужденъ будетъ прекратить ее, то за этимъ послѣдуетъ непремѣнное сраженіе въ полѣ, они хотятъ броситься на нашу армію, потому что атаку Севастополя считаютъ совершенно невозможною. Они опять нѣсколько разъ пробовали отнимать у насъ наши ложементы, которые ближе къ ихъ траншеямъ, нежели къ намъ, но всякій разъ были отбиты послѣ отчаяннаго боя. Но что стоятъ всѣ эти схватки, сколько отличныхъ офицеровъ погибло у насъ, сколько солдатъ! Наши сбили у непріятеля нѣсколько пушекъ, но они выстроили еще двѣ батареи, и мы не перестаемъ вести наши работы, укрѣплять мины. Что за ужасы! Сердце содрогается о томъ, что теперь тамъ совершается и что совершилось уже, можетъ быть, въ настоящую минуту. Ужаснѣе всего то, что не видишь другого конца этой борьбы, какъ истребленіе другъ друга. Осада и защита Севастополя неслыханная доселѣ, по ихъ собственному признанію, только раздражаетъ и подстрекаетъ ихъ самолюбіе. Трудно надѣяться, чтобъ они послѣ неудачной попытки разрушить Севастополь оставили бы Крымъ, и только неудачей оскорбленное самолюбіе будетъ причиной такого ужаснаго кровопролитія. Конечно, непріятель потерялъ не менѣе нашего. Всѣ поврежденія, наносимыя Севастополю, исправляются быстро, и люди работаютъ безъ устали и сохраняютъ удивительную бодрость и даже веселость духа, такъ что князь Горчаковъ пишетъ: „нельзя не гордиться именемъ русскаго". Да поможетъ имъ Богъ!

Сегодня получила отъ Машеньки Карташевской письмо, которое насъ очень обрадовало и успокоило на ихъ счетъ. Они получили письмо и даже два отъ Коли: слава Богу, онъ не только живъ и здоровъ, но даже долженъ оставить Севастополь и ѣхать въ Керчь, гдѣ онъ назначается исправляющимъ должность начальника артиллеріи восточнаго края Крыма. Вѣроятно, боятся нападенія съ этой стороны. Слава Богу, тетенька теперь можетъ быть покойнѣе и, вѣроятно, скоро соберется къ намъ. Машенька пишетъ также, что переговоры на конференціи совершенно расклеиваются, что требованія враговъ нашихъ дошли до безумія, и прибавляетъ, что хорошо, если бъ возвратить и сдѣланныя имъ уступки въ наказаніе. Это, вѣрно, общая мысль въ Петербургѣ. Дай Богъ!

Сегодня въ нашихъ газетахъ есть еще чрезвычайно пріятное извѣстіе о возвращеніи нашихъ плѣнницъ княгини Чавчавадзе и сестеръ ея княгинь Орбеліани съ ихъ дѣтьми. Шамиль выдалъ ихъ въ обмѣнъ сына своего и 40 тысячъ серебромъ. Сынъ его былъ захваченъ нами и воспитанъ въ корпусѣ, теперь онъ служилъ въ нашей службѣ. Говорятъ, его смутила въ первую минуту мысль объ возвратѣ его въ дикую свою родину, однако жъ онъ самъ пожелалъ, но былъ глубоко оскорбленъ, когда отецъ его, согласившись возвратить плѣнницъ за эти условія, вдругъ отказался отъ своего обѣщанія и потребовалъ милліонъ денегъ и 250 плѣнныхъ. Молодой Шамиль, котораго очень хвалятъ, написалъ ему письмо, въ которомъ объяснилъ, что отецъ его этимъ унижаетъ его въ глазахъ русскихъ; отецъ согласился, и вотъ совершился обмѣнъ, чрезвычайно любопытный. Какая радость, какое счастье должны были испытывать наши плѣнницы и ихъ близкіе, и какія смутныя, противорѣчащія чувства долженъ былъ испытывать молодой Шамиль, переходя изъ образованнаго міра въ полудикую горную жизнь своего народа. Кто знаетъ, можетъ быть, великія судьбы совершились въ этомъ событіи, и этотъ молодой человѣкъ, который у насъ прошелъ бы жизнь свою на ряду со всѣми другими, теперь тамъ будетъ имѣть вліяніе на народъ свой и на наши отношенія съ нимъ!

18 апрѣля. Вчера получили одно только письмо, отъ Кулиша, очень умное и замѣчательное: онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Москвою, (онъ тамъ встрѣчалъ Святую), о томъ, что элементъ общерусскій начинаетъ тѣсниться въ его хохлацкую душу и что онъ много благодаренъ Константину. Но

въ то же время письмо его сообщаетъ вовсе не радостныя вѣсти о Петербургѣ. Онъ вполнѣ разочаровался въ своихъ надеждахъ, онъ убѣдился, что ожидать ничего нельзя, не только въ настоящую минуту, но и въ будущемъ, и потому онъ немедленно уѣзжаетъ на свой хуторъ, куда онъ даже не думалъ возвращаться. По почтѣ онъ не могъ написать подробнѣе, въ чемъ дѣло, но, по крайней мѣрѣ, его личныя надежды на какую-нибудь дѣятельность разлетѣлись, и вотъ еще человѣкъ, обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ новаго царствованія; но мы еще не допускаемъ себя придаться полному разочарованію, все еще выжидаемъ. Настоящая минута такъ полна всякаго недоумѣнія, неизвѣстности, нерѣшительности въ политическихъ дѣлахъ, что трудно предпринимать какія-нибудь важныя преобразованія. Теперь не до внутренняго устройства и перемѣнъ. Конечно, государь могъ бы рѣшительнѣе дѣйствовать и въ политическихъ дѣлахъ, но онъ, съ одной стороны уже связалъ себя, подтвердивши 4 пункта принятыхъ законнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, съ другой стороны Нессельроде, разумѣется, запутываетъ положеніе, сколько можетъ.—Къ тому же, вѣроятно, Пруссія также намъ держитъ руки именно своей дружбой, ради которой и эти 4 пункта приняты, а также государыня Александра Ѳеодоровна, конечно, не допуститъ никакого разрыва съ Пруссіей, она и на тронѣ русскомъ осталась такой же пруссачкой,—ей даже сказали въ предполагаемомъ адресѣ изъ Берлина что-то въ родѣ этого. Вотъ уже два раза пишутъ въ англійскихъ газетахъ, что прусскій король проситъ нашего государя прислать Нессельроде для заключенія мира, если онъ возможенъ, и уговариваетъ государя согласиться съ западными державами, потому что въ противномъ случаѣ вся Германія приступитъ къ союзу съ Австріей и тогда Пруссія будетъ находиться въ крайне затруднитильномъ положеніи.

Каково! Если государь Александръ Николаевичъ и не согласится въ первую минуту, то достаточно будетъ слезъ матери, чтобъ его склонить, а тутъ же и Нессельроде съ своими мошенническими доводами, убѣжденіями и напоминовеніями о волѣ его отца и т. д. Насъ до сихъ поръ еще спасаютъ сами наши враги, они не умѣютъ остановиться на томъ позорѣ для Россіи, котораго уже достигли требованія ихъ, и теперь на конференціяхъ доходятъ, говорятъ, до безумія, и до сихъ поръ Провидѣніе спасаетъ насъ ихъ же собственнымъ ослѣпленіемъ, но мы на краю пропасти. Въ конференціяхъ царствуетъ и до сей поры

та же неизвѣстность, та же запутанность, и чѣмъ болѣе хотятъ они упростить вопросъ, тѣмъ болѣе они усложняютъ его.—Мы боимся, что Нессельроде поѣдетъ въ Вѣну... Тогда бѣда!—Россія пропала, онъ во что-бы то ни стало заключитъ миръ; что за странное положеніе! Въ Севастополѣ дерутся отчаянно, истребляютъ другъ друга, въ Вѣнѣ идутъ переговоры объ мирѣ, за что же дерутся, зачѣмъ же проливается кровь, и затѣмъ ли, чтобъ потомъ опять принять 4 постыдныхъ пункта, уже принятыхъ, или затѣмъ, чтобъ уступить и самый Севастополь, который самъ врагъ не съумѣлъ разрушить!—Странное время. Отесенька справедливо говоритъ: сколько разъ во все продолженіе этихъ обстоятельствъ, полныхъ недоумѣнія и неизвѣстности, намъ казалось, что вотъ наконецъ достигаемъ мы рѣшительной минуты, когда чѣмъ-нибудь да долженъ быть рѣшенъ вопросъ; казалось, всѣ истощены препятствія къ тому, все запутанное, наконецъ, разъясняется, будетъ же какой-нибудь конецъ, и въ эту самую минуту поднимаются нежданныя, невообразимыя затрудненія, возникаютъ совершенно новыя обстоятельства, вопросъ усложняется вдвое и опять все тянется, тянется и, наконецъ, снова какъ будто достигаетъ конца и снова возрождается и запутывается. Кто-то очень хорошо сказалъ, что восточный вопросъ совершенно напоминаетъ пенелопину ткань; это сравненіе какъ нельзя больше вѣрно, но только тамъ дѣло шло о ниткахъ или шелкахъ, а здѣсь гибнутъ также напрасно живые люди.—

Невыносимое состояніе томленія и ожиданія. Справедливо и Иванъ сказалъ, что этотъ громадный вопросъ еще не выработался вполнѣ, что теперешнія явленія и событія—только его усилія выйти наружу: онъ только зашевелился, и заколебалось все и пыль поднялась кругомъ. Да точно, этотъ великій вопросъ долженъ прежде выработаться и въ умахъ всѣхъ многое должно обличиться, многое призовется къ отвѣту, сколько вмѣстѣ съ нимъ подымется самыхъ глубокихъ жизненныхъ народныхъ вопросовъ и задачъ! Вотъ уже Англія потряслась въ своихъ основныхъ началахъ, на которыхъ до сихъ поръ держалась вся ея сила, все ея внѣшнее могущество и слава. Гордая Англія унижена и сама это говоритъ, она расшаталась по собственному признанію, и вопросы, поднятые ею, не улягутся безъ разрѣшенія. Достаточно ли въ ней внутренней силы, чтобы перенести этотъ кризисъ, кто рѣшитъ? Наше время смирило человѣческую самонадѣянность и заставило признать искренно неисповѣдимые

и правосудные пути Провидѣнія.—Кто могъ ожидать, чтобъ Англія такъ упала въ глазахъ всѣхъ? что будетъ съ Франціей, какой она намъ представитъ примѣръ, еще труднѣе рѣшить? Силенъ и тяжелъ лежитъ на ней гнетъ произвола, долго ли она будетъ ему покоряться, куда онъ поведетъ ее, не обольститъ-ли ее блескъ внѣшней славы, купленной дорогой цѣной внутренней свободы духа и жизни или (если, какъ говоритъ Константинъ, справедливо, что западные народы не понимаютъ истинной свободы духа), по крайней мѣрѣ, цѣной соблазнительнаго произвола, къ которому французы такъ привыкли, но какъ скоро они привыкли и къ рабству, какъ скоро выучились его пріемамъ, какъ блистательно подличаютъ, пресмыкаются передъ своимъ властителемъ, какъ скоро и непрекословно отказались отъ всего, что имъ было, казалось, такъ дорого! Замѣчательна рѣчь Гизо въ этомъ отношеніи: съ какой глубокой грустью сознаетъ онъ это въ своемъ народѣ, онъ взываетъ всѣхъ къ самосознанію, къ внутреннему покаянію.

Какой тяжелый, строгій урокъ представляетъ Франція въ настоящую минуту; разными путями наказуется и тутъ гордость и самонадѣянность національная. Но какой особенный, необыкновенный человѣкъ, который служитъ орудіемъ для смиренія и такимъ образомъ! Онъ—не геній, не герой, онъ не возбуждаетъ энтузіазма, въ немъ нѣтъ ничего увлекательнаго, но какая-то страшная внутренняя сила, которая подавляетъ и заставляетъ покоряться. Сила разсудка, молчаливой воли, настойчивости, сила практичности, совершенно современная и потому такъ успѣшно дѣйствующая, и не только во Франціи, но и во всѣхъ западныхъ государствахъ. Безъ завоеваній, безъ побѣдъ онъ умѣлъ ихъ завоевать нравственно, наложить на нихъ свой гнетъ, сдѣлать ихъ зависимыми отъ себя; поставилъ ихъ всѣхъ въ такія запутанныя и затруднительныя отношенія, что они безъ него изъ нихъ выпутаться не могутъ; держитъ ихъ всѣхъ въ безпрестанномъ страхѣ за свою безопасность, въ недоумѣніи на счетъ его плановъ; его ждутъ въ одно и то же время при трехъ или четырехъ дворахъ, толкуютъ, разсуждаютъ о значеніи его пріѣзда, вездѣ готовятъ дворцы, пріемы для него, а онъ только забавляется этимъ хлопотливымъ шумомъ около себя. Наконецъ, послѣ многихъ вѣрныхъ и невѣрныхъ извѣстій его поѣздка въ Лондонъ объявлена и въ Англіи, странѣ свободной, независимой, въ гордой Англіи поднялась такая сума-

тоха по поводу ожиданія его пріѣзда... Кого же? Деспота, смирившаго свободный народъ, племянника того Наполеона, котораго она столько ненавидѣла. Даже противно читать эти рѣчи, встрѣчаемыя съ энтузіазмомъ, по поводу приготовленій къ пріему grand empereur и его illustre épouse, въ которой нашли даже капли крови шотландской, потому что сестра ея замужемъ за герцогомъ Албани, который производитъ себя отъ шотландцевъ. Что за униженныя выраженія, что за подлая лесть. И это—независимая Англія! Написанъ цѣлый почти церемоніалъ его пріема, приготовленія, arcs de triomphe, адреса и т. д. Трудно повѣрить! Одинъ Хомяковъ въ своихъ пророческихъ стихахъ предсказалъ паденіе Англіи [1].

Вчера, т. е. въ воскресенье, маменька поѣхала въ 11 часовъ утра въ Москву съ Надей, Любой и Машенькой. Съ дороги и отъ Рахманова мы имѣли извѣстіе, что они доѣхали благополучно, дороги не такъ дурны, какъ ожидали; они встрѣтили образа, которые несли изъ Городка въ Репьевку съ пѣніемъ Христосъ Воскресе.

У насъ обѣдала попадья, — уѣхала часовъ въ 7.

Вторникъ 19 апрѣля. Мы получили съ почты письмецо отъ одной Любиньки, маменьки съ сестрами не было въ то время дома. Онѣ пріѣхали въ Москву поздно и, кажется, не очень довольны своей квартирой. Извѣстія изъ Севастополя до 10-го,— что бомбардированіе продолжается хотя и слабѣе; непріятелю удалось взорвать мину и соединить воронки передъ 4-мъ бастіономъ, говорятъ, это для насъ опасно. — Вѣнскія конференціи все въ томъ же положеніи, но мира не ждутъ. Получили также мы Journal de Francfort одинъ номеръ. Въ немъ тоже ничего новаго, кромѣ того, что наконецъ получены инструкціи изъ Петербурга. Говорятъ, что Россія отказалась ограничить свое могущество въ Черномъ морѣ. Наполеонъ отправился въ Англію; оттуда воротясь, онъ вскорѣ собирается въ Вѣну и вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ, намѣревается напасть на южныя губерніи Россіи, — а у насъ именно теперь нѣтъ тамъ войскъ: главнокомандующій кн. Горчаковъ стянулъ всѣ войска къ Крыму. Это уже не въ первый разъ случается, что именно у насъ

---

[1] Всѣ эти разсказы о Западѣ, занимающіе такъ много мѣста, чрезвычайно характерны для славянофильства и вскрываютъ ту почву, на которой выростали славянофильскія представленія объ исключительной роли Россіи.

нѣтъ тамъ войскъ, гдѣ надобно, и въ ту самую минуту, когда надобно.

Отесенька получилъ письмо отъ Дмитріева [1], который не можетъ скрыть своего удовольствія, что наступило другое царствованіе,—онъ искренно надѣется всего добраго отъ государя Александра Николаевича и вѣритъ пророчеству, которое было еще при Александрѣ о благоденствіи царствованія Александра Николаевича. Дай Богъ! Но что-то часто приходитъ сомнѣніе, уже смущеніе начинаетъ распространяться, и многіе уже совершенно отказались отъ своихъ надеждъ.

Гиляровъ пріѣхалъ въ то время, какъ мы сидѣли за завтракомъ, мы вовсе его не ждали, тѣмъ болѣе, что только что получена была отъ него записка. Гиляровъ — какъ и всегда, съ унылымъ, недовольнымъ, разстроеннымъ лицомъ. Впрочемъ ничего особенно непріятнаго не случилось, но это его почти постоянное состояніе духа; и это очень жаль, это ему много вредитъ въ сношеніяхъ съ людьми, а человѣкъ замѣчательно умный, ученый и даровитый.— У Троицы извѣстій особенно никакихъ, кромѣ того, что дано знать, что государь къ Троицѣ не будетъ; намѣстникъ вслѣдствіе этого предлагалъ Филарету послать икону преподобнаго Сергія, какъ знакъ его благословенія, но Филаретъ не согласился; а между тѣмъ въ то же время посылается икона Успенія Божіей Матери отъ митрополита кіевскаго и принята очень хорошо. Нашъ Филаретъ опять ошибся въ расчетѣ и вѣрно внутренно недоволенъ. Онъ оказалъ себя во все это время до такой степени мелочнымъ, бездушнымъ, тщеславнымъ, недостойнымъ великаго своего сана. Гиляровъ намъ сообщалъ любопытныя свои разслѣдованія и открытія въ памятникахъ древняго церковнаго пѣнія, у него есть довольно вѣрное ухо, но мало ученаго знанія музыки, и это ему мѣшаетъ. Онъ предается съ увлеченіемъ вообще ученымъ изслѣдованіямъ, предметы его почти неразработанные, и онъ говоритъ, что конца не видитъ своей работѣ. Много разсказывалъ онъ намъ чрезвычайно любопытнаго о своемъ дѣтствѣ, юношествѣ, о томъ, черезъ какія темныя стороны жизни долженъ былъ онъ пройти: у него есть записки его жизни, которыя онъ давно уже обѣщаетъ прочесть намъ. Онѣ должны быть чрезвычайно любопытны во всѣхъ

[1] М. А. Дмитріевъ.

отношеніяхъ [1]. Разговоръ перешелъ какъ-то на то разнообразіе самолюбія въ каждомъ человѣкѣ, и что такое самолюбіе, и поскольку его есть у каждаго изъ нихъ, и какого рода. Вслѣдствіе того было высказано много откровеннаго другъ о другѣ. Константинъ сказалъ Гилярову откровенно и добродушно, что онъ, т. е. Гиляровъ, слишкомъ постоянно занятъ самимъ т. е. безпрестанно съ самимъ собой возится, въ себя самаго погруженъ, что это ему мѣшаетъ обращать вниманіе на другихъ, что Константинъ вообще замѣчалъ не разъ, что Гиляровъ не возбуждалъ расположенія къ себѣ, что онъ не привѣтливъ, не радушенъ, разумѣется не въ отношеніи насъ, но въ другихъ, какъ напримѣръ, Новаковичѣ. Гиляровъ сознался, что онъ самъ это нѣсколько разъ замѣчалъ, что его большею частью не любятъ, и даже тѣ люди, которыхъ онъ одолжаетъ, что онъ самъ видитъ, какъ ихъ стѣсняетъ своимъ присутствіемъ. Лекціи его слушаются съ интересомъ, но его личность мало выигрываетъ отъ этого. Это правда, что постоянное унылое состояніе духа, что называется aigri, полное горечи и недовольства, заставляетъ его смотрѣть и на людей съ недовѣріемъ, досадой и презрѣніемъ, или пренебреженіемъ. Константинъ говорилъ ему, что часто брань оскорбляетъ гораздо менѣе, нежели деликатное замѣчаніе. Гиляровъ большею частью соглашался со всѣмъ, но приписываетъ много своей разсѣянности, погруженности въ свои занятія и говоритъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобъ умѣть быть привѣтливымъ. Константинъ возразилъ ему на то: не умѣть быть привѣтливымъ, но надобно въ душѣ быть такимъ и т. д. — Гиляровъ разспрашивалъ отесеньку о впечатлѣніи, сдѣланномъ имъ въ первый разъ, и очень удивлялся, что оно было выгодно. Гиляровъ уѣхалъ часовъ въ 10. —

Часовъ въ 11 пріѣхалъ изъ Москвы отъ маменьки посланный, котораго мы ожидали только на другой день. Маменька пишетъ большое письмо. Вѣсти изъ Севастополя отъ 14 все тѣ же-все продолжается бомбардировка, хотя слабѣе; французы дѣйствуютъ съ удивительной энергіей! Все вниманіе сосредоточено на Вѣнѣ; конференціи совсѣмъ было разошлись, но измѣнникъ Титовъ началъ опять подличать, а въ Петербургѣ Мейендорфъ (зять Буоля), говорятъ, болѣе Нессельроде хлопочетъ; но это штуки Нессельроде, только онъ вѣрно прячется за Мейендорфа;

[1] Эти записки изданы подъ заглавіемъ „Изъ пережитого“, М. 1887.

какъ бы то ни было, но чего можно ожидать, когда у насъ управляютъ министерствомъ агенты австрійскихъ министровъ! Австрія, говорятъ, уклоняется отъ войны съ нами, которая ей очень невыгодна,—это хуже всего.—Ея нейтралитетъ парализируетъ всѣ наши военныя дѣйствія, и къ тому же мы его купимъ дорогою цѣною, такими уступками, о которыхъ даже не сочтутъ нужнымъ намъ сообщить. Говорятъ, графу Орлову нечего дѣлать, что полиція тайная будетъ понемногу уничтожена. Бибикова государь не принимаетъ, тотъ написалъ такой отчетъ по одному важному дѣлу, что государь написалъ *не понимаю*. Бибиковъ составляетъ послѣ того огромное истолкованіе. Кажется, никакихъ рѣшительныхъ дѣйствительныхъ мѣръ и преобразованій нельзя ожидать отъ Александра Николаевича. Онъ очень добръ, искренно благонамѣренъ, но у него не достанетъ нравственной силы для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. Что-то будетъ? Господь да помилуетъ Россію. Что-то теперь въ Севастополѣ! Льется драгоцѣнная кровь нашихъ храбрыхъ защитниковъ и льется даромъ, безплодно и даже не возбуждая того сочувствія и состраданія, которое можно было бы ожидать.

Къ намъ пріѣзжалъ вечеромъ послѣ обѣда прикащикъ фарфороваго завода Попова, проситъ отпустить къ нему повара на свадьбу его двоюродной сестры. Онъ сказывалъ, что въ народѣ большой восторгъ, особенно послѣ синодальнаго воззванія, что къ нему приходилъ крестьянинъ старикъ, отпустившій охотно сына за *святое дѣло*, какъ самъ крестьянинъ выразился. Гиляровъ сказывалъ, что у нихъ получены наставленія Филарета, какъ писать воинственныя рѣчи, и что эти наставленія совершенно даютъ другой смыслъ, нежели наставленіе Синода.

Священники говорятъ, что если бы они исполнили всѣ наставленія Синода, то весь народъ бы поднялся.

21 апрѣля. Получены „Московскія Вѣдомости", два номера Journal de Francfort и 9 писемъ. Письмо отъ маменьки изъ Москвы. Вѣстей политическихъ новыхъ никакихъ, отъ 14 апрѣля депеша изъ Севастополя сообщаетъ все то же, что продолжается слабое бомбардированіе. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" еще только напечатана депеша отъ 10-го числа. Въ иностранныхъ журналахъ также ничего особеннаго. Одинъ номеръ задержанъ, а эти почти всѣ наполнены описаніями торжественнаго пріема императора и французовъ. Восторги англичанъ доходятъ до подлости, до раболѣпства, какъ одинъ англійскій журналъ самъ выразился съ

горечью. И это Англія, и это англичане, какое-то безуміе и ослѣпленіе нашло на нихъ—они посрамились передъ всѣмъ свѣтомъ! И это свободная нація!.. Во дворцѣ комнату, называемую въ честь единственной почти побѣды англичанъ „*Ватерлоо*", въ которой были собраны портреты всѣхъ героевъ того времени, переименовали *навсегда* въ комнату портретовъ для того только, чтобы слухъ французскаго императора не былъ оскорбленъ славою Англіи. Право, невѣроятно! Куда же дѣлась національная честь, независимость? Англія хуже, нежели завоевана матеріально,—она завоевана нравственно, духъ народа униженъ, и передъ кѣмъ же раболѣпствуетъ великая нація? Передъ Наполеономъ! Какъ не сознаться, что онъ великій человѣкъ. Послѣ того эти завоеванія безъ грому и блеска, но значительнѣе и прочнѣе завоеваній его дяди. Наполеонъ управляетъ почти всѣми государствами Европы, какъ пѣшками, по своему произволу. Его намѣреніе и планы занять навсегда Константинополь и вообще Турцію, подъ видомъ необходимости постояннаго военнаго наблюденія и охраненія... Что-то изъ всего этого будетъ?—Всѣ противъ насъ, но хуже всего то, что мы сами противъ себя, т. е. наше правительство, наши министры иностранныхъ дѣлъ—самые злѣйшіе враги Россіи. — Вотъ въ чемъ видимъ мы гнѣвъ Божій на Россію, что Богъ допускаетъ такихъ людей управлять нами.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ рескриптъ Дубельту съ пожалованіемъ ему Владиміра 1-й степени. Это всѣхъ насъ горестно поразило.—Государь не можетъ не знать, что это за человѣкъ! Если бъ даже онъ хотѣлъ въ уваженіе отца своего наградить чѣмъ-нибудь Дубельта, то зачѣмъ же прибавилъ онъ и *о своемъ особенномъ* уваженіи къ нему? Чего тутъ ждать послѣ этого!—Кулишъ и Трушковскій приходили къ маменькѣ въ Москвѣ. Сочиненіе Гоголя наконецъ позволено, но такъ, чтобъ цензоръ подписалъ разрѣшеніе отъ себя.—Конференціи все длятся, но кажется, настанетъ и имъ конецъ скоро; что-то будетъ, всѣ истомились этимъ ожиданіемъ.—Отъ Ивана письмо изъ Серпухова онъ сдѣланъ квартирмейстеромъ и казначеемъ, дѣла пропасть самаго непріятнаго. Онъ, кажется, не разъ пожалѣетъ, что поспѣшилъ вступленіемъ. Хочетъ пріѣхать къ намъ, если можно будетъ. Пріемъ ратниковъ, говоритъ онъ, дѣлается, какъ и рекрутъ, и также неохотно идутъ. Офицеры ополченія еще не собрались, потому что многимъ не на что обмундироваться, а московское дворянство вовсе не было щедро въ своихъ пожер-

твованіяхъ.—У насъ отвезли ратника въ Дмитровъ, тамъ начальникъ князь Леонидъ Голицынъ, тутъ говорятъ, съ ними обходятся хорошо и мало учатъ.—

22 апрѣля, пятница.—Получили письмо отъ маменьки, или, вѣрнѣе, отъ Любы; и „Московскія Вѣдомости", и Люба пишетъ что вѣрнаго ничего нѣтъ. Т. сказывалъ, что конференціи длятся, что Австрія смущаетъ Францію, угрожая, что станетъ за Россію; другіе же говорятъ, что кн. Д. Оболенскій привезъ изъ Петербурга извѣстіе, что конференціи прерваны, что Австрія рѣшилась объявить намъ войну, а Пруссія за насъ. Насколько это правда, неизвѣстно.

. . . .

---

12 августа. Вотъ какъ давно не записывала я ничего! Но что совершилось въ эти три мѣсяца съ половиной, въ какомъ положеніи наши дѣла, оправдываетъ ли новое царствованіе возбужденныя надежды? Произошли ли ожидаемыя перемѣны? Увы, ни на что нельзя отвѣтить удовлетворительно: дѣла наши становятся все хуже и хуже; новое царствованіе обмануло всѣ надежды, такъ что и самые сильные защитники его, долго не хотѣвшіе разстаться съ своими надеждами, пришли въ совершенное уныніе; прежняя система восторжествовала, а съ ней вмѣстѣ и всѣ злодѣи Россіи, сознательные и безсознательные, всѣ подлецы, окружавшіе тронъ остались на своихъ мѣстахъ; предатель Нессельроде, причина всего зла въ Россіи, на котораго падаетъ отвѣтственность за всѣ бѣдствія русскаго народа, торжествуетъ и дѣйствуетъ по своимъ видамъ болѣе, нежели когда. Государь—такое лицо, объ которомъ никто не говоритъ уже. Съ Австріей болѣе, нежели когда-нибудь сближаемся и подличаемъ, уступаемъ ей и Германіи всѣ пункты, только чтобъ они оставались въ томъ положеніи, какъ и прежде, т. е. чтобъ Австрія также вязала намъ руки для того, чтобъ врагамъ нашимъ ловчѣе было насъ бить. Правда, она распустила свою армію, не объявила намъ войны, но этимъ она спасла только себя, она не могла вести войны противъ Россіи по ея собственному признанію, безъ помощи иностранныхъ державъ, въ которой они ей отказали, содержать же такую армію на готовѣ она не была въ состояніи; ей угрожало немедленное банкротство, и такъ она спасала себя самою; и за все это мы уступили не только 2 первыхъ пункта, но и

третій, хотя не офиціально (была напечатана въ Journal de Nord статья предательски подлая, выше всякихъ словъ, унизительная для Россіи, разумѣется, Нессельроде, гдѣ говорилось, что Россія сама желаетъ *справедливаго ограниченія* своихъ силъ и что напрасно западныя державы ломятся въ незапертую дверь и т. д.). А объ четвертомъ сказано, что *cette question est moralement résolue*! Что говорить,—нами управляетъ австрійскій агентъ! Что жъ удивляться, что онъ губитъ Россію для выгодъ Австріи! Съ Австріей и Берлиномъ тайные переговоры и, еще Богъ знаетъ, что мы имъ уступили, вѣроятно предали и славянъ и грековъ; а дѣла наши военныя! Боже мой, какъ все мрачно, что потеряли мы въ это время, какія несчастія, страданія, какія невозвратимыя, незамѣняемыя потери... Нахимова нѣтъ! Онъ погибъ и такъ напрасно! Боже мой, что долженъ былъ онъ испытывать въ послѣднее время, видя, какъ напрасно погибаетъ черноморскій флотъ, обреченный на конечную погибель ради неспособныхъ главнокомандующихъ; черезъ какія нравственныя долженъ онъ былъ пройти страданія! Какимъ тяжелымъ безотраднымъ ударомъ была вѣсть о его смерти! Статья Мансурова лучше всѣхъ высказала это общее впечатлѣніе. Ради Нессельроде, Долгорукаго и Горчакова, хотя и не дурного человѣка, но вовсе неспособнаго начальника, должна страдать и гибнуть Россія. Во всемъ этомъ виденъ страшный гнѣвъ Божій, вполнѣ заслуженный нашими грѣхами. Лучшіе люди отнимаются, и допускаются дѣйствовать тѣ, которые губятъ Россію. Твердыня зла возносится надъ всѣмъ, грабежъ вездѣ. Боже мой, мы заслужили наказанія,—дай намъ покаяться и обратиться отъ грѣховъ! Господи, очисти и спаси Россію и не отыми отъ насъ святыхъ судебъ твоихъ!

Керчь отдана безъ боя, и жители оставлены на разграбленіе и мученія враговъ; вѣроятно—измѣна, иначе объяснить нельзя. Отняты наши самые важные редуты, съ которыхъ теперь враги наносятъ намъ самый ужасный вредъ. Приступъ на Малахову башню, слава Богу, былъ отбитъ съ большимъ урономъ для непріятеля и послѣ того, кромѣ обыкновенной канонады, до сихъ поръ не было еще ничего важнаго, но на дняхъ получено извѣстіе, что мы перешли Черную рѣчку, дѣлали нападеніе и должны были отступить послѣ кровопролитнаго сраженія, потому что у насъ было мало войскъ сравнительно. Но зачѣмъ у насъ было мало, когда ихъ теперь такъ много подъ Севастополемъ? Говорятъ, убито три генерала.

Привезли газеты и письма. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" еще нѣтъ подробностей о неудачномъ нашемъ нападеніи, а въ „Инвалидѣ", говорятъ, уже есть; но напечатана телеграфическая депеша отъ Горчакова, что 5-го началось вновь сильное бомбардированіе и продолжалось 6-го въ то время, какъ была писана депеша; мы заставили замолчать нѣсколько непріятельскихъ батарей, что-то будетъ!

Завтра или послѣзавтра воротится, вѣроятно, Константинъ, изъ Москвы, куда онъ поѣхалъ въ четвергъ для свиданія съ своими пріятелями, которые всѣ должны быть въ сборѣ въ это время въ Москвѣ по разнымъ причинамъ, но болѣе всего потому, что ведутся переговоры о журналѣ, покупаютъ у Погодина „Москвитянинъ" съ тѣмъ, чтобы перемѣнить названіе. Говорятъ, западная сторона уже добилась себѣ журнала въ Москвѣ и употребляетъ на это большой капиталъ. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ намъ Самаринъ, который былъ у насъ 7 августа съ княземъ Владиміромъ Черкасскимъ совершенно неожиданно. Черкасскій давно собирался познакомиться съ отесенькой, просилъ позволенія пріѣхать, но не могъ попасть, по разнымъ обстоятельствамъ; теперь-же, уѣзжая изъ Москвы съ тѣмъ, чтобы прожить зиму въ деревнѣ, онъ захотѣлъ хотя на короткое время побывать у насъ. Письма получены отъ Гриши два, отъ Юрія Оболенскаго и изъ деревни и еще письмо къ Сонечкѣ. Гриша хлопочетъ въ своемъ новокупленномъ имѣніи, Софья кажется очень довольна и Оля также, Господь съ ними, дай Богъ чтобъ все было благополучно.— Юрій Оболенскій все собирается къ намъ—пишетъ—по дѣлу.

14 августа. У насъ сидѣлъ сосѣдъ нашъ Пальчиковъ, заѣхавшій послѣ обѣдни, и въ это время пріѣхалъ Константинъ. Вѣсти самыя грустныя, мы потеряли ужасно много, убитыхъ и раненыхъ всего тысячъ 6 человѣкъ, и даромъ, все даромъ. Покуда Горчаковъ, конечно, надобно ожидать только неудачъ и гибель.

18 августа. Уже часовъ въ 10 вечера пріѣхали Васьковы, мужъ съ женой. Ѳедоръ Ивановичъ выбранъ начальникомъ костромского ополченія и провожаетъ свои дружины [1].

---

[1] На отдѣльномъ клочкѣ бумажки, едва видно, набросанъ карандашомъ слѣдующій отрывокъ, относящійся къ этому мѣсту дневника: „О посѣщеніи Васькова; объ ополченіи. Поѣздкз къ Троицѣ и смотръ его ополченія. Обѣдъ у насъ, Ратьковъ и др. Ив. Ѳед. Васьковъ [сынъ] разсказы, грабежъ въ опол-

1 сентября. Боже мой, какое извѣстіе! Севастополь взятъ! Какъ громомъ поразило насъ, неужели это правда, но сомнѣваться нельзя! Маменька ѣздила въ Хотьковъ къ обѣднѣ и тамъ видѣла дамъ, только что пріѣхавшихъ изъ Москвы, которыя сами читали уже напечатанную депешу.—Но, конечно, чего можно было ожидать при Горчаковѣ! Онъ вѣрно отступилъ на Бельбекъ и оставилъ гарнизонъ на жертву. Онъ умѣлъ только погубить безполезно людей въ безумномъ предпріятіи на Черной рѣчкѣ; самъ Пелисье пишетъ, что тамъ нельзя было дѣйствовать массами, а тутъ, когда, какъ всѣ говорятъ, надобно было бы попасть во время приступа на враговъ съ боку, онъ этого не дѣлаетъ. Все его Коцебу, который отличился особенно планомъ сраженія на Черной. Даже изъ Одессы пишутъ, что Остенъ-Сакенъ на военномъ совѣтѣ былъ противъ этого плана.—Что же теперь будетъ! Севастополь взятъ, значитъ и Крымъ весь завоеванъ. Конечно, не Горчакову удержать его. Я, признаюсь, вездѣ вижу измѣну, да и въ иностранные журналы пишутъ изъ Одессы объ дѣлѣ на Черной, что, вѣроятно, шпіоны увѣдомили враговъ о нашемъ движеніи; но не только шпіоны,—въ Москвѣ говорятъ объ измѣнѣ какого-то генерала. Немудрено, Горчакова окружаютъ все поляки и нѣмцы.—Но что бы то ни было, бѣдствія и бѣдствія; кто-бы и какъ-бы ни былъ виноватъ, Господь допускаетъ совершаться всѣмъ этимъ бѣдствіямъ намъ въ наказаніе за грѣхи наши, и какъ заслужили мы гнѣвъ Божій по грѣхамъ нашимъ и теперь не каемся и теперь не обращаемся... Страшно! Боже милостивый, что же еще должно постигнуть насъ! Обрати насъ и помилуй ради милости твоей! О Боже, не до конца прогнѣвайся на насъ. Господи, коснись сердецъ нашихъ, отверзи очи наши, да покаемся! Государь вѣрно отложитъ свою поѣздку въ Москву, вѣрно не захочетъ показаться народу въ минуту такого бѣдствія, въ которомъ его же могутъ обвинить. Конечно, онъ виноватъ, что давно не смѣнилъ Горчакова и Долгорукова.

ченіи и вездѣ. Побѣгъ Менгдена изъ его дружины. Отъѣздъ ихъ и проводы за Арханово. Поѣздка Константина къ Путятѣ, разсказы его брата; извѣстіе о пріѣздѣ государя въ Москву и къ Троицѣ. Посѣщеніе братьевъ Пальчиковыхъ, на другой день они обѣдали у насъ, провели цѣлый день. Извѣстіе, что государь ѣдетъ на Хотьковъ, приказъ исправить дороги. Константинъ уѣхалъ въ Москву встрѣчать государя. Иностранныя газеты, извѣстія ихъ. Пріѣздъ англичанъ въ Парижъ, пріемъ. Значеніе и дѣйствія Австріи и Пруссіи. Пальчиковъ привезъ брошюру французскую, отвѣтъ на Moniteur".

Какъ жаль, что не захотѣли поручить дѣло Ермолову, изъ подлаго мщенія и боязни; конечно при Ермоловѣ этого не было бы. Государь говоритъ объ общественномъ мнѣніи, но до сихъ поръ, кажется, еще ни въ чемъ его не послушался. Смѣнилъ только Бибикова, который въ настоящую минуту всѣхъ менѣе могъ сдѣлать зла. Есть дѣла, которыя не терпятъ отлагательства, и гибель десятковъ тысячъ людей должна бы заставить забыть всякія выжидательныя мѣры и деликатности. Что-то онъ будетъ дѣлать теперь? На что рѣшится?

Получены газеты и въ нихъ приложены печатныя извѣстія, телеграфная депеша о взятіи или лучше объ уступкѣ Севастополя, потому что Горчаковъ самъ пишетъ, что приступы были отбиты, кромѣ Малаховской башни, но что оставаться подъ такимъ огнемъ нельзя и что войска переходятъ на сѣверную сторону т. е. онъ отдалъ весь Севастополь со всѣми его укрѣпленіями. Боже мой! зачѣмъ же было ихъ дѣлать? Конечно, если бъ былъ Ермоловъ и даже Меньшиковъ, этого бы не было. Право, можно подозрѣвать измѣну, и если не въ самомъ Горчаковѣ, то въ его окружающихъ.—Но какое-бы то ни было страшное, горестное, событіе, которое будетъ имѣть для насъ самыя пагубныя слѣдствія, совершилось: Севастополь отданъ, значитъ, и Крымъ намъ уже не принадлежитъ. Если Горчаковъ не сумѣлъ удержаться за такими непреоборимыми укрѣпленіями, то какъ же можетъ онъ устоять въ открытомъ полѣ. Онъ бѣжитъ до самаго Перекопа и, сдавши Перекопъ, съ торжествомъ взойдетъ въ Россію и еще будетъ пожалуй хвалиться, что совершилъ въ порядкѣ отступленіе. Но что-бы то ни было, дѣло совершилось; всѣ жертвы, всѣ гибели людей, всѣ наимовѣрные труды и подвиги, все было понапрасну, больно и обидно, и впереди все то же и то же, полная безнадежность. Полученъ отвѣтъ отъ князя Вяземскаго Константину, отвѣтъ такого рода, какого и ожидать было нельзя: это не только любезное и дружеское письмо, но полное юношескаго увлеченія, мечтаній, которыя онъ надѣется осуществить на своемъ новомъ поприщѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: онъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія совершенно неожиданно для всѣхъ; Константинъ, узнавши объ этомъ, написалъ ему съ своимъ добродушнымъ довѣріемъ и откровенностью очень просто, что проситъ похлопотать о снятіи подписки съ него и съ Хомякова, Кирѣевскаго, Черкасскаго и съ брата Ивана, на которой они обязаны представлять свои со-

чиненія не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, и при этомъ разсказалъ ему, какъ его статья о глаголахъ $1^1/_2$ года цензуровалась. Константинъ прибавилъ, что онъ, зная его, увѣренъ, что онъ самъ постарается объ этомъ, что назначеніе его возбудило во всѣхъ благія надежды. Вяземскому, видно, было очень пріятно это довѣріе, онъ благодаритъ за благосклонное мнѣніе о себѣ, за надежды; проситъ горячо содѣйствія, говоря, что теперь именно такіе люди, честные, истинно русскіе необходимы для правительства, что надобно, чтобъ не было недоразумѣнія между правительствомъ и ими и т. д.; оговаривается только въ томъ, что всякій долженъ оставить для того свои коньки т. е. личныя прихоти, но никакъ не убѣжденія, и подъ скриптомъ прибавляетъ: „Вамъ покажется по письму моему, что я вербовщикъ, чтожъ еслибъ мнѣ удалось завербовать васъ, то царь, отечество и просвѣщеніе *сказали бы мнѣ спасибо*".—Пріятно было прочесть это письмо, но, признаюсь, минуту спустя мнѣ показалось, что это юношескія мечты и слишкомъ молодой жаръ, хотя и старика, и врядъ-ли можетъ осуществиться. Нѣтъ, къ несчастью, кажется, уже зло такъ велико, такъ далеко зашло, пагубная система прошедшаго царствованія успѣла уже пустить такіе сильные корни, что отвратить это зло не могутъ никакія, личныя усилія и воля даже самого государя. Только внутреннее, страшное потрясеніе можетъ искоренить его и обновить и возродить Россію, если на то есть благая воля Господа, и кажется намъ неизбѣжать этихъ страшныхъ внутреннихъ потрясеній. Сегодня получилъ отесенька отъ Гилярова письмо отчаянное, въ которомъ онъ высказываетъ всѣ свои мрачныя предчувствія и соображенія и совершенную безнадежность отвратить грядущія бѣдствія. Онъ ожидаетъ внутреннихъ страшныхъ возмущеній, видитъ въ народѣ недовольство; письмо его вполнѣ выражаетъ настоящую тягостную минуту, и мы хотимъ его сохранить.

Получены еще письма отъ Машеньки Карташевской, отъ Дмитріева, отъ Трутовскихъ. Всѣ писаны еще до полученія несчастнаго извѣстія. Дмитріевъ пишетъ о своей одѣ, за которую получилъ благосклонный отзывъ отъ государя, и также о статьѣ Константина (о глаголахъ), которую хвалитъ чрезвычайно; говоритъ, что это истинный, новый взглядъ и т. д.; а въ журналахъ такъ недоброжелательно ее разбираютъ. Впрочемъ это натурально, тутъ есть и jalousie de métier и разность направленій и пр. и пр.

Вечеромъ лилъ непрерывно страшный дождь, и неумолкае-

мый шумъ этотъ непріятно дѣйствовалъ на нервы, и безъ того такъ грустно и мрачно было на душѣ; но стало теплѣе, былъ даже громъ и мелкій градъ.

2-го сентября. Сегодня получили газеты и письмо отъ Константина. Онъ старается насъ приготовить къ страшному извѣстію о Севастополѣ, думая, что мы еще ничего не знаемъ; самъ въ отчаяніи и негодованіи противъ Горчакова: и въ самомъ дѣлѣ онъ просто отдалъ Севастополь безъ всякой нужды. Приступовъ было не шесть, какъ можно было бы заключить по его первой депешѣ, а всего одинъ, но въ шести или семи разныхъ мѣстахъ, и вездѣ онъ былъ отбитъ окончательно, кромѣ Малаховской башни. Можетъ быть, они бы не пошли вовсе на второй приступъ, удовольствовались Малаховской башней, но онъ самъ поспѣшилъ уйти, и еще въ слѣдующей депешѣ хвалится, что перешелъ на сѣверную сторону *съ неимовѣрнымъ успѣхомъ.* Это слово взорвало всѣхъ и ясно указываетъ на образъ дѣйствій и понятій Горчакова. Ретироваться безъ всякой нужды, оставляя непріятелю недоступныя для него укрѣпленія и хвалиться, что ретировался *съ неимовѣрнымъ успѣхомъ*—это конечно привело въ негодованіе всѣхъ и съ одного конца Россіи до другого будетъ одинъ приговоръ Горчакову.

Также въ утренней депешѣ, отъ несчастнаго 27-го числа, онъ пишетъ, что огромныя бомбардированія и что мы теряемъ по 2500 въ сутки; а сегодня напечатана его депеша отъ 26-го, гдѣ онъ пишетъ, что хотя бомбардированіе по временамъ чрезвычайно сильно, но мы отвѣчаемъ успѣшно. Что же это значитъ? Зачѣмъ же онъ не написалъ, что мы теряемъ по 2500, какъ доносятъ на другой день? Очевидно, что ему нужна была эта цифра для оправданія своего отступленія, которому нѣтъ никакого оправданія. Невыносимо больно, обидно, возмутительно, горестно, что и въ этомъ случаѣ не сила обстоятельствъ, не превосходство непріятеля, не невозможность противостать ему заставила насъ сдѣлать ему пагубную уступку, а прихоть или дурацкое распоряженіе какого-нибудь Горчакова, или еще хуже, но не менѣе возможна измѣна или распоряженіе Нессельроде, который конечно желаетъ давно уступить Севастополь, въ надеждѣ на окончаніе войны, такъ какъ онъ уже призналъ печатно, что Россія сама желаетъ *справедливаго ограниченія.* Конечно, Господь допускаетъ всѣ эти бѣдствія въ наказаніе намъ, но не менѣе того виноваты тѣ, кто причиной этихъ бѣдствій, и отдадутъ отчетъ

въ нихъ. Не хотѣли воспользоваться ничьими совѣтами и указаніями,—письма Погодина были читаны, кажется, только для того, чтобъ дѣйствовать совершенно противоположено имъ,—пребыли вѣрны своей системѣ и святому союзу, несмотря на то, что отъ него отказалась давно вся Европа; хлопотали о выгодахъ Австріи; перевели войну въ Россіи, за то теперь достойно наказываются наши государи, но и то не впрокъ: и теперь тоже будетъ. Нессельроде сидитъ, а это источникъ всего зла и всѣхъ бѣдствій Россіи и внутреннихъ и внѣшнихъ и что теперь дѣлать? Теперь уже все потеряно, теперь уже совѣтовать нечего, Крымъ потерянъ, вліяніе на Востокѣ также, всѣ преданія Россіи, все ея значеніе, и назначеніе, какъ единственной православной державы, все потеряно, едва-ли не безвозвратно и все это совершилось на нашихъ глазахъ шагъ за шагомъ, въ полномъ сознаніи, несмотря на всѣ безполезныя усилія честныхъ людей удержать отъ этого рокового пути къ гибели. Боже, что будетъ далѣе, черезъ что еще должны мы пройти! Какъ тяжело, какая тоска на сердцѣ! Сколько слезъ проливается теперь вездѣ по всей Россіи, сколько молитвъ возносится! Есть-же хотя нѣсколько праведниковъ во всей Россіи, неужели и они не умолятъ Бога помиловать насъ? Константинъ пишетъ, что государь пріѣдетъ 1-го числа въ девять часовъ вечера. На другой день будутъ ходить по соборамъ, будетъ выходъ, во дворецъ будутъ пускать всѣ сословія. Государь ѣдетъ съ женой, съ дѣтьми и со всѣми братьями. Вдовствующая государыня пріѣдетъ двумя днями позже. Константинъ прибавляетъ: авось либо среди святынь московскаго Кремля найдетъ на государя благое вдохновеніе. О, дай Богъ!

Константинъ пишетъ о приказѣ государя по случаю отдачи Севастополя. Онъ пишетъ, впрочемъ, это для нашего ободренія; очень его хвалитъ; но мы находимъ, напротивъ, что онъ вовсе не таковъ, какъ долженъ бы быть въ такую минуту. Это правда, что онъ написанъ въ духѣ смиренія и покорности волѣ Божіей; но кромѣ того онъ долженъ бы ободрить всѣхъ; сказать, что это уступка временная, что мы возьмемъ назадъ все потерянное, а государь говоритъ только, что онъ увѣренъ, что всѣ войска будутъ вездѣ встрѣчать непріятеля съ тѣмъ же мужествомъ и защищать родную землю, какъ будто насъ приготовляетъ къ новымъ потерямъ. Онъ уже какъ будто примирился съ мыслью, что Россія потеряла Крымъ, и пожалуй скажетъ: „я обѣщалъ не

уступать и не уступлю, но удержать нельзя было противъ такой силы".—Константинъ надѣется, что смѣнятъ Горчакова, но этого, конечно, не будетъ; въ этомъ же приказѣ дѣйствія его совершенно оправдываются. Чего же ждать? Позорнаго мира съ уступкою Крыма или позорной войны при тѣхъ же правителяхъ и начальникахъ, подъ главномъ управленіемъ Нессельроде... Войны, которая, веденная такимъ образомъ, поведетъ насъ еще къ большимъ уступкамъ и изнуреніямъ. Теперь, конечно, Австрія, поспѣшитъ присоединиться дѣятельно къ западнымъ державамъ, да и другія государства тоже. Торжество Наполеона достигло высшей степени, его вліяніе возрастетъ еще болѣе; всѣ покоряются не силѣ его оружія, но силѣ нравственной или безнравственной его духа; эта коалиція не та, что была при Наполеонѣ 1-мъ, та была насильственная, а теперь всѣ идутъ по собственному убѣжденію, потому что въ немъ слышатъ свою силу и опору; такого рода завоеванія прочнѣе завоеваній его дяди.

3-е сентября, суббота. Константинъ пріѣхалъ часовъ въ десять, огорченный, возмущенный до крайности. Вѣсти, привезенныя имъ, привели насъ въ еше большее негодованіе. Легче было бы перенесть такой ударъ, если бы это совершилось вслѣдствіе необходимости, если бы мы уступили силѣ, превосходству враговъ; но когда это все даромъ; когда напротивъ мы одержали побѣду, отбивъ ихъ почти на всѣхъ пунктахъ, и послѣ этого по соображеніямъ какого-нибудь Горчакова, отдали Севастополь, не только Севастополь но всю славу, все значеніе Россіи, честь и цѣлость нашей земли, все ея будущее, всѣ ея преданія, наслѣдственное вліяніе ея на востокѣ; когда даромъ были въ продолженіе года всѣ ея усилія, неимовѣрные труды и самопожертвованія, до сихъ поръ увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, всѣхъ безпримѣрныхъ защитниковъ Севастополя, это невыносимо, возмутительно! Овладѣваетъ такое безотрадное, безполезное сожалѣніе, невыносимо болѣзненное чувство, съ полнымъ сознаніемъ невозможности отвратить зло... Безнадежность полная въ будущемъ! Изнемогаешь подъ тяжестью всѣхъ этихъ ощущеній; невыносимо бываетъ—не знаешь что дѣлать, днемъ и ночью все то же, безпрестанно то же и то же и сердце болитъ отъ тоски! Тяжелыя, тяжелыя времена! о, дай Господи, чтобы они были непродолжительны, чтобы эти тяжкія испытанія, посылаемыя намъ за грѣхи наши, принесли благодатный плодъ, обратили бы насъ къ Тебѣ!

Пелисье доноситъ телеграфическою депешей Наполеону, что онъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, только едва держится въ одной части Малаховской башни, что потери чрезмѣрны, что англичанъ не существуетъ. Онъ, конечно, не рѣшился бы на второй приступъ и, конечно, не воображалъ, чтобы мы послѣ побѣды оставили сами Севастополь!...

Генералъ Мендтъ, воротясь изъ дворца, сказывалъ Казначееву, что получено извѣстіе, что Горчаковъ заранѣе началъ уже свозить пушки съ укрѣпленій и что на редутѣ, гдѣ атаковали англичане, мы отбивались только штыками и все таки отбили ихъ. Ясно, что у Горчакова давно было рѣшено отдать Севастополь и только онъ ждалъ удобнаго случая, чтобъ это имѣло видъ, что мы уступили силѣ оружія непріятеля.—Кажется, Горчаковъ съ первой минуты пріѣзда въ Крымъ не имѣлъ другого намѣренія, какъ отдать все при первой возможности; онъ началъ съ того, что приказалъ Липранди оставить высоты на Черной рѣчкѣ, которыя были для насъ чрейзвычайно важны и очень стѣснительны для непріятеля: безъ этого французы не могли-бы занять Ѳедюхиной горы, на которую мы же потомъ нападали въ несчастномъ сраженіи на Черной не задолго до послѣдняго приступа. Въ Journal de Francfort сказано про это сраженіе что: „Les Russes voulaient reprendre les hauteurs qu'avait occupe Liprandi.“ Все, что ни дѣлалъ Горчаковъ, было не кстати и не во время. Всѣ, кто сколько-нибудь понимаетъ дѣло, осуждали его, зачѣмъ онъ во время перваго приступа 18 числа іюня не велѣлъ сдѣлать Липранди диверсію во флангъ непріятелю. Подкрѣпленіе ему пришло болѣе ста тысячъ и что онъ съ ними сдѣлалъ? Только безполезно погубилъ множество и съ такой арміей оставилъ Севастополь безъ всякой нужды.—Во время штурма онъ не нападалъ съ тылу на непріятельскую армію, а передъ самымъ послѣднимъ штурмомъ вздумалъ напасть, тогда какъ непріятель имѣлъ возможность стянуть туда всѣ войска и укрѣпить Ѳедюхину гору.—Это несчастное дѣло, въ то время, когда всякій день ожидали приступа на Севастополь, было конечно великимъ торжествомъ для нашихъ враговъ; въ Journal de Francfort пишутъ изъ Одессы, что Остенъ-Сакенъ на военномъ совѣтѣ, собранномъ предъ этимъ дѣломъ, былъ противъ него, но что Коцебу (начальникъ главнаго штаба Горчакова), которому принадлежалъ онъ, настоялъ на немъ и убѣдилъ всѣхъ. Этотъ разбойникъ Коцебу, говорятъ, умный и хитрый человѣкъ, былъ

вѣроятно, подкупленъ; всѣ дѣйствія его такого рода. Горчаковъ ровно ничего не знаетъ, все забываетъ, все путаетъ и только заботится о тамъ, чтобъ выставить и расхвалить Коцебу. Что давно былъ планъ сдать Севастополь—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; мы знаемъ навѣрное, что еще до перваго приступа Горчаковъ писалъ государю, что его удержать нельзя и просилъ разрѣшенія его оставить, *и было разрѣшеніе*, но еще былъ тогда живъ Нахимовъ! Несмотря на отнятіе у насъ редутовъ, столь важныхъ для насъ, вскорѣ послѣдовавшій затѣмъ штурмъ былъ отбитъ блистательно, и Горчаковъ донесъ, что штурмъ былъ отбитъ *сверхъ всякаго ожиданія* или что-то вродѣ этого; теперь это ясно, что ему было должно оправдаться предъ государемъ въ томъ, что онъ доносилъ ему прежде о невозможности удержать Севастополь. Послѣ того мы слышали, что послѣдовалъ приказъ защищать Севастополь до послѣдней крайности. Непріятель не рѣшался на второй приступъ до окончанія своихъ работъ, но тутъ Горчаковъ сдѣлалъ новую глупость, если это не было злонамѣренный планъ ослабить наше войско, планъ если не самого Горчакова, то, можетъ быть, кого-нибудь изъ совѣтчиковъ его,—такъ нелѣпо, такъ безразсудно было это предпріятіе!—Послѣ этого несчастнаго сраженія сынъ Горчакова былъ въ Петербургѣ и, донося государю, отъ отца своего, что онъ говорилъ не знаю, но знаемъ то, что государь говорилъ ему: „у меня не будетъ Гофкригсрата въ Петербургѣ, пусть Горчаковъ дѣйствуетъ совершенно независимо". Эти слова значили позволеніе сдать Севастополь, государь не могъ не знать взгляда Горчакова на этотъ предметъ и потому не долженъ былъ давать ему такого разрѣшенія.—Думалъ ли въ самомъ дѣлѣ государь, что нельзя удержать Севастополь, или политическіе планы и соображенія заставили его рѣшиться на такую уступку—это еще вопросъ. Кажется похоже на то, что послѣдняя причина вѣроятна, особенно когда мы прочли въ Journal de Francfort статью, въ которой сказано, что австрійскому министру была сообщена нота Нессельроде самая ласкательная, въ которой сказано, что Россія считаетъ всякое ограниченіе ея силы недостойнымъ ея, иначе какъ *par la forces des armes*..... Теперь наше предательское министерство признаетъ, что все случилось par la force des armes, и потому неунизительно признать *les faits accomplis*, т. е. не возобновлять ни Севастополя, ни флота. А между тѣмъ въ той же иностранной статьѣ сказано, что въ

послѣднихъ нумерахъ „la Gazette de la Croix" (Берлинскій самый преданный Россіи журналъ, который до сихъ поръ возставалъ громче всѣхъ противъ признанія четырехъ пунктовъ), сказано что: *«если Австрія можетъ поручиться за то, что западныя державы ничего не будутъ требовать болѣе четырехъ пунктовъ отъ Россіи, то Германія не видитъ причины не принять ихъ»*.

Ясно, что это не иначе писано, какъ по нашему наущенію, что мы заранѣе согласились на миръ на всѣхъ четырехъ пунктахъ и съ отдачею Севастополя для удовлетворенія самолюбія Наполеона. А насъ только дурачили и не знали только какъ сладить съ общественнымъ мнѣніемъ и съ арміей, которую обмануть еще труднѣе было. Если это такъ, то подлѣе этого поступка нельзя и придумать. — Правительство предаетъ предательски народъ, которымъ правитъ! Чего еще мы дождемся? Поскольку государь дѣйствуетъ тутъ сознательно, трудно рѣшить. Можетъ быть, его убѣдили въ невозможности отстоять Севастополь, въ неизбѣжности его паденія и онъ по слабости своей согласился на такія мѣры. Или онъ дѣлаетъ это въ надеждѣ и то только въ надеждѣ, что привлечетъ Австрію въ союзъ, что возобновитъ враждебный намъ, такъ ошибочно называемый, святой союзъ, если Наполеонъ не согласится на миръ и на этихъ унизительныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ это дурно, и не то говорилъ онъ при восшествіи на престолъ, обѣщая исполнять виды Екатерины; конечно, уступая Черное море и Севастополь, онъ не исполнилъ ихъ.—Боже мой, что дѣлается у насъ и чего ждать! Государь пріѣхалъ въ Москву 1-го сентября поздно ночью, но несмотря на то народу было очень много и встрѣтили его, говорятъ, хорошо. Константинъ не дождался его пріѣзда, но видѣлъ его на другой день въ Кремлѣ. Народу было такое множество, особенно внутри рѣшетки, что съ мужчинами даже дѣлалось дурно. Константинъ много наслышался тутъ разныхъ народныхъ толковъ.— Говорили, впрочемъ, безъ унынія о настоящихъ, несчастныхъ событіяхъ, вспоминали 12-й годъ, своихъ отцовъ, участвовавшихъ въ немъ. „Только скажи, только ухни, насъ 60 милліоновъ;—мигомъ 6 милліоновъ поставимъ". Былъ тутъ также одинъ человѣкъ (въ родѣ какого-то эмиссара, какъ показалось Константину), который шутилъ совершенно по русски, трунилъ надъ всѣми, всѣхъ смѣшилъ и говорилъ разныя дерзкія выходки на счетъ всѣхъ, появлявшихся на Красномъ крыльцѣ.—Наконецъ, появился государь съ государыней подъ руку. Ура кричали не дружно,

такъ что Константину стало жалко, и онъ самъ поддерживалъ возгласы. Все Красное крыльцо наполнилось блестящими придворными, государь и всѣ были безъ шапокъ, разумѣется и народъ.—Государь такъ худъ и печаленъ, что Константинъ говоритъ, что нельзя его было видѣть безъ слезъ, онъ представился ему какой-то несчастной жертвой, на которой должно обрушиться все зло предшествовавшаго царствованія. И сверхъ того онъ также жертва воспитанія этой гибельной системы, отъ которой не можетъ самъ освободиться.—Государь кланялся не низко, какъ всѣ замѣтили въ народѣ.—Тутъ Константинъ услыхалъ, какъ тотъ же подозрительный человѣкъ сказалъ: „одному человѣку какая честь!"

Какъ скоро государь и государыня вошли въ Успенскій соборъ, народъ надѣлъ шапки, но придворные оставались еще на площади безъ шляпъ и потому одинъ полицейскій счелъ за нужное приказать народу снять шляпы, но въ народѣ отвѣчали: „Зачѣмъ? Государь вошелъ въ соборъ, для дамъ что-ли намъ шляпы скидать?" И не послушались.

При входѣ въ Успенскій соборъ митрополитъ встрѣтилъ государя съ крестомъ и говорилъ довольно долго рѣчь. Изъ Успенскаго собора государь пошелъ въ Архангельскій, но тутъ сдѣлалось такъ тѣсно, что Константинъ поспѣшилъ уйти.—Константинъ видѣлъ Погодина, онъ совершенно убитъ; его приглашаютъ показывать Москву наслѣднику, но онъ хочетъ отказаться; говоритъ, что просто не можетъ собрать мыслей;—Погодинъ въ совершенномъ отчаяніи еще болѣе потому, что, не говоря уже о правительствѣ, само общество въ такой апатіи, такъ равнодушно, деморализовано, что ничего ожидать нельзя. Погодинъ нарочно ѣздилъ въ клубъ: тамъ, все по прежнему, толкуютъ, но между тѣмъ карточные столы по прежнему разставлены. Погодинъ получилъ письмо отъ графини Блудовой еще до сдачи Севастополя, по которому ясно видно, что въ Петербургѣ это событіе не было нечаянностью, боялись только, чтобъ оно не пришло въ то время, какъ государь будетъ въ Москвѣ. Въ то же время Погодинъ получилъ письмо отъ Берга изъ Севастополя, тоже еще до отдачи его, въ которомъ тотъ пишетъ, что одинъ (главный генералъ) велѣлъ свезти пушки съ укрѣпленій самаго большого размѣра, это было исполнено съ большими затрудненіями, но эти пушки, вотъ уже недѣля, лежатъ внизу укрѣпленій неприбранныя!—И несмотря на то, приступъ былъ отбитъ,

а Севастополь все таки отдали. Конечно, хуже всѣхъ враговъ Горчаковъ, Долгорукій, Нессельроде, какъ отъ нихъ защититься!.. Въ такихъ-то толкахъ и разговорахъ, въ самомъ безотрадномъ расположеніи духа провели мы цѣлый день. Вечеромъ мы вздумали съ Соничкой однѣ съѣздить ко всенощной, туда доѣхали благополучно, помолились, но на возвратномъ пути со мной случилось несовсѣмъ пріятное происшествіе, но которое по милости Божіей, кажется, не будетъ имѣть слишкомъ дурныхъ послѣдствій. Было уже очень темно, на мосту лошади наши не пошли, потому что въ постромки запутались, надобно было выйти изъ коляски, намъ показалось, что коляска катится назадъ, мы поспѣшили сойти съ моста, въ одномъ мѣстѣ не было перила я приняла это за окончаніе моста и пошла въ сторону, только что сдѣлала одинъ шагъ, оборвалась и упала въ ровъ недалеко рѣки; хорошо что тутъ обрывъ рва остановилъ мое паденіе; не помню, какъ я вышла оттуда.

Константину было сообщено письмо Вяземскаго, ему оно также было очень пріятно, кромѣ одного выраженія, которое его остановило, именно: *надобно, чтобъ былъ одинъ пастырь и одно стадо* (говоря объ министерствѣ просвѣщенія и объ обществѣ). Выходитъ, что министерство будетъ насъ пасти; намъ же показалось, что это только дурное выраженіе, а мысль была другая, но впослѣдствіи оказалось, что мы ошибались. Рѣшено было, что Константинъ на другой день опять поѣдетъ въ Москву для свиданія съ министромъ.

4-е сентября. Въ воскресенье рано получили почту: письмо отъ Ивана, отъ Гильфердинга, московскія газеты и иностранные журналы. Депеши Горчакова, что непріятель не занималъ еще Севастополь два дня спустя нашего отступленія и что Горчаковъ взорвалъ самъ укрѣпленія наши, не дожидаясь прихода непріятеля, возмутили еще болѣе всѣхъ; явно, что Севастополь отданъ даромъ, разрушенъ безъ нужды и безъ вреда непріятелю; а сколько было потрачено силъ, времени, труда на укрѣпленія его, каждый домъ былъ укрѣпленъ и дорого бы достался непріятелю. Право, все это объяснить трудно иначе, какъ измѣною.—Не самъ Горчаковъ, такъ окружающіе его.—Называютъ же генерала Жабокрицкаго, какъ измѣнника; говорятъ, его поймали казаки.—Прочтя депешу Горчакову, еще тяжелѣе стало на душѣ.

Иванъ пишетъ изъ Новгорода-Сѣверска, хлопотъ ему множество, и онъ хочетъ по приходѣ въ Кіевъ сдать должность

ВѢРА СЕРГѢЕВНА АКСАКОВА.

Съ фотографіи.

казначея, если же придется зимовать въ Кіевѣ, то онъ хочетъ совсѣмъ оставить ополченіе. Видно, у нихъ много непріятностей съ дружиной. ратники пьянствуютъ и буянятъ; и говорятъ, вездѣ почти такъ же, особенно, какъ добрались до дешевой и крѣпкой водки, не знаютъ, какъ съ ними и сладить. Строгановъ осматривалъ ихъ въ Новгородѣ и самъ разсказывалъ Ивану, что Дмитровская дружина Голицына (Леонидъ) идетъ совсѣмъ иначе. Голицынъ ведетъ ихъ, какъ на богомолье въ Кіевъ, и потому нѣтъ ни пьянства, ни буйства, и вездѣ служатъ молебны.—Мы знаемъ, что и здѣсь Голицынъ вмѣсто пробнаго похода водилъ свою дружину на богомолье за 12 верстъ; это прекрасно и умно, что онъ далъ такое значеніе походу. — Но вообще Иванъ представляетъ жалкую и грустную картину всего положенія дѣлъ.— Жители большею частью очень не рады этимъ гостямъ, говорятъ: „что намъ турки, намъ свои не легче", и т. д. Священники, будучи обязаны встрѣчать съ крестомъ дружины, часто просятъ дать росписку, что они выходили встрѣчать и т. д. Иванъ болѣе всего винитъ самихъ офицеровъ и говоритъ, что надобно прежде всего перевоспитать ихъ.

Гильфердингъ пишетъ изъ какого-то мѣстечка недалеко отъ Праги, пишетъ о жаждѣ сообщенія и знанія русской дѣятельности, которая существуетъ въ этихъ мѣстахъ, и о совершенномъ недостаткѣ средствъ удовлетворить этой жаждѣ, о равнодушіи русскихъ въ этомъ отношеніи; заключаетъ тѣмъ, что проситъ прислать книгъ русскихъ, хорошо написанныхъ, въ томъ числѣ, конечно, отесенькиныхъ и Константиновыхъ, проситъ сестеръ списать разные списки стиховъ Хомякова и другихъ, проситъ вырвать „Библіографическую хронику" изъ „Отечественныхъ Записокъ" и т. д. Словомъ сказать, не только самъ принялъ дѣятельное участіе, но и другихъ подвинулъ къ тому же. Честь и слава ему, это великое достоинство.—Константинъ и сестры немедленно же исполнятъ его порученія.

Константинъ, воротясь изъ Москвы, принялъ рѣшеніе написать письмо къ государю о томъ, что необходимо смѣнить Горчакова, указать на Ермолова, какъ на единственное народное имя, и вообще высказать мысли о настоящемъ положеніи, о томъ, что Севастополь временно уступленъ и т. д. Онъ и написалъ это письмо и взялъ его съ собой въ Москву. Послѣ же его отъѣзда прочли мы иностранные журналы и увидали изъ нихъ еще яснѣе, что у насъ идутъ сношенія съ Австріей и иностран-

ными державами, что мы все уступаемъ; чуть ли Севастополь не былъ отданъ единственно для благосклоннаго взгляда Австріи. Константинъ уѣхалъ въ Москву рано утромъ.

Послѣ отъѣзда Константина пріѣхали Пальчиковы отъ обѣдни, оба возмущенные, пораженные страшной вѣстью. Николай Васильевичъ, несмотря на свой положительный характеръ и свое благочестіе, говоритъ: „Мы не можемъ даже имѣть утѣшенія римлянъ посадить себѣ пулю въ лобъ". Всѣ думаютъ, что Горчаковъ или будетъ разбитъ, или, что всего вѣроятнѣе, непріятель высадится въ Евпаторіи, окружитъ его, и Горчаковъ съ торжествомъ положитъ оружіе. Пальчиковъ выходитъ изъ себя и говоритъ, что надѣется, что найдется кто-нибудь, кто свяжетъ его по рукамъ, и армія его не будетъ слушать. Къ несчастію, врядъ ли это возможно.

5-е сентября. Намъ прислали сказать изъ Хотькова, что ждутъ государыню къ вечернѣ. Сестры поѣхали, но понапрасну: государь и государыня проѣхали на другой день прямо къ Троицѣ, потому что дорога въ Хотьковъ въ самомъ дѣлѣ ужасна и еще хуже сдѣлалась отъ поправленія, потому что дождь размывалъ все, что накладывали. Маменька съ Наденькой ѣздили къ Пальчиковымъ прощаться, видѣли только одну Марью Алексѣевну.

6-е сентября. Константинъ воротился изъ Москвы вполнѣ разочарованный насчетъ министра. Подъ впечатлѣніемъ письма князя Вяземскаго, Константинъ пріѣхалъ къ министру и съ полнымъ довѣріемъ сталъ ему говорить, чего онъ желаетъ. Норовъ, что и Вяземскій, говорилъ ему, что правительство готово исполнить это желаніе, но надобно доказательство, ручающееся за его благонамѣренность, что его статья о родовомъ бытѣ самая вредная и т. д. Константинъ сказалъ, что онъ отъ своихъ убѣжденій не отказывается, что его статья не заключаетъ въ себѣ, по его убѣжденіямъ, ничего вреднаго. Константинъ былъ такъ пораженъ его рѣчами, что не вдругъ могъ понять смыслъ ихъ. Разумѣется, Константинъ держалъ себя свободно и говорилъ прямо и твердо. Не помню подробности разговора. Знаю только, что Норовъ, наконецъ, сказалъ: „Вяземскій мнѣ объ васъ сказалъ совсѣмъ другое, а теперь я вижу по вашему образу мыслей, что онъ совершенно ошибся". — „Что же я такое сказалъ, что вы можете заключать о моемъ образѣ мыслей?" — спросилъ Константинъ.—„Вы ничего не сказали",—отвѣчаетъ Норовъ,—„но я не даромъ жилъ на свѣтѣ и умѣю узнавать людей не только по

словамъ ихъ". Константинъ, видя, что разговоръ идетъ слишкомъ далеко, сократилъ его, сколько возможно, и сказалъ, что онъ видитъ, что ему нечего ожидать и т. д. Между тѣмъ, въ продолженіи разговора этотъ... Норовъ съ голосу, видно, твердилъ, что цензура у насъ дошла до нелѣпости, что скоро выйдутъ новыя инструкціи цензорамъ; и тутъ же—что хотя онъ очень любитъ Хомякова, но его стихи къ Россіи очень вредны и что „стихи „Бродяга", брата вашего, также никуда не годятся". — „Что же такого въ „Бродягѣ" вреднаго?"—сказалъ Константинъ. „Какъ же, онъ выставляетъ въ такомъ привлекательномъ видѣ бродяжничество". Что послѣ этого говорить! „И это министръ народнаго просвѣщенія, — справедливо сказалъ Константинъ, — онъ лично министръ, но только *народнаго помраченія*". Чего тутъ ждать! Конечно, очень жаль, что Константинъ съ нимъ видѣлся потому что эта попытка совершенно закрыла даже возможность въ будущемъ получить снятіе подписи и убѣдила этого сумасброда, что Константинъ и ему подобные просто бунтовщики, по крайней мѣрѣ, онъ едва не высказалъ этого. Прощаясь, онъ нѣсколько старался сгладить свои рѣчи и подалъ руку. Константинъ былъ взбѣшенъ и огорченъ.—Вѣсти все тѣ же. Государь перемѣнилъ маршрутъ и, вмѣсто Варшавы, ѣдетъ въ Николаевъ, куда еще 3 числа уѣхалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Говорятъ, великіе князья были у Ермолова и онъ имъ сказалъ: „Спасайте Николаевъ". — Погодинъ видѣлъ великаго князя Константина Николаевича въ Оружейной палатѣ въ день его отъѣзда и говорилъ съ нимъ долго, но разговора не разсказываетъ; Погодинъ только передалъ эти слова: Константинъ Николаевичъ, прощаясь съ Погодинымъ, взялъ его за руку и сказалъ: „Благодарю васъ и всѣхъ, кто имѣетъ ко мнѣ довѣріе" (или надѣется на меня, не помню хорошенько). Эти слова странны. Вѣроятно, они были вызваны словами Погодина, во всякомъ случаѣ, со стороны Константина Николаевича они не совсѣмъ осторожны.—Государь принималъ купцовъ очень ласково, но Черткову сказалъ:—„Я очень люблю быть благодарнымъ, но, къ сожалѣнію, мнѣ не за что васъ благодарить". Впрочемъ, потомъ по добротѣ своей ему стало жаль, и онъ сказалъ Закревскому, чтобы онъ увѣрилъ Черткова и дворянство московское, что онъ не сердится. Капниста удалили изъ губернаторовъ, но зато сдѣлали сенаторомъ. Говорятъ, что подтверждаются слухи объ измѣнѣ генерала Жабокрицкаго, его поймали

казаки въ то время, какъ онъ переговаривался съ непріятелемъ; что въ этомъ дѣлѣ не безъ измѣны, въ этомъ мудрено сомнѣваться. Пріемомъ государыни всѣ довольны, говорятъ, будто бы она не велитъ себя иначе называть, какъ madame, разговаривала просто о вещахъ дѣльныхъ, не такъ, какъ прежняя государыня, которая тоже пріѣхала, остановилась въ такъ называемой Александріи, почти за городомъ, т. е. въ своемъ дворцѣ, возлѣ Нескучнаго сада; говорятъ, государя окружаетъ цѣлая семья Адлербер-говъ, Долгорукихъ, Барятинскихъ и образуютъ camarill'ю, сквозь которую нѣтъ къ нему доступа; говорятъ, самъ Бажановъ, духовникъ государя, сказалъ съ отчаяніемъ: „Какіе люди окружаютъ его!“ — Каковы наши сенаторы — отличились! Одинъ изъ нихъ самъ разсказывалъ, что они представлялись цѣлымъ сенатомъ государю, представившись, вздумали зайти поклониться Орлову, Адлербергу и, наконецъ, къ Долгорукову. „Я было не хотѣлъ, говоритъ Казначеевъ, но меня уговорили“. И такъ въ цѣломъ составѣ явились они къ этому мальчишкѣ передъ ними, который прежде былъ всѣхъ моложе чиномъ, человѣку, который обязанъ своимъ повышеніемъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и который такъ губитъ Россію. Но зато онъ ихъ такъ принялъ, что они сами не рады были. Онъ принялъ ихъ стоя и едва кивнулъ имъ головой, одному кому-то сказалъ: „А помнишь, какъ я былъ подъ твоей командой?“ Потомъ кивнулъ еще разъ всѣмъ головой, сказавши „прощайте“, и сенаторы удалились. Вотъ подлость, которой нѣтъ названія, не вынужденная, непрошенная, такъ изъ удовольствія подличать. Получены журналы иностранные, напечатана статья изъ Journal des Debats объ Горчаковѣ, по поводу найденнаго на Реадѣ его плана сраженія и инструкцій. Надобно отдать справедливость французамъ, они съ благороднымъ негодованіемъ говорятъ о недостаткахъ, или лучше о совершенной неспособности непріятельскаго главнокомандующаго; имъ, конечно, выгоднѣе, что такой неспособный генералъ командуетъ нашими войсками, дѣлаетъ ошибки, губитъ войска безъ нужды, въ глазахъ своихъ даетъ ихъ истреблять, не посылая имъ подкрѣпленія, тогда какъ возлѣ него стоитъ резервный корпусъ въ 30000; но они безпристрастно возмущаются этимъ и, конечно, удивляются, что цѣлая армія и судьба Россіи ввѣрены такому человѣку. Боже мой, Боже мой, хоть бы повѣрили иностраннымъ отзывамъ о Горчаковѣ! Но ничто не помогаетъ. — Еще въ началѣ войны при Николаѣ Павловичѣ англичане объявили, что *имъ нечего*

бояться, пока Нессельроде управляетъ русской политикой, потому что Нессельроде вполнѣ раздѣляетъ взгляды Англіи (Сеймура конфиденціальное донесеніе). И что же, Нессельроде и теперь продолжаетъ дѣйствовать также и губить Россію. Божіе наказаніе явно во всемъ!

7-е сентября. Государь съ государыней проѣхали къ Троицѣ, а за ними всѣ великіе князья и княгини, еще вдовствующая императрица, принцы и принцессы.

На другой день, 8 числа, Константинъ съ Надей и Соничкой поѣхали къ Троицѣ, чтобъ ихъ видѣть, но въ церковь не рѣшились взойти, потому что въ дверяхъ было тѣсно, впрочемъ они очень жалѣли послѣ, что не пробрались, потому что въ самой церкви было просторно и вдоволь бы тамъ наглядѣлись на государя и государыню, слышали бы молебенъ и молитву Филарета, которую онъ произнесъ къ преподобному Сергію и которая всѣхъ заставила плакать. Государыня же, говорятъ, заливалась слезами. Наши простояли часа три на площади и видѣли ихъ только, какъ они прошли мимо ихъ. Государь былъ также печаленъ, и поражалъ всѣхъ и худобой и грустью, которая выражалась у него на лицѣ. Накунунѣ они были у всеношной, служили молебенъ и также всѣ усердно молились, а за обѣдомъ Филаретъ вручилъ по просьбѣ государя образъ складной на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія, который былъ прежде въ походѣ съ царями Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Великимъ и съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. О, да поможетъ намъ своими святыми молитвами преподобный Сергій, какъ помогалъ онъ столько разъ русской землѣ въ тяжкія времена! Преподобный отче Сергій, моли Бога о насъ! Наши воротились къ обѣду. Получены газеты и письма, въ газетахъ почти никакихъ извѣстій. Горчаковъ выводитъ всѣхъ изъ терпѣнія своими донесеніями, что въ Крыму ничего новаго не происходитъ.—Непріятель уже начинаетъ занимать Севастополь.

Письмо получено отъ Трушковскаго изъ Полтавской деревни. Вездѣ только бѣдствія и бѣдствія, въ тѣхъ губерніяхъ и неурожаи и засуха и болѣзни и, наконецъ, саранча въ Херсонской губерніи поѣла все, что и было.—Это древнія казни. Видимо—надъ нами гнѣвъ Божій.

Константинъ написалъ къ Вяземскому письмо, въ которомъ онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Норовымъ, что письмо его, т. е. Вяземскаго, возбудило въ немъ надежды

и желаніе содѣйствовать по мѣрѣ силъ, но что послѣ свиданія съ министромъ онъ вполнѣ убѣдился, что никакая литературная дѣятельность невозможна, что всѣ его надежды разлетѣлись и т. д. Константинъ, несмотря на наши убѣжденія, все-таки прибавилъ, что проситъ его, т. е. Вяземскаго передать министру, что онъ никогда не отречется отъ своихъ убѣжденій.

Въ газетахъ напечатана статья Вяземскаго, которая привела насъ въ отчаяніе. Такъ вотъ его взглядъ, вотъ чего онъ хочетъ, что онъ подразумѣвалъ подъ словами своими въ письмѣ къ Константину, что долженъ быть единъ пастырь и едино стадо т. е. что министерство будетъ по своему позволенію управлять не только цензурой, но и направленіемъ литературы, *мыслями* авторовъ. До сихъ поръ ихъ стѣсняли въ выраженіяхъ, а теперь хотятъ и мысли ихъ сдѣлать казенными и всѣ ихъ внутреннія движенія души.—Правительство наше себѣ даже приписываетъ русское направленіе, хочетъ забѣжать впередъ всякому живому движенію, даже въ литературѣ, и парализировать его, наложивши на все казенную свою печать. Конечно, такимъ образомъ они разгонятъ всѣхъ честныхъ и истинныхъ русскихъ двигателей мысли и направленія. Имъ нужны Майковы, вотъ идеалъ ихъ русскаго направленія и благонамѣреннаго казеннаго писателя. Майковъ, который писалъ еще при Николаѣ Павловичѣ, что надобно только русскаго человѣка для его совершенствованія „во фракъ одѣть могучій станъ", а при Александрѣ Николаевичѣ восхваляетъ Москву и поклоняется Николаю Павловичу. Этотъ Майковъ хотѣлъ было лѣтомъ пріѣхать знакомиться въ Абрамцево, но ему посовѣтовали этого не дѣлать.—Чего ждать отъ Вяземскаго. Это хуже нежели гоненіе на литературу, намѣреніе сдѣлать ее казенной.—Въ этихъ же газетахъ, такъ между прочимъ, сказано, что австрійскій эрцъ-герцогъ назначается шефомъ одного полка. Каково, въ такое время такая подлость передъ австрійцами! Чего же ждать послѣ этого!

Воротились наши дѣвушки отъ Троицы, ходили Богу молиться, а между тѣмъ и насмотрѣлись вдоволь на государя и государыню и всѣхъ князей, княгинь и принцевъ. Государыня, какъ они разсказываютъ, плакала, какъ потерянная; народъ говоритъ, что она плачетъ оттого, что провожаетъ государя на войну; государь тоже очень печаленъ. Они пріѣхали вмѣстѣ и ходили вездѣ подъ ручку. Вездѣ молились усердно, со слезами. Когда государь шелъ между народомъ, то просилъ всѣхъ не

кричать громко. „*Тише, тише*“. Народъ говоритъ: „*ему не нравится, что мы кричимъ не складно, не по солдатски*“. Тутъ былъ одинъ раненый солдатъ изъ Севастополя, государь разспрашивалъ его долго, далъ ему денегъ и куда-то его велѣлъ помѣстить. Наслѣдникъ, очень небольшой, худенькій мальчикъ, разговаривалъ съ солдатами. „Послужите моему папашѣ, вы хотя стары, но нечего дѣлать, некѣмъ взяться, теперь скоро кончится война“. Я передаю разсказы дѣвушекъ. Послѣ уже услыхали мы, что они между собой разсказывали: „вотъ и государь на всѣхъ не угодитъ, народъ его такъ и пушитъ, пушитъ. Вотъ, говорятъ, Севастополь отдалъ—пріѣхалъ Богу молиться“. Онѣ намъ не хотѣли и разсказывать этого. Поразительно это явленіе, оно меня обдало какимъ-то ужасомъ, страшный приговоръ. Онъ молится, плачетъ, а народъ немилосердно произноситъ ему судъ, какъ бы не благословляя его молитвы. Несчастный государь! Страшно что-то роковое преслѣдуетъ его. Господи, помилуй насъ! Государыня Марія Александровна одѣта чрезвычайно просто, государыня Александра Ѳедоровна съ сѣдыми локонами, въ grande tenue,—по прежнему. По отъѣздѣ государя съ женой Александра Ѳедоровна служила въ соборѣ панихиду по Николаѣ Павловичѣ, велѣно было растворить всѣ двери, впустить простой народъ, раздать всѣмъ свѣчи, такъ что и внѣ церкви стояли и молились.

Ихъ столько наѣхало къ Троицѣ, что должно было занять квартиры ректора, и инспектора и т. д. Говорятъ, новый дворъ отличается не только отсутствіемъ роскоши, но и расчетливостью; все хорошо, потому что слишкомъ много даромъ тратилось денегъ, но не дай Богъ скупости—это не хорошо.

9 сентября. Съ почты однѣ московскія газеты, депешъ отъ Горчакова нѣтъ, невыносимо томительно это неизвѣстіе, да и депеши бываютъ такого рода, что только возмущаютъ своею неудовлетворительностью. Донесенія Муравьева совсѣмъ другого рода, въ этомъ номерѣ есть отъ него донесенія.

10 сентября. Сестры пошли пѣшкомъ къ Троицѣ, а маменька поѣхала туда же ко всенощной и завтра послѣ обѣдни воротится. Было довольно тепло, хотя и вѣтрено. Послѣ обѣда мы сидѣли, отесенька, Константинъ, Машенька и я въ гостиной, когда пріѣхала Прасковья Андреевна Васькова изъ Москвы. Она проводила мужа изъ Москвы и очень груститъ. Разсказывала нѣкоторыя подробности о впечатлѣніи послѣ извѣстія о сдачѣ

Севастополя; всѣ были поражены и возмущены до крайности, всѣ кричали противъ Горчакова, называли его измѣнникомъ, нашли, что и отецъ его измѣнникъ (но это не отецъ его) и что онъ самъ женатъ на англичанкѣ (и это впрочемъ ошибочно). Кто говоритъ, что лавки на Смоленскомъ заперли, по случаю ужаснаго извѣстія.

Но вообще народъ былъ смущенъ, огорченъ и недоволенъ, особенно купцы явно высказывали. Ѳедоръ Ивановичъ Васьковъ представлялся государю; онъ спросилъ только, какого ополченія. Государь сдѣлалъ смотръ Вологодскому ополченію и остался очень доволенъ, а оно, говорятъ, хуже Костромского. Вологодская одна дружина, что пришла, то разбила кабакъ—на Воробьевыхъ горахъ. Государь уѣхалъ въ ночь съ братомъ Михаиломъ Николаевичемъ въ Николаевъ; прежде нихъ туда-же поѣхалъ и Николай Николаевичъ! Что то они тамъ сдѣлаютъ! Хорошо, еслибъ смѣнили, по крайней мѣрѣ, Горчакова: иначе наша армія погибнетъ.

Новаго министра Ланского хвалитъ Прасковья Андреевна, она его знала еще, когда онъ былъ губернаторомъ въ Костромѣ; говорятъ, честный, благородный, умный человѣкъ, но аристократъ и гордъ. Онъ сказалъ рѣчь своимъ чиновникамъ, говорятъ, очень хорошо. Прасковья Андреевна Васькова знаетъ также хорошо Муравьева, главнокомандующаго въ Азіи, и много про него разсказывала,—человѣкъ безспорно умный, но такой чудакъ, что трудно вообразить себѣ; человѣкъ холодный, даже жестокій, а между тѣмъ способный оцѣнить душою доброе вниманіе. Жена его чудачка еще болѣе его, она—урожденная Чернышева.

На другой день, т. е. *11-го въ воскресенье*, воротились наши отъ Троицы, привезли много писемъ, московскія газеты, иностранные журналы. Въ Journal de Francfort объявлено, что мы оставили Петропавловскъ при приближеніи англійской эскадры; мы знали еще лѣтомъ, что рѣшено было его оставить, но что въ этомъ утѣшительнаго, если мы такимъ образомъ предоставимъ всѣ свои берега во владѣніе врагамъ своимъ! А въ нашихъ газетахъ еще не было.—Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣчательная статья Погодина о пребываніи государя въ Москвѣ (ему было поручено написать). Хотя эта статья начинается довольно пошлымъ тономъ и безъ особеннаго достоинства и въ самой статьѣ есть выраженія вовсе лишнія, несправедливыя и слишкомъ вѣрноподданныя, но вся статья замѣчательна свободнымъ, откры-

тымъ языкомъ, которымъ говорится съ государемъ и объ государѣ, объ настоящихъ событіяхъ, объ настоящемъ положеніи Россіи, объ ея потребностяхъ и т. д. Оканчивается статья: мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, поощреній, льготъ, наряду. (Это слово немногіе поймутъ въ смыслѣ порядка).

Но что значатъ всѣ эти статьи. Вѣдь если онѣ и пропущены, такъ они все-таки ни къ чему не обязываютъ, а только еще болѣе вводятъ въ заблужденіе насъ, легковѣрныхъ, которые хотимъ изъ всякаго явленія вывести себѣ какое-нибудь послѣдовательное заключеніе и строимъ безпрестанно воздушные замки на такихъ непрочныхъ основаніяхъ. Этимъ только насъ мажутъ по губамъ и заставляютъ пребывать въ пріятномъ ожиданіи. Рескриптъ государя къ Закревскому о благодарности государя къ Москвѣ очень хорошій: видно, что онъ человѣкъ прекрасный, душа, способная чувствовать все доброе, но нѣтъ энергіи, нѣтъ силы, а это для государя плохо. — Я, признаюсь, начинаю терять всякую надежду и часто сильно сержу Константина и другихъ своими нерадостными заключеніями. Константинъ особенно все еще надѣется на государя и ждетъ отъ него много добра. Невыносимо больно читать и убѣждаться, что Горчаковъ даромъ отдалъ Севастополь. Сами враги наши этого не ожидали. Каково ихъ торжество, и каково наше горе, безутѣшное и безполезное сокрушеніе! Неужели не смѣнятъ и теперь Горчакова? Но какъ имъ смѣнить, когда самъ государь далъ на то согласіе! Это невыразимо возмутительно!—Ясно, что надѣялись, отдавши Севастополь, заключить миръ, или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти союзъ съ Австріей. И право, мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что и въ сдачѣ Севастополя не безъ участія Нессельроде, для котораго Севастополь былъ препятствіемъ для заключенія союза съ Австріей и спасенія ея! Ну, право, я не могу повѣрить, чтобъ тутъ не было измѣны и подкупа. Кого ни спросите о Нессельроде, всякій говоритъ самымъ утвердительнымъ тономъ: „О, Нессельроде, извѣстно, самый корыстный человѣкъ!“ Если онъ корыстный человѣкъ, то неужели онъ могъ устоять отъ подкупа, который, конечно, не преминули ему предложить наши враги, особенно зная его корыстолюбіе.—Всѣ его дѣйствія до сихъ поръ только клонились къ гибели Россіи, къ униженію ея и къ пользамъ враговъ нашихъ. Одно это выраженіе въ его прежней депешѣ— uniquement pour les interets de l'Autriche et de l'Allemagne nous faisons un immense sacrifice,-развѣ не оправдалось теперь:

мы избавили Австрію отъ войны, которая была бы ей гибельна, и намѣренно привлекли войну на свою землю. Сохраняя безопасность Австріи, мы погубили Россію. О Боже мой, это невыносимо, и этотъ Нессельроде продолжаетъ управлять всѣмъ! И Долгорукій и Горчаковъ—всѣ трое губятъ Россію и сотни тысячъ несчастныхъ безнаказанно въ глазахъ всѣхъ. Божье наказаніе. Ужасное время!

12 сент., понедѣльникъ. Олинька хочетъ воспользоваться хорошей погодой и переѣхать заранѣе въ Москву къ Занденъ, покуда мы не сыщемъ дома. Завтра мы ѣдемъ.

13 сент. Мы поѣхали въ Москву, т. е. Олинька, Константинъ, Любинька и я; пріѣхали благополучно; разумѣется, Олинька устала, устроились у Занденъ. Мы съ Любой успѣли еще сходить ко всенощной въ нашъ приходъ наканунѣ Воздвиженья; служатъ очень хорошо, и молятся усердно. На другой день т. е. 14-го, были у обѣдни и также остались довольны. Потомъ я ѣздила съ Константиномъ къ Погодинымъ, но его не было въ Москвѣ, онъ поѣхалъ проводить Уварову въ ея деревню. Сашенька Погодина сказала только, что Михаилъ Петровичъ одинъ разъ показывалъ наслѣднику Москву, очень хвалилъ наслѣдника: въ этотъ день онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ дѣтьми государя. Къ нимъ всходилъ великій князь Константинъ Николаевичъ и спросилъ дѣтей, хорошо ли ихъ кормятъ? Одинъ отвѣчалъ: сегодня то хорошо, а не всегда такъ. Въ другой разъ Погодина приглашали, но онъ отказался, потому что хотѣлъ ѣхать за Уваровой. Наканунѣ Томашевскій разсказывалъ Константину, какъ сильно перетревожила придворныхъ статья Погодина, которые особенно недовольны его вліяніемъ. Томашевскому разсказывалъ кто-то изъ нихъ съ неудовольствіемъ, что Погодина очень ласкаютъ, что онъ былъ у императрицы Марьи Александровны и говорилъ съ ней часа три (это впрочемъ несправедливо) и что поговариваютъ объ томъ, что Погодина сдѣлаютъ воспитателемъ.

Вообще Погодина статья произвела большой шумъ; большею частью всѣ довольны, но знать и придворные перетревожились не на шутку, особенно потому что князь Долгорукій, которому за болѣзнью Адлерберга долженъ былъ Погодинъ подать свою статью на разсмотрѣніе, не соглашался пропустить ее въ томъ видѣ, какъ она была, и просилъ Погодина измѣнить нѣкоторыя выраженія, но Погодинъ не согласился; одно только измѣнилъ, вмѣсто: „Государь, дай намъ средства

учиться“ и т. д. онъ поставилъ: „Государь, ты даруешь намъ много средствъ и т. д.“ Долгорукій не соглашался, и Погодинъ не уступалъ, просилъ его показать государю. Государь прочелъ и, видно, со вниманіемъ, потому что поправилъ даже ошибку Погодина въ годѣ: онъ упоминаетъ о 1837-мъ, а это былъ 1838-ой, и подписалъ *можно*. Долгорукій вышелъ съ извиненіемъ, что онъ вѣроятно не такъ понялъ его слова, что государь одобрилъ и т. д

Вѣсти изъ Крыма самыя дурныя, а ожидаютъ еще худшихъ: всѣ думаютъ, что Горчаковъ дастъ себя отрѣзать и погубитъ армію или положитъ оружіе.—Петропавловскъ точно оставленъ, но говорятъ, что это очень хорошій съ нашей стороны военный маневръ. Англичане бѣсятся, что проглядѣли наши корабли.—Враги наши торжествуютъ; впрочемъ довольно странно, что даже во Франціи фонды упали, и въ народѣ незамѣтно особенной радости. Что бы это значило? Испугала ли сама побѣда надъ такимъ сильнымъ противникомъ, или усилившееся могущество одного человѣка, какъ Луи Наполеона, или неизбѣжность продолженія войны, только это подтверждаютъ всѣ журналы и даже Монитеръ старается объяснить это тѣмъ, что первую минуту нельзя было понять огромность побѣды и слѣдствіе ея. И точно, слѣдствія ея неисчислимы и для насъ и для нихъ, для насъ самыя горестныя, для нихъ самыя выгодныя. Подробности этого несчастнаго дня еще не напечатаны, но напечатанъ приказъ Горчакова по арміи, который я не имѣла духу дочитать съ перваго раза: такъ онъ возмутилъ мою душу. Очевидно, что Горчаковъ долженъ былъ оправдаться, но его оправданіе вдвое болѣе его обвиняетъ. Ясно видно изъ его собственныхъ словъ, что онъ не допустилъ отбить Малахову башню, потому что *во всякомъ случаѣ рѣшился сдать Севастополь*, и что теперь у него руки развязаны, что теперь они сразятся въ полѣ, что гораздо болѣе свойственно русской арміи, и т. д. и т. д. Немного надобно имѣть здраваго толку, чтобы понять всю безсмысленность этихъ словъ, и тому подобныхъ, что въ 1812-мъ году была *отдана Москва*, а теперь и Севастополь *отданъ*, и что, щадя драгоцѣнную кровь, онъ рѣшился сдѣлать это и т. д. Какъ будто онъ ее этимъ сохранилъ, что сбросилъ единственную точку опоры во всемъ Крыму, какъ будто онъ не вдесятеро болѣе и безполезнѣе прольетъ ее теперь, когда они даже не защищены укрѣпленіями. О, безсовѣстный лгунъ, кого онъ думаетъ надуть этимъ? И развѣ все равно Москва, что

Севастополь? Москва въ серединѣ земли, могли-ли тамъ долго оставаться враги; Москва не была ни укрѣплена, не была въ продолженіи цѣлаго года защищаема такъ безпримѣрно, такъ геройски; — а Севастополь на краю моря, которымъ вполнѣ владѣютъ наши враги. — Въ Севастополѣ они могутъ навсегда утвердиться и мы тогда, конечно, ихъ уже оттуда не выбьемъ; вмѣстѣ съ Севастополемъ мы теряемъ флотъ и Черное и Азовское моря. Въ Севастополь стеклись всѣ силы, всѣ средства для обороны въ Россіи, все нравственное значеніе и сила привязывалась къ его защитѣ; сколько неимовѣрныхъ трудовъ, нечеловѣческихъ подвиговъ было поднято за его защиту, сколько драгоцѣнной крови пролито, какое право имѣлъ онъ пренебречь всѣмъ этимъ, когда онъ могъ бы его удержать? Вездѣ приступы были блистательно отбиты, но онъ самъ говоритъ, что рѣшился *во всякомъ случаѣ оставить Севастополь.* Послѣ этого, разумѣется, можно себѣ вообразить, будетъ ли человѣкъ употреблять всѣ усилія, чтобы удержать, отстоять то, что онъ рѣшился отдать *во всякомъ случаѣ.* Ему, напротивъ, нужно было уступить Малахову башню для того, чтобъ имѣть предлогъ оставить Севастополь, что даже говорятъ иностранные журналы *pour avoir le pretexte d'être forcé d'abandonner la ville.* О злодѣй, нѣтъ словъ и названія достойнаго ему... Говорятъ, не онъ виноватъ, а Коцебу: для меня все равно,—онъ не раздѣленъ съ своимъ мошенникомъ Коцебу, котораго и тутъ еще имѣетъ духъ восхвалять. И мы смотримъ на то, какъ гибнутъ сотни тысячъ людей жертвой такихъ злодѣевъ, и гибнетъ вся Россія! Сердце разрывается на части. — И это допустилъ самъ государь! не могу съ этимъ примириться.

И какъ онъ просто лжетъ въ своихъ донесеніяхъ, этотъ Горчаковъ! Отдавши Севастополь, онъ писалъ, что теряетъ каждый день по 2500 человѣкъ, а тутъ выходитъ, что въ три или четыре дня послѣднихъ потерялъ всего 3000 съ чѣмъ то.

Говорятъ, Горчаковъ хорошій человѣкъ. Нѣтъ, онъ не хорошій человѣкъ, потому не отказался давно отъ начальства; если бъ онъ былъ добросовѣстный человѣкъ, то онъ не взялъ бы на себя такой отвѣтственности; особенно онъ самъ писалъ еще въ началѣ войны, что онъ всегда несчастенъ, что всѣ его дѣйствія неудачны. О, когда-нибудь тутъ откроется болѣе намѣреннаго, нежели случайнаго! Если не онъ самъ, то окружающіе его и высшіе распорядители...

На другой день Константинъ пошелъ вечеромъ узнать въ домъ Самарина, не тамъ ли его братъ. Каково было его удивленіе, когда онъ нашелъ тамъ Юрія Самарина, и каково было его пораженіе, когда тотъ сказалъ ему, что онъ идетъ въ ополченіе. Онъ не желалъ, разумѣется, но былъ выбранъ и не захотѣлъ отказаться; меньшого же брата своего, скромнаго и молодого человѣка, онъ не хотѣлъ пустить вмѣсто себя, потому что и въ Оренбургской и Самарской губерніи уже получены предварительныя бумаги объ ополченіи и что легко можетъ достаться кому-нибудь изъ нашихъ, особенно потому что дворянъ такъ мало въ этихъ губерніяхъ. Самаринъ совершенно убитъ настоящими событіями, ничего, разумѣется, добраго не ожидаетъ и говоритъ, что хотя не желалъ ополченія, но покоряется ему съ мыслью, что будетъ, по крайней мѣрѣ, чувствовать на себѣ также часть тягости общей. Онъ еще мечталъ, что можетъ принести какую-нибудь пользу, что это будетъ случаемъ сблизиться съ народомъ, но когда Константинъ сообщилъ ему, что пишетъ Иванъ, какъ ратниковъ искажаютъ скоро всѣ офицеры, какое вредное они имѣютъ на нихъ вліяніе, каковы сами офицеры, какъ въ этой безобразной массѣ ничего не значитъ голосъ одного человѣка,—Самаринъ вполнѣ согласился. Много они разговаривали, и неутѣшительныя были ихъ сообщенія другъ другу. Самаринъ не ожидаетъ ничего ни отъ кого.—Самаринъ вскочилъ съ мѣста, когда Константинъ подтвердилъ ему слухъ (которому Самаринъ не хотѣлъ вѣрить), что австрійскому эрцгерцогу данъ полкъ! Пріѣхалъ въ Москву князь Васильчиковъ, который говоритъ, что бомбардированіе было невыносимо, что у Горчакова бываютъ прекрасныя мысли, но что его сбиваетъ его Коцебу, который и воръ и трусъ. (Видимо, что Васильчиковъ старается защитить Горчакова, но не все ли равно, или даже для всѣхъ насъ не хуже ли, что Горчаковъ благонамѣренностью своею прикрываетъ мошенника).Курское ополченіе сражалось отчаянно топорами и изъ двухъ дружинъ много выбыло народу. Самарина братъ раненъ на вылетъ въ обѣ ноги; это счастливо, а брату Лидіи Воейковой (молодой человѣкъ, 18 лѣтъ) должны были отнять ногу. Ужасно, ужасно!—

Константинъ воротился поздно домой, но я еще не спала. Какъ поразило и огорчило меня извѣстіе о томъ, что Самаринъ идетъ въ ополченіе, и за него и за насъ, и главное испугало меня назначеніе ополченія въ Самарской и Оренбургской гу-

берніяхъ. Сохрани Боже, если братьевъ выберутъ, особенно Константина! Гриша можетъ быть квартирмейстеромъ, а Константинъ, неужели фронтовымъ офицеромъ? Боже мой, обидно за такихъ людей, что они должны употребить себя на такія дѣла, которыя лучше ихъ исполнитъ всякій, а они понапрасну оторвутъ себя отъ своей полезной дѣятельности. И что это за ополченіе: это—рекрутскій наборъ съ дворянъ и все это на жертву Горчакова для того, чтобы онъ могъ постоянно отступать съ большимъ успѣхомъ. Это возмутительно. Подымая ополченіе, должно было, по крайней мѣрѣ, уважить ихъ выборъ главнаго начальника. Зачѣмъ не назначили Ермолова! Такая унизительная безсмысленно веденная война хуже унизительнаго мира.—Боже мой, какъ все становится страшнѣе и общія современныя обстоятельства все ближе къ каждому.—

Про Бибикова разсказываютъ, что его отставка была слѣдующимъ образомъ. Бибиковъ не просилъ аудіенціи у новаго государя въ продолженіи 6 мѣсяцевъ. Государь передъ отъѣздомъ наконецъ призвалъ его и сказалъ: — „Что это значитъ? дѣла въ вашемъ министерствѣ идутъ дурно, а вы до сихъ поръ не просили у меня аудіенціи?“ — „Что дѣла въ министерствѣ идутъ дурно, это совершенно справедливо, но они и не могутъ идти иначе, когда министръ не пользуется довѣріемъ государя“, —отвѣчалъ Бибиковъ. „Это правда,—сказалъ государь,—и потому я уже приготовилъ человѣка, чтобъ замѣнить васъ“.—Вслѣдъ за этимъ послѣдовало увольненіе изъ министерства, и государь уѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ въ Москву Бибиковъ послалъ просьбу объ увольненіи его изъ всѣхъ должностей, что и было исполнено, и Бибиковъ, говорятъ, теперь ходитъ въ штатскомъ платьѣ. —Отставка Бибикова обрадовала, говорятъ, всѣхъ, но кажется радоваться нечему: другихъ отставокъ, какъ ожидали въ первую минуту, до сихъ поръ не послѣдовало и врядъ-ли послѣдуетъ, а Бибиковъ отставленъ за то, что былъ за эмансипацію. Конечно, большая часть помѣщиковъ радуется тому, что свободнѣе будутъ управляться съ своими крѣпостными.

Цѣлый день въ Москвѣ употребили мы на исканіе домовъ, много пересмотрѣли. Возвратившись одинъ разъ усталыя домой, мы были такъ обрадованы извѣстіемъ, которое сообщила намъ Оленька (былъ Казначеевъ и передалъ его, какъ самое вѣрное), что Лидерсъ, наконецъ, назначенъ на мѣсто Горчакова. Нельзя передать нашей радости, на душѣ отлегло. „Слава Богу“—сказали

мы, точно услыхали о побѣдѣ; и въ самомъ дѣлѣ это стоило-бы побѣды. Казначеевъ звалъ Константина къ себѣ, потому что ему хотѣлось сообщить ему многое; Константинъ тотчасъ же поѣхалъ. Казначеевъ сказалъ ему, что знаетъ изъ вѣрнаго источника, что теперь начинается настоящая война, признанъ истинный смыслъ ея, что поручается Лидерсу команда, что Горчаковъ на мѣсто Долгорукова, что Долгоруковъ на мѣсто Орлова, что Остенъ-Сакенъ на мѣсто Лидерса. Признаюсь, эти перемѣщенія стольких людей заразъ заставили насъ усомниться въ истинѣ перваго и уменьшили нашу радость. А какъ необходимо было-бы смѣнить Горчакова, въ этомъ можно было удостовѣриться по тому чувству радости и одобренія, которое каждый испыталъ при этомъ извѣстіи. И какъ это возбудило-бы расположеніе къ государю! Какъ освѣжила и одобрила бы эта перемѣна наше несчастное войско, которое видитъ, что подъ командою Горчакова величайшіе подвиги храбрости остаются безполезны... И все-таки они отбили Севастополь, а онъ отдалъ!..

Одинъ вечеръ просидѣлъ у насъ Томашевскій. Константина не было дома. Томашевскій взялъ на себя обязанность оправдать передъ нами Закревскаго, но вмѣсто того, несмотря на всѣ его старанія, проговорился самъ и такимъ образомъ убѣдилъ насъ въ совершенно противномъ. — Въ Москвѣ всѣ говорятъ, что если виноватъ Капнистъ въ поставкѣ сукна, то и Закревскій не безгрѣшенъ; Томашевскій силился доказать противное, сказавъ ему: „Можетъ быть, вы и правы въ этомъ случаѣ, но зачѣмъ могутъ существовать такія обвиненія, я представляю вамъ общій голосъ, а онъ противъ Закревскаго". Рѣчь коснулась Ермолова, Томашевскій пустился обвинять Ермолова за его письмо и сталъ разсказывать, какъ дѣло было, что Закревскій спросилъ только частнымъ образомъ сына Ермолова, думаетъ ли его отецъ баллотироваться, потому что онъ слышалъ, что Москва хочетъ его выбирать, и вдругъ на другой день получаетъ такое письмо отъ Ермолова, которое Ермоловъ поспѣшилъ распустить въ ту же минуту по городу; что это поступокъ скверный и что само письмо вредное, потрясаетъ права царя, возмущаетъ противъ его власти. „Ну и, можетъ быть, Закревскій донесъ объ немъ",—прибавилъ Томашевскій, вѣроятно думая, что мы о томъ уже слышали. Конечно, достаточно было этихъ словъ, чтобъ объяснить намъ, въ чемъ было дѣло: этотъ подлецъ Закревскій донесъ на Ермолова, что

онъ опасенъ, особенно можетъ быть, если ему дать власть и команду, что онъ бунтуетъ противъ законной власти и т. д. И, вѣроятно, помѣшалъ назначенію Ермолова на болѣе важное мѣсто, и—какая мерзость!—все изъ личной вражды. До сей поры, говорятъ, они были въ хорошихъ отношеніяхъ. Мы съ Любой горячо спорили съ Томашевскимъ и такъ какъ онъ былъ не правъ и тоже изъ личныхъ отношеній, (сынъ его служитъ у Закревскаго), защищаетъ неправду, то часто онъ не зналъ, какъ возражать, такъ что намъ было забавно видѣть его усилія переубѣдить насъ.—Константинъ опять былъ у Самарина и видѣлъ тамъ Михаила Оболенскаго, который ему объявилъ, что великая княгиня Елена Павловна желаетъ познакомиться со всѣми замѣчательными и умными людьми въ Москвѣ и просила его доставить ей случай познакомиться съ Константиномъ. Михаилъ Оболенскій говоритъ, что Елена Павловна не требуетъ никакого этикета, принимаетъ у своей *фрейлины баронессы Раденъ*, что она знаетъ все и почему Москва не оказала рвенія и сочувствія къ ополченію. Константинъ недавно писалъ объ этомъ къ Дмитрію Оболенскому, и, вѣроятно, тотъ ей прочелъ письмо. Константинъ не только оправдываетъ, но считаетъ даже особеннымъ указаніемъ, что Москва показала равнодушіе. Оболенскій обѣщалъ, что какъ скоро Константинъ пріѣдетъ изъ деревни, онъ это устроитъ. Оболенскій самымъ убѣдительнымъ образомъ упрашивалъ Константина согласиться на это приглашеніе, но Константинъ не хотѣлъ и Самаринъ подсмѣивался, что его будутъ показывать, какъ медвѣдя и т. д. Къ тому же Константинъ думалъ, что мы на другой день рано ѣдемъ назадъ въ деревню. Оболенскій просилъ Константина сказать, гдѣ онъ остановился, предлагалъ проводить, но Константинъ не сказалъ ему своего адреса и не далъ ему себя проводить до дому. Впрочемъ, воротившись домой, Константинъ самъ нашелъ несправедливымъ такое упорство и почти согласился внутренно на это предложеніе. Когда же сообщилъ объ этомъ приглашеніи намъ, то мы всѣ такъ на него напали за нелѣпость и дѣтскость такого упрямства, что онъ легко согласился, тѣмъ болѣе что мы должны были провести еще день въ Москвѣ. Вслѣдствіе чего Константинъ и написалъ къ М. Оболенскому, что соглашается.

Нанимаемъ домъ; уѣзжаемъ 17-го. Пріѣзжаемъ домой въ 6-мъ часу къ обѣду. Разговоры, чтеніе журналовъ, иностранныхъ газетъ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Государь 9-го уѣхалъ изъ

Москвы. Пріѣхалъ дядя Аркадій Тимофеевичъ, привезъ много разсказовъ о выборахъ въ Симбирскѣ, о Самаринѣ, и о предстоящемъ ополченіи въ Самарѣ и Оренбургѣ.

25 сентября. Гости, письма, газеты.

26 сентября. Всѣ разъѣзжаются. Маменька ѣдетъ съ Наденькой и Любинькой въ Москву.

27 сентября, вторникъ. Съ почты одинъ „Journal de Francfort".— № 32 не присланъ, причина тому—статья о государѣ.

Середа 28 сентября. Пріѣхалъ утромъ Гиляровъ, разсказывалъ о книгѣ странствій Парфенія.

Четвергъ, 29 сентября. Получены письма отъ маменьки изъ Москвы.

30 сентября. Константинъ ходилъ пѣшкомъ къ Троицѣ, привезены два письма отъ маменьки, газеты. „Journal de Francfort" сообщаетъ, что флотъ появился передъ Одессой.

2 октября. Письма маменьки и сестеръ объ Самаринѣ. Депеши изъ Крыма и изъ Николаева. Враги идутъ на Бахчисарай. Много было толковъ и разсужденій. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ, наконецъ, циркуляръ Ланского къ предводителямъ, который такъ всѣ хвалятъ. Это аристократическое направленіе огорчаетъ насъ. Роковое ослѣпленіе, недостатокъ сочувствія къ народу и славянамъ. Ланской успокаиваетъ дворянъ въ томъ, что онъ будетъ поддерживать ихъ права и т. д.[1]).

---

[1] Отрывку дневника со словъ „Нанимаемъ домъ" и т. д. соотвѣтствуетъ слѣдующее, болѣе пространное изложеніе, которое находится въ рукописи дневника, но писано неизвѣстной рукой: „Нанимаемъ домъ; уѣзжаемъ 17-го; пріѣзжаемъ домой въ 6-мъ часу къ обѣду. Разговоры, чтеніе журналовъ, иностранныхъ газетъ и „Московскихъ Вѣдомостей"; депеши Горчакова, журналъ военныхъ дѣйствій, но съ исключеніемъ 27-го числа, описаніе котораго обѣщано послѣ. Государь 9-го уѣхалъ изъ Москвы. Пріѣздъ дяди Аркадія Тимофеевича. Вѣстей отъ Горчакова нѣтъ. Извѣстіе о назначеніи Лидерса не подтверждается. Пребываніе дяди Аркадія съ семействомъ. Чтеніе, разговоры, отчаяніе насчетъ Россіи, порча даже въ крестьянахъ. Разсказы о выборахъ въ Симбирскѣ, о Самаринѣ, о предстоящемъ ополченіи въ Самарѣ и Оренбургѣ, о пальто для ополченія. Походъ въ Индію—Перовскаго въ Азію.—Письмо Ивана объ ополченіи, о томъ, куда оно назначено, о неудовольствіи войска во время сдачи Севастополя.—Чтеніе отесенькиной тетради, Константиновой статьи объ Россіи, впечатлѣніе.

25 сентября. Гости, письма, газеты. Донесеніе Горчакова, побѣда какая-то въ Азіи; прежде еще донесеніе Горчакова о 27 числѣ; ясно видно, что онъ безъ нужды отдалъ, и все ложь и ложь и пр.—Письмо отъ Оленьки, о Погодинѣ, объ его статьѣ. Слово Ап. Вас. Путяты о впечатлѣніи этой статьи на

3 октября. Сегодня рано пріѣхалъ посланный изъ Москвы и привезъ намъ письма отъ маменьки съ такими вѣстями, которыя поразили насъ и смутили до крайности. *Одесса* взята, т. е. ее велѣно было отдать!... Что послѣ этого говорить? Одессу, которая прошлаго года была защищена двумя пушками, которую

придворныхъ;—Шипова объ ограниченныхъ правахъ.—Проповѣди Иннокентія. Толки въ народѣ, въ Симбирской и другихъ губерніяхъ. Гиляровъ. Слухи о волненіяхъ въ Москвѣ. О статьѣ о царствованіи Николая Павловича. Письма отъ Елагина, отъ М. Карташевской, отъ П. А. Васьковой, отъ Ивана (отъ Кулиша еще прежде).

26 сентября. Всѣ разъѣзжаются. Маменька ѣдетъ съ Наденькой и Любинькой въ Москву.

27 сентября, вторникъ. Съ почты одинъ „Journal de Francfort". Извѣстія въ немъ. № 32 не присланъ, причина тому статья о государѣ.—Наши разговоры.

Среда, 28 сентября. Пріѣздъ утромъ Гилярова, разсказы его, его отставка, заключеніе, почему. Слова Филарета. Разсказы о книгѣ странствій Парфенія; Тат. и Фед.; Ив. Яковл., его исторія.

Четвергъ, 29 сентября. Получены письма отъ маменьки изъ Москвы, отъ Кулиша, отъ Любен., московскія газеты, журналы иностранные—ихъ содержаніе.

Пятница, 30 сентября. Константинъ ходилъ пѣшкомъ къ Троицѣ; привезены два письма отъ маменьки, М. Карташевской, газеты, „Journal de Francfort". Флотъ появился передъ Одессой,—депеша сообщаетъ. По поводу государя нашего—разсужденія и статья о Нахимовѣ, разсужденія о дѣйствіяхъ Горчакова и государя,—намѣренія нашихъ враговъ, неудача подъ Евпаторіей, Врангель будетъ отрѣзанъ. Положеніе Австріи и Пруссіи, отношенія къ Франціи; Англія выставляетъ свой позоръ при Севастополѣ, бранитъ своихъ генераловъ и т. д.

2 октября. Письма маменьки и сестеръ объ Самаринѣ; объ ополченіи толки и вѣсти; чего ждать. Газеты московскія, депеши изъ Крыма и изъ Николаева. Враги идутъ на Бахчисарай; журналы иностранные—мы не стрѣляемъ. Переговоры Горчакова съ Пелисье. Австрія и Пруссія. Положеніе нашей арміи и т. д. Много было толковъ и споровъ и разсужденій. Въ московскихъ газетахъ напечатанъ, наконецъ, циркуляръ Ланского къ предводителямъ, который такъ всѣ хвалятъ. Это аристократическое направленіе огорчаетъ насъ. Роковое ослѣпленіе, недостатокъ сочувствія къ народу и славянамъ, аристократическое начало,—noblesse oblige. Конституція. Аристократія, Орловъ-Давыдовъ и др. О Николаѣ Павловичѣ и его непослѣдовательности сочувствія къ народу, къ славянамъ; его система, страхъ за крѣпость трона. Депеша Горчакова. Флотъ подъ Одессой. Приказъ государя. Недоумѣніе маменьки. Письмо-отвѣтъ отъ Самарина. Ланской успокаиваетъ дворянъ въ томъ, что онъ будетъ поддерживать ихъ права и т. д. Такъ вотъ убѣжденія А. Н. Онъ имъ остался вѣренъ; онъ противъ эмансипаціи помѣщиковъ! Какъ же имъ не быть довольнымъ, но это грозитъ страшными бѣдствіями, народъ уже ждетъ свободы!

послѣ того такъ сильно укрѣпили и снабдили всѣмъ, отдаютъ теперь сами,—что это значитъ! На что это похоже? Дать врагамъ еще опорный пунктъ, съ котораго они могли бы дѣйствовать противъ насъ съ удвоенной силой! Одессу отдать—это значитъ отдать Бессарабію и Николаевъ и т. д. Гдѣ же, наконецъ, остановится эта манія все отдавать? И тутъ даже не Горчаковъ распоряжается, а Лидерсъ или лучше самъ императоръ съ своими тремя братьями. Что же они дѣлаютъ въ Николаевѣ? Что за роковое ослѣпленіе? Вотъ истинно гнѣвъ Божій! Куда стремится Россія, въ какую бездну? Что остановитъ ея паденіе? Объ этомъ извѣстіи еще не только не напечатано, но и говорится съ осторожностью.

Маменька пишетъ намъ еще какіе-то намеки, которые не менѣе насъ смутили и привели въ недоумѣніе. Что такое! неужели въ самомъ дѣлѣ пришло время внутреннихъ волненій и переворотовъ? Боже мой, духъ занимаетъ отъ всѣхъ этихъ предчувствій и ожиданій! Маменька пишетъ, Погодинъ чернѣе ночи... тоже... Сама маменька съ сестрами пріѣдетъ не прежде, какъ завтра и письмо привезетъ С. Маменьку задержало то обстоятельство, что книга отесенькина совсѣмъ процензурована, но пріѣхалъ министръ просвѣщенія и сочли нужнымъ ее показать ему —цензоръ просилъ маменьку подождать окончанія этого дѣла.—Боимся, что этотъ д... Норовъ не пропуститъ потому уже, что это Аксаковъ. Запретилъ же онъ изданіе *Охотничьяго Сборника*. Говорятъ, новый цензурный уставъ уже подписанъ государемъ, но здѣсь еще не введенъ. Крузе (цензоръ) очень обязателенъ, былъ самъ у маменьки два раза. Сколько толковъ, сколько догадокъ, волненія и возмущенія душевнаго возбудили всѣ вѣсти сообщенныя маменькой! Страшно становится, какъ подумаешь, что ожидаетъ насъ впереди. Господи, спаси и помилуй насъ среди всѣхъ этихъ треволненій! Огради насъ отъ грѣха, дай намъ, Господи, творити волю Твою, дай намъ познать грѣхи наши и покаяться! Очисти насъ Боже, и всю землю русскую!...

9 октября, воскресенье. Боже мой, вотъ и еще горестная вѣсть и оттуда, откуда меньше всего ее ожидали. Муравьевъ сдѣлалъ приступъ на Карсъ и отбитъ съ большимъ урономъ. Четверо изъ лучшихъ кавказскихъ генераловъ ранены, трое изъ нихъ тяжело. Одна надежда, одна свѣтлая точка была для насъ въ нашихъ войскахъ въ Азіи. Всѣ надѣялись на Муравьева и тогда, какъ положеніе Карса было уже такъ дурно, когда уже

вездѣ ожидали, что онъ скоро сдастся, Муравьевъ, безъ всякой приготовительной бомбардировки, дѣлаетъ приступъ, губитъ самое лучшее войско, которое прежде никогда не испытывало пораженія, которое въ настоящую минуту составляло всю нравственную и матеріальную опору Россіи. Боже мой, что это за несчастіе! Это окончательно насъ привело въ отчаяніе. Каково же это должно было подѣйствовать на сами войска наши; несчастные, которыхъ такъ безполезно губятъ ихъ безумные вожди.—По газетамъ же видно, что Карсъ сдался бы самъ, не дождавшись подкрѣпленій, если бъ только Муравьевъ подождалъ. Что съ нимъ сдѣлалось, право, я думаю, на него нашла одна изъ тѣхъ минутъ чудачества, или своего рода помѣшательства, о которыхъ намъ разсказывала Прасковья Андреевна Васькова. Меня и тогда испугали эти его особенности. Зачѣмъ смѣнили Бебутова, когда такъ хорошо шло при немъ? Все интриги, должно быть. До сихъ поръ не знаемъ, почему прошлаго года, когда Бебутовъ, разбивши всю турецкую армію, остановился предъ совершенно беззащитнымъ и неукрѣпленнымъ Карсомъ и не занялъ его. Разумѣется это онъ сдѣлалъ не вслѣдствіи своихъ соображеній, а, конечно, какихъ-нибудь распоряженій изъ Петербурга. Австрія испугалась, вѣроятно, нашихъ побѣдъ и завоеваній въ Азіи и потребовала отъ насъ и эту уступку! Возмутительно подумать о томъ, что сдѣлали съ Россіей въ это время, какъ погубили ее, къ чему привели ее постепенно, тогда какъ въ началѣ открывалось такое святое торжественное поприще, когда и въ матеріальномъ отношеніи положеніе ея было такъ выгодно и непреодолимо! И, конечно, только сама Россія могла погубить себя такъ. Никогда враги не могли бы этого сдѣлать. Врагъ нашъ, наша или все равно австрійская правительственная система, которой представителемъ,—и главнымъ звеномъ и силой,—Нессельроде, этотъ злодѣй и предатель Россіи!—Конечно, безъ воли Божьей все это зло не было бы допущено, если бъ не вызывали его наши безмѣрные вопіющие грѣхи, за которые мы теперь должны принять должную казнь для того, чтобъ очиститься и возродиться. О Боже, дай намъ силы выйти изъ этого огненнаго искушенія возрожденными, дай намъ силы покаяться и очиститься! Нѣсть грѣхъ побѣждающь милосердіе Божіе, но надобно почувствовать грѣхъ свой и невозвратно покаяться въ немъ, чтобъ уповать на милосердіе Божіе.

Признаюсь, на меня находитъ иногда сомнѣніе, которое пу-

гаетъ меня самою, возможно ли покаяніе для Россіи, не слишкомъ-ли уже далеко въ сердце проникла эта язва, возможно ли очищеніе, остались ли еще живыя силы для того, чтобъ сознать грѣхъ и почувствовать раскаяніе, для того, чтобъ возродиться!

Боже, у Тебя и силы, и исцѣленіе, и жизнь! Ты можешь все, неужели Ты дашь погибнуть народу, хотя заблудшему, но вѣрующему въ Тебя! Боже, обрати и помилуй! Но черезъ что, черезъ какія страшныя бѣдствія должно пройти, чтобъ достигнуть исцѣленія, послѣ такой порчи, страшно и подумать, воображеніе отказывается представить это будущее. Именно только тогда, когда каждое лицо почувствуетъ свои грѣхи, — только тогда возможно очищеніе, а для того, какія надобно бѣдствія, чтобъ каждое лицо отдѣльно выстрадало это покаяніе.—Вотъ предметъ неистощимый нашихъ современныхъ разговоровъ, которые выражаютъ только ту душевную боль, которую каждый изъ насъ носитъ въ душѣ своей. Особенно наводятъ ужасъ разсказы, такъ часто повторяющіеся, о томъ грабежѣ, воровствѣ, взяточничествѣ, которое такъ въѣлось въ русскую жизнь, такъ исказило понятія даже и честныхъ людей, о всѣхъ тѣхъ вопіющихъ неправдахъ, совершающихся ежеминутно, о всей той системѣ зла, которая царствуетъ во всемъ и опутываетъ всѣхъ, изъ которой нѣтъ исхода, для которой нѣтъ средствъ исцѣленія,—и всѣ частныя усилія поправить, только ухудшаютъ дѣло, и безнадежны. Одинъ Богъ можетъ спасти насъ!

У насъ былъ священникъ въ это время, и съ своей стороны, въ своемъ простомъ и грубоватомъ разсказѣ представилъ такую ужасную картину внутренняго производства дѣлъ въ Россіи.—Константинъ думаетъ, что свободное слово въ состояніи было бы искоренить зло; нѣтъ, мнѣ кажется, теперь этого недостаточно: только совершенный внутренній переворотъ, полная перемѣна всей системы можетъ вызвать новую жизнь, но во всякомъ случаѣ и теперь и послѣ свободное слово необходимо.

Сегодня получено письмо отъ Гриши, онъ и не думаетъ объ ополченіи, а оно уже назначено и врядъ ли ему можно будетъ избѣжать его. Мы боимся и за Константина, хотя по уставу ополченія онъ не можетъ быть даже выбираемъ потому, что нигдѣ не служилъ, но за недостаткомъ дворянъ въ Самарской, а особено въ Оренбургской губерніяхъ какъ бы не сдѣлали исключенія, сохрани Господи!—Получено письмо отъ Оленьки, она встревожилась, думая, что мы не переѣдемъ въ Москву.

Журналы иностранные полны описаніемъ всего, что найдено въ Севастополѣ и т. д.

Вторникъ 11 октября. На почтѣ было письмо отъ Оленьки, отъ Казначеева.

Оленька очень встревожила насъ извѣстіемъ, что дядя нанялъ домъ Живаго, который, если въ немъ нѣтъ духовыхъ печей, былъ самый удобный для насъ, но Оленька увѣрила дядю, что мы разсчитываемъ на домъ Ильинскаго, что она заключила по нашимъ письмамъ. Какъ теперь это устроить и не знаемъ! Маменька сама завтра поѣдетъ съ Константиномъ въ Москву.

Письмо Казначеева, отвѣтъ на письмо отесеньки, въ которомъ выражалось горячее сочувствіе его горю, у него сынъ раненъ въ шею пулею. Казначеевъ благодаритъ отъ души и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ съ такой покорностью и полной преданностью къ волѣ Божіей о томъ, что готовъ на все, что истинно остается только удивляться. Надобно быть истиннымъ христіаниномъ, чтобъ имѣть столько духовной силы. Казначеевъ сообщаетъ намъ еще невеселую вѣсть; Кинбурнъ, крѣпость, раззорена и сожжена врагами, какимъ образомъ все это было, неизвѣстно, всего вѣроятнѣе, что мы сами ее оставили. Вотъ и еще дали пунктъ имъ утвердиться, для того, чтобъ имъ удобнѣе было дѣйствовать противъ насъ. Казначеевъ пишетъ, что особенно жаль потому, что богатый Днѣпровскій край будетъ опустошенъ. Ходятъ слухи, (пишетъ Казначеевъ), что былъ второй приступъ, но не навѣрно. Нашъ царь распоряжается обстоятельно и т. д. Враги наши думали отвлечь наши силы отъ Горчакова, но ошиблись. Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ (предсѣдатель въ Палатѣ Казначейства въ Симферополѣ) спрашивалъ офиціально Горчакова, не время ли вывезти казну изъ Симферополя. Горчаковъ отвѣчалъ *вовсе не нужно.* Впрочемъ я вовсе не вижу изъ этого отвѣта, что-нибудь ободряющее, Горчаковъ и Керчь сдалъ, не предупредивши жителей, такъ и теперь: если онъ это дѣлаетъ и безъ злого умысла, такъ не менѣе того его распоряженія могутъ быть пагубны. Иностранные журналы говорятъ, что онъ самъ хочетъ уйти въ Симферополь, но Пелисье, конечно, нанесетъ ему прежде послѣдній ударъ; а между тѣмъ войска наши, именно гвардія, безпрестанно идутъ черезъ Николаевъ въ Крымъ и это все на жертву этому губителю Горчакову. О Боже! смилуйся надъ нами. Казначеевъ въ своемъ письмѣ старается и себя и насъ утѣшить, что фонды въ Англіи и Франціи упали, что

народы желаютъ мира, что, наконецъ, въ Парижѣ было возмущеніе, и Наполеонъ раненъ въ плечо; это послѣднее вѣроятно вздоръ, а если и правда, такъ плохое утѣшеніе. Наполеонъ имъ нуженъ и они будутъ за него держаться крѣпко.

Середа, 12 октября. Маменька и Константинъ поѣхали въ Москву. Дай Богъ, чтобъ все устроилось хорошо и на добро. Уже послѣ ихъ отъѣзда явился неожиданно бывшій камердинеръ гр. Толстого, Иванъ Петровичъ, возвратившійся по болѣзни и принесъ записочку отъ Ивана отъ 17 сентября еще, изъ Кіева. Въ этотъ день онъ долженъ былъ уѣхать, чтобъ нагнать свою дружину, выступившую еще прежде. Иванъ прислалъ намъ кіевскую просфору и коробо́къ кіевскихъ сухихъ конфектъ. Иванъ пишетъ, Горчаковъ объявилъ, что теперь начинается полевая компанія и стягиваетъ войска къ себѣ. „Ожидаю отъ Горчакова новыхъ глупостей или новыхъ несчастій". И, конечно, отъ Горчакова нечего другого и ожидать. Онъ истинный бичъ Божій для насъ. Господи, избави насъ отъ него и спаси наше несчастное войско! Пусть Горчаковъ наслаждается всѣми благами и почестями, только бы не имѣлъ онъ возможность губить наши войска. Нѣтъ, нѣтъ извиненія Александру Николаевичу, что онъ его оставляетъ на томъ же мѣстѣ и допускаетъ его губить и Россію и войска.— Какъ онъ самъ не откажется отъ начальства, видя неудачи свои, если бъ онъ былъ добросовѣстный человѣкъ и благонамѣренный, то, конечно, давно бы уже отказался, а теперь нѣтъ ему извиненія.

Четвергъ, 13 октября. Сегодня рано получили почту, она была богата разными вѣстями и частными и общими. Оленька присылаетъ записку Погодина, въ которой есть такія слова: ... [1]). Какъ ихъ объяснить? Что значитъ „союзное время"? Онъ пишетъ еще и объ Ермоловѣ, что онъ свѣжъ и бодръ и здоровъ, и какъ уменъ! Всего же удивительнѣе то, что на другой-третій день, послѣ присылки своей записки явился самъ къ Оленькѣ, спрашивалъ, когда пріѣдетъ кто-нибудь изъ деревни, былъ необыкновенно веселъ, шутилъ даже съ дядей и звалъ его въ клубъ и т. д. Тогда какъ постоянно въ послѣднее время онъ былъ страшно мраченъ. Политическія дѣла не лучше, а хуже, стало быть тутъ что-нибудь другое, вѣроятно онъ получилъ какія-нибудь добрыя вѣсти на счетъ себя, можетъ быть назначеніе на мѣсто, на которомъ онъ надѣется [принести пользу.

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ.

Къ Погодину приходили купцы и просили написать статью объ устройствѣ желѣзной дороги въ Индію изъ Оренбурга до нашихъ крѣпостей. Послѣ того вѣрно уже устроятъ желѣзную дорогу изъ Москвы въ Оренбургъ; какъ бы это было хорошо, весь край бы обогатился. Погодинъ сперва было отговорился незнаніемъ дѣла, но купцы привезли ему свои бумаги и упросили его составить статью. Погодинъ написалъ вродѣ шуточной статейки; говорятъ, и въ ней ввернулъ свой взглядъ и убѣжденія.— Оленька сообщаетъ депешу изъ Николаева, напечатанную въ Полицейской газетѣ. Эта депеша позднѣе тѣхъ, которыя напечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", полученныхъ сегодня. Изъ нихъ видно, что крѣпость взята или сдана послѣ страшной бомбардировки со всего флота. Николаевскую батарею мы сами взорвали, такъ что непріятель безпрепятственно прошелъ черезъ Лиманъ и въ Днѣпръ и въ Бугъ. Съ нашихъ полевыхъ батарей была открыта канонада и съ кораблей непріятельскихъ также; продолжалась часъ, и суда возвратились назадъ. Что-то будетъ! Все строятъ батареи. Государь ѣздитъ ихъ осматривать, а что будетъ пользы, увидимъ. Если непріятелю удастся сдѣлать высадку на Днѣпръ, то вѣрно онъ пройдетъ прямо къ Перекопу и можно ожидать, судя по всѣмъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ нашихъ начальниковъ, что Перекопъ будетъ взятъ, тогда Горчаковъ со всей арміей, и весь Крымъ будетъ въ ихъ рукахъ.— Пелисье что-то готовитъ въ тиши, не торопясь, а Горчаковъ сидитъ себѣ неподвижно и только посылаетъ отчетъ объ успѣшныхъ работахъ, дорогахъ и высадкахъ непріятеля.

Получено письмо отъ Кулиша съ просьбой денегъ по напечатанію второй біографіи Кулиша, которые отесенька обѣщалъ достать.

Письмо отъ М. Карт. съ важнымъ извѣстіемъ, касающемся ея лично. Еще письмо неожиданное отъ М. Самб. умное и прекрасное. Бѣдные, какъ они страдаютъ! У нихъ опять что-то произошло... Оленька сообщаетъ также объ одномъ страшномъ происшествіи, случившемся на-дняхъ въ Москвѣ. Какой-то купецъ получилъ посылку съ надписью: распечатать ее не иначе, какъ при свидѣтеляхъ. Онъ собралъ полицейскихъ чиновниковъ, стали распечатывать, ящикъ взорвало, и одинъ изъ нихъ погибъ, другихъ обожгло и т. д. Говорятъ, что это дѣло поляковъ или англичанъ, что за звѣрство отвратительное.

Въ пятницу, 14 октября получили мы письма отъ Трутов-

скихъ отчаянныя, положеніе сестеръ ужасно, Алексѣй Ивановичъ запретилъ имъ видаться съ Трутовскимъ... Что дѣлать, сами не знаемъ! что-то скажутъ послѣдующія ихъ письма.—Письмо большое отъ Ивана чрезвычайно интересное и замѣчательное. Онъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него за Кіевскимъ краемъ, что касается до природы, то она тамъ очаровательна, но люди... Положеніе крестьянъ православныхъ, принадлежащихъ полякамъ угнетающимъ ихъ сколько возможно и, потомъ, положеніе этихъ поляковъ въ отношеніи правительства (у нихъ отобраны даже охотничьи ружья), и всѣхъ русскихъ; внутренняя вражда поляковъ, скрываемая подъ подлой угодливостью или лестью; все это такъ тягостно, такъ насильственно, представляетъ такое безобразіе, которое возмущаетъ свѣжаго человѣка; впрочемъ безобразія такого довольно и по всей русской землѣ.

Въ субботу, 15 октября ждали мы Константина, но вмѣсто того прислана была подвода съ письмами, увѣдомляющими насъ, что Константинъ остался, потому что отесенькина книга еще не подписана, и кстати Константинъ хочетъ побывать на диспутѣ Гладкаго (профессора Ярославскаго лицея), который въ своей диссертаціи нѣсколько разъ ссылается на его статью о древнемъ бытѣ славянъ въ „Московскомъ Сборникѣ“. Это, конечно, очень пріятно. Клейнмихель, говорятъ,—прочь, и Киселевъ также. Всѣ оживились, радуются, какъ побѣдѣ, поздравляютъ другъ друга. На мѣсто его герцогъ Мекленбургскій и Чевкинъ. Константинъ очень хвалитъ Крузе, какъ самаго благороднаго, свободномыслящаго человѣка, и очень обязательнаго человѣка.

Воскресенье 16 октября. Мы съ Соничкой ѣздили къ ранней обѣднѣ; возвратившись, нашли уже почту, привезенную отъ Троицы. Писемъ никакихъ, только „Московскія Вѣдомости“ и „Journal de Francfort“. Объявленъ наборъ повсемѣстный кромѣ Малороссійской губерніи и Новороссійской... а въ Самарской и Оренбургской въ одно и то же время—ополченіе; такъ что съ тысячи выходитъ 33 человѣка. Ужасно, тягость страшная и сверхъ того чувство общее, хотя не всѣми сознаваемое, что всѣ эти жертвы даромъ приносятся, безъ пользы, что это одно только истребленіе людей безполезное. Какіе стоны и вопли раздадутся повсюду! Прошло время, когда всякій пошелъ-бы съ охотой, когда святая цѣль возвышала и облегчала всѣ жертвы. Извѣстія Горчакова извѣщаютъ подробно, какъ непріятель подвигается съ обѣихъ сторонъ около него, и, кажется, его очень интересуютъ

маневры непріятеля, которые клонятся къ тому, чтобъ захватить его въ западню. Часовъ въ 11 пріѣхалъ Константинъ. Слава Богу, у нихъ все хорошо! — Константинъ привезъ намъ очень много любопытныхъ извѣстій. Первая, главная и очень важная новость, что Клейнмихель отставленъ; это окончательно подтверждается, хотя и не напечатано еще. Радость общая поразительна, точно насталъ свѣтлый праздникъ Пасхи. Въ клубѣ, по полученіи этой вѣсти, спросили шампанскаго и пили, поздравляя другъ друга; говорятъ, къ нимъ попросили присоединиться нѣсколько инженеровъ и офицеровъ.

Разсказываютъ, что государь былъ пораженъ состояніемъ дорогъ особенно въ Перекопѣ, гдѣ дорога сдѣлалась просто рвомъ, и черезъ такія дороги должны проходить войска наши, со всѣми ихъ фурами, запасами. Была наряжена сейчасъ ревизія надъ Клейнмихелемъ и, наконецъ, недавно, въ присутствіи одного человѣка, который самъ это разсказывалъ, Клейнмихель получилъ письмо, прочтя которое, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ всѣмъ: „ну, господа, я вамъ болѣе не начальникъ“; просилъ въ тотъ же день нанять ему домъ, чтобъ къ вечеру уже переѣхать. И, говорятъ, онъ переѣхалъ въ домъ напротивъ государыни, которая одна за него и до сихъ поръ все препятствовала сыну его отставить; говорятъ, и за Бибикова она его преслѣдуетъ, пристаетъ къ нему съ жалобами, что онъ стѣсняетъ слугъ своего отца, и т. д. Бѣдный Александръ Николаевичъ, сколько ему надобно силы, чтобы преодолѣть всѣ эти препятствія, чтобъ при всей его любви и покорности воли матери производить хотя какія-нибудь перемѣны и преобразованія, необходимыя для блага своего народа. И что не уѣдетъ эта пруссачка въ свою Пруссію? Слава Богу, что государь, по крайней мѣрѣ, выѣхалъ изъ Петербурга, что онъ побывалъ въ Москвѣ, подышалъ другимъ воздухомъ, увидалъ другихъ, услыхалъ другія рѣчи, что, наконецъ, онъ въ Николаевѣ, на самомъ дѣлѣ увидитъ, въ какомъ положеніи дѣла, лицомъ къ лицу станетъ съ тягостными обстоятельствами Россіи, увидитъ близко всѣ злоупотребленія, всѣ нужды. И онъ ихъ уже начинаетъ видѣть и понимать; отставка Клейнмихеля уже тому доказательство, и точно, можетъ быть, оставаясь въ Петербургѣ, онъ не имѣлъ бы духу поступить такъ рѣшительно и теперь даже многіе не вѣрятъ, что это правда. Наряжена еще какая-то комиссія для слѣдствія надъ какимъ-то нѣмцемъ въ Николаевѣ, которой предсѣдателемъ—Константинъ Николаевичъ. Также при-

казано сдѣлать слѣдствіе, почему могли пройти враги черезъ проходъ у Керчи. Извѣстіе о Жабокрицкомъ совершенно подтвердилось. Онъ и еще нѣсколько человѣкъ сидятъ въ крѣпости за измѣну, и надъ ними производится судъ. Сколько этихъ злодѣевъ поляковъ размѣщено у насъ въ арміи вездѣ, и многіе изъ нихъ занимаютъ важныя мѣста для того, чтобъ ловчѣе только вредить. Государь, говорятъ, еще долго останется въ Николаевѣ, и дай Богъ, это ему очень полезно; другая жизнь, другіе люди его тамъ окружаютъ, — и это всѣ понимаютъ и радуются. Всѣ оживились и ободрились, особенно послѣ извѣстія объ отставкѣ Клейнмихеля, точно послѣ побѣды, и всѣ очень сознательно говорятъ, что это начинается побѣда надъ внутренними врагами, что важнѣе всякой другой и отъ которой зависятъ и внѣшнія. Вездѣ, гдѣ ни встрѣчаются другъ съ другомъ, первое слово „знаете-ли вы, что Клейнмихель отставленъ, поздравляю васъ"; всѣ свѣтлы и радостны, вездѣ говорятъ громко, и въ лавкахъ, даже съ незнакомыми, и на улицѣ. Купцы тоже, Константину пришлось говорить съ нѣкоторыми. Замѣчательно, однакожъ, какъ сильно сочувствіе къ великому князю Константину Николаевичу въ купцахъ и простомъ народѣ. Говоря въ книжной лавкѣ съ купцами объ этихъ же событіяхъ, причемъ купцы изъявили полное свое сочувствіе всѣмъ его словамъ, Константинъ сталъ хвалить государя. Одинъ купецъ сказалъ: ... *такъ, да и помощникъ то у него хорошъ*. Купецъ еще разсказалъ, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ хотѣлъ было ѣхать къ Троицѣ (а онъ особенно усерденъ къ Преподобному Сергію), но Ермоловъ сказалъ, что надобно спасать Севастополь, что лучше послѣ пріѣзжайте благодарить о побѣдѣ, и Константинъ Николаевичъ тотчасъ же уѣхалъ. Видно, что они всѣ добрыя и хорошія намѣренія государя приписываютъ великому князю Константину. И дай Богъ чтобъ государь съ братомъ постоянно находились въ добромъ союзѣ, тогда будетъ хорошо, но иначе—бѣда.—Константинъ говоритъ, что вообще слышится, что что-то движется, колеблется, поверхность какъ будто вздувается мѣстами; какъ-то всѣмъ свободнѣе, дышать легче.

Хоть бы теперь и цензура: отесенькина рукопись пропущена почти вся безъ помарокъ, то пропущено, что отесенька рѣшался даже уступить. Слава Богу, это такъ пріятно, что истинно не такъ тяжело и горько на душѣ отзываются наши другія неудачи.

Константинъ былъ у Крузе съ поправками, сдѣланными отесенькой. Крузе, котораго Константинъ очень хвалитъ, еще уменьшилъ исключенія, но посовѣтовалъ Константину съѣздить къ Назимову, потому что Назимовъ, можетъ быть, захочетъ послать всетаки къ министру рукопись, такъ какъ тотъ сказалъ уѣзжая: „Пришлите мнѣ рукопись“, но это въ такомъ случаѣ, если бъ отесенька не согласился на поправки. Константинъ былъ у Назимова, тотъ принялъ его очень ласково и тотчасъ же согласился не посылать рукописи, если Крузе беретъ на себя отвѣтственность. Назимовъ добрѣйшій человѣкъ, и Крузе говорилъ потомъ Константину:—„Я зналъ, что онъ вамъ не откажетъ, онъ никогда не отказываетъ“. Назимовъ, между прочимъ, говорилъ съ Константиномъ тоже о Клейнмихелѣ; онъ еще до сихъ поръ не можетъ повѣрить и боится предаться вполнѣ этой радости. Удивительно, какову надобно быть человѣку, чтобъ возбудить во всѣхъ, во всемъ государствѣ такое общее счастіе и радость своей отставкой. Чевкина всѣ очень любили какъ самаго честнаго и благонамѣреннаго человѣка, вполнѣ русскаго, даже славянофила. Крузе разсказалъ, какъ онъ пересматривалъ съ министромъ отесенькину рукопись. Разсказъ о бунтѣ учениковъ министръ было усомнился пропустить, но уступилъ скоро убѣжденію Крузе и даже прибавилъ, что самъ также бы поступилъ въ молодости. Насчетъ же славянофиловъ министръ самъ все пропустилъ, тогда ему Крузе сказалъ, что у нихъ, напротивъ, есть предписаніе не пропускать слова *славянофилъ*, на что ему министръ далъ почувствовать, что теперь *не то* время. И точно, видно были сдѣланы какія-нибудь распоряженія не стѣснять славянофиловъ. Каково было удивленіе Константина прочесть въ диссертаціи Гладкова печатно безпрестанно ссылки на свою статью *о древнемъ бытѣ славянъ* съ величайшими похвалами, тогда какъ еще недавно министръ самъ называлъ ее чуть не революціонной, и тогда какъ циркуляромъ было запрещено не только пропускать похвалы, но даже возраженія на нее, даже просто не позволено было ссылаться на нее. А теперь цѣлая диссертація, основанная на ней и печатно ее восхваляющая. Крузе сказывалъ, что было предписаніе, въ которомъ позволялось пропускать разсужденія о родовомъ бытѣ, но о бытѣ общинномъ, какъ объ революціонномъ, запрещалось.

Зиновьевъ увѣряетъ Константина, что министръ имѣетъ намѣреніе снять съ нихъ подписку, если это будетъ, то это

покажетъ окончательно намѣреніе нашего правительства, дай Богъ, какое это будетъ счастіе. Но какъ объяснить выходки министра въ разговорѣ съ Константиномъ? Тѣмъ развѣ, что въ головѣ у министра еще не все вдругъ уяснилось, онъ очень забывчивъ и вдругъ вспомнитъ старое впечатлѣніе и путаетъ все; или не написалъ ли ему Вяземскій что-нибудь вслѣдствіе письма Константина, а онъ Вяземскому очень довѣряетъ и находится, кажется, подъ его вліяніемъ. Вяземскій долженъ быть надняхъ въ Москву и Константину необходимо съ нимъ повидаться и откровенно переговорить.—Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, справедливо замѣчаніе, почему Вяземскій могъ написать такія стихи и такую статью о государѣ Николаѣ Павловичѣ; потому что, живя за-границей въ такое время, когда вездѣ слышались оскорбленіе и злоба противъ Россіи, и особенно противъ государя Николая Павловича, онъ слилъ въ одно въ своемъ впечатлѣніи Николая Павловича и Россію. Говорятъ, что за-границей нельзя слушать равнодушно брань на государя, хотя бы дома сами его бранили гораздо болѣе. Къ тому же надобно прибавить, что Вяземскій былъ дома въ такой ипохондріи, которая граничила съ сумасшествіемъ, и все это время проводилъ за-границей. Возвратясь же въ Петербургъ, онъ тамъ нашелъ чуть не поклоненіе государю Николаю. Къ тому же христіанская кончина государя Николая не могла не сдѣлать на него впечатлѣнія. Надобно надѣяться, что пріѣхавши въ Москву и услыхавши другія рѣчи, онъ пойметъ другой взглядъ. Вотъ еще замѣчательное и важное доказательство иного направленія. Князь Львовъ, который былъ отставленъ изъ цензоровъ за пропускъ сборника Тургенева, такъ что ему не позволено было служить, — теперь назначенъ цензоромъ. Каково! Говорятъ, ему предлагали другую должность, но онъ не хотѣлъ взять; за него многіе просили, и государь велѣлъ справиться, точно ли онъ не виноватъ и былъ ошибочно отставленъ; сдѣлали объ этомъ запросъ Назимову; тотъ очень благородно отвѣчалъ, что онъ по совѣсти убѣжденъ что Львовъ вполнѣ правъ и невинно былъ отставленъ. Погодинъ разсказывалъ Константину, что былъ недавно у Ермолова и нашелъ его бодрымъ и свѣжимъ и духомъ и тѣломъ и умомъ, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Ермоловъ называетъ поступокъ Муравьева (т. е. атаку Карса) просто безуміемъ, хотя вообще Ермоловъ любитъ и хвалитъ Муравьева. Истинно гнѣвъ Божій! Сколько ужасной гибели, и совершенно даромъ, и какихъ людей! Ермоловъ

говорилъ также о томъ, что вытерпѣлъ Меньшиковъ, будучи главнокомандующимъ въ Крыму, какъ его тамъ мучили и оскорбляли и не исполняли его требованій. Два раза посылалъ онъ своего адъютанта требовать подкрѣпленія (кажется передъ высадкой), на что ему государь отвѣчалъ: *Ты скоро будешь бояться своей тѣни!*—Каково было это принять. Но я всетаки увѣрена, что государь не могъ бы такъ быть увѣренъ въ невозможности высадки, еслибъ его не постарался въ этомъ убѣдить и поддерживать этотъ злодѣй и предатель Нессельроде.

Ермоловъ называетъ Пелисье нашимъ спасителемъ, потому что онъ, раздѣливъ свои войска и направивъ ихъ на разные пункты, лишилъ себя всякой силы и возможности дѣйствовать противъ насъ съ успѣхомъ. Въ Николаевѣ, говорятъ, ничего не будетъ, это только демонстрація пустая. Не знаю, вслѣдствіе ли распросовъ Погодина, но Ермоловъ ему сказалъ, что онъ самъ предлагать себя не будетъ, и что если ему предложатъ, то онъ будетъ отговариваться, что ему не подъ силу теперь, но что, если государь будетъ непремѣнно этого желать, онъ сочтетъ за долгъ согласиться.

Разумѣется, онъ приметъ начальство, и если Богъ благословитъ, то можетъ еще поправить сколько-нибудь наши дѣла, какъ они уже ни испорчены. Погодинъ сообщилъ Константину, что написалъ къ Дмитрію Оболенскому письмо объ Ермоловѣ, именно указывая на него какъ на главнокомандующаго, а Дмитрій Оболенскій перешлетъ это письмо къ Константину Николаевичу. Дай Богъ, чтобъ это удалось. Погодинъ имѣетъ теперь весьма большое значеніе и даже вліяніе; онъ получилъ недавно письмо отъ секретаря князя Долгорукаго (военнаго министра), писанное по порученію князя и отъ его имени, въ которомъ князь спѣшитъ поздравить Погодина съ огромнымъ успѣхомъ его статьи, которая нашла полное сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, и что это ему особенно пріятно сообщить и т. д. Что Долгорукій, который былъ противъ его статьи, пишетъ къ Погодину такое письмо, это такъ замѣчательно и удивительно, что не знаемъ, какъ объяснить. Конечно, вѣроятнѣе всего, что Долгорукій этимъ письмомъ хочетъ самъ себя оправдать передъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго значеніе можетъ быть они уже начинаютъ чувствовать. Особенно теперь, когда Клейнмихель долженъ упасть.

Хорошо если бъ и Долгорукаго прочь, но онъ, говорятъ, въ

полной силѣ. Пріѣхалъ изъ Севастополя Егоръ Оболенскій, братъ Андрея Васильевича. Константинъ, впрочемъ, его не видалъ, но Михаилъ и Юрій Оболенскіе ему сообщали его разсказы объ Горчаковѣ. Онъ отзывается *холодно*, какъ выразился Михаилъ Оболенскій. Онъ разсказывалъ анекдоты про его забывчивость, доходящую до крайности; человѣкъ вовсе безъ головы! И такому то человѣку ввѣрена не только честь, но вся судьба Россіи и жизнь сотни тысячъ людей! Это глубоко возмутительно. Егоръ Оболенскій, адъютантъ Остенъ-Сакена, и не одинъ изъ его адъютантовъ не былъ раненъ. Егоръ Оболенскій прибавляетъ, судите какъ хотите, но это фактъ. Остенъ-Сакенъ, отпуская своего адъютанта на мѣсто битвы, креститъ его и, отпустивши его, молится объ немъ самъ, когда идетъ на сраженіе, служитъ молебенъ, и по возвращеніи также.

Малахова башня была взята нечаянно, но, говорятъ, что Тотлебенъ нѣсколько ошибся, что сдѣлалъ сзади ея ровъ, который и послужилъ препятствіемъ для отбитія ея вновь нашими войсками. Воейковъ бросился въ него первый, чтобъ ободрить солдатъ и былъ первый убитъ, а за нимъ и почти всѣ начальники. Но когда овладѣли Малаховымъ курганомъ французы, произошелъ страшный взрывъ; много погибло, и французы бросились назадъ, но въ это время подоспѣли резервы, и Пелисье своихъ принялъ въ штыки и заставилъ вернуться. Ополченіе курское дралось отчаянно, но офицеры ополченія, говорятъ, разбѣжались.

Владиміръ Самаринъ, говорятъ, чрезвычайно храбръ. Солдаты скучаютъ по сѣверной сторонѣ, потому что тутъ началась правильная жизнь, ученье, и т. д. и говорятъ, что на южной сторонѣ жизнь была свободнѣе, вольнѣе и порціонъ вдвое, только бомбандировка. Говорятъ: „на сѣверной сильная позиція.“ — Михаилъ Оболенскій былъ у насъ и познакомился съ маменькой; онъ сказывалъ, что Самаринъ уѣзжалъ чрезвычайно грустенъ, онъ дѣлалъ прощальный обѣдъ, и Оболенскіе говорили, зачѣмъ Константинъ не пріѣхалъ, но Константинъ не зналъ заранѣе, когда Самаринъ былъ въ Москвѣ. Какъ грустно и тяжело вспоминать, что Самаринъ долженъ былъ идти въ ополченіе! Оболенскій сказывалъ, что великій князь Константинъ Николаевичъ говорилъ прежде, что не успокоится, покуда не завербуетъ Самарина къ себѣ, но Самаринъ рѣшительно отказался, онъ не хочетъ связывать себя службой.—Оболенскій очень хвалитъ Константина Николаевича и утверждаетъ, что всѣ слухи,

распространяемые о его дурномъ характерѣ и деспотизмѣ, совершенная клевета. Насчетъ государя Оболенскій говоритъ, что онъ очень слабъ и никогда бы не рѣшился отставить Клейнмихеля, если бъ былъ въ Петербургѣ. Михаилъ Оболенскій сказывалъ, что въ первое время послѣ Николая Павловича хотѣли его канонизировать! Почти невѣроятно, но въ Петербурѣ все возможно. Хорошо также и то, что было намѣреніе раздать всѣхъ казенныхъ крестьянъ въ частныя руки! Но, кажется, это отмѣнено. Также не очень пріятное извѣстіе о дозволеніи вывозить хлѣбъ изъ Крыму для Австріи; это значитъ давать нашимъ врагамъ возможность насъ истреблять и разорять.

Когда Константинъ былъ у Оболенскихъ, Михаилъ Оболенскій ему показывалъ *записки его отца*, найденные послѣ него, о которыхъ до сихъ поръ никто не зналъ. Отъ семейныхъ или его личныхъ записокъ осталось всего листа четыре; остальное должно быть, истреблено. Другія же касаются его служебнаго поприща и дѣятельности; тутъ много разсказовъ о Павлѣ, вполнѣ его характеризующихъ, чрезвычайно любопытныхъ; и семейныя его записки открываютъ всю его простую вѣрующую душу и чисто русскаго человѣка. Никто и не подозрѣвалъ, что Алекс. Петр. каждый день отдаетъ себѣ отчетъ не только въ событіяхъ своей жизни, но и во всѣхъ движеніяхъ души своей и строго ихъ разбираетъ и судитъ. Всѣ Оболенскіе удивительные люди: при всей, кажется, пошлости и пустотѣ своей жизни сохраняютъ все тотъ же миръ душевный и истинную доброту сердца.— Михаилъ Оболенскій былъ чѣмъ то при посольствѣ въ Вѣнѣ и сказывалъ Константину о томъ сочувствіи, которое славяне и вообще православные имѣютъ къ Россіи. „Я только ихъ не отталкивалъ, какъ другіе, и они меня чрезвычайно любили".

Константинъ давалъ ему читать свою записку, безъ письма разумѣется, и онъ пришелъ въ совершенное восхищеніе по своему. Онъ упросилъ Константина дать ему списать.— Шипову также давалъ читать Константинъ, и тотъ тоже вполнѣ доволенъ и согласенъ. У Казначеева Константинъ встрѣтился съ Кушниковымъ, котораго принялъ сперва за ополченнаго, но потомъ Кушниковъ объявилъ ему, что онъ такъ просто носитъ русское платье, и что не отпускаетъ бороду только по просьбѣ жены.

Кушниковъ разсказывалъ, какъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ благоговѣніемъ и любовью даже говорятъ по-

ляки о Назимовѣ за его добрые поступки въ Польшѣ. Вотъ еще весьма замѣчательная новость. Пріѣхавши въ Москву, Константинъ узналъ, что адъюнктъ Гладковъ изъ Петербургскаго университета будетъ защищать диссертацію, всю основанную на статьѣ Константина о родовомъ бытѣ, и потому онъ былъ на диспутѣ и познакомился съ Гладковымъ. Но какъ позволили печатно хвалить Константинову статью, это удивительно, тогда какъ министръ еще такъ недавно выразился о ней такъ неблагопріятно.

На этомъ дневникъ оканчивается. Онъ прерванъ переѣздомъ въ Москву. Сохранился еще клочекъ бумаги съ едва видными набросками карандашемъ слѣдующаго содержанія:

Вторникъ, 15 ноября [1855 г.]. Мы въ Москвѣ съ недѣлю. Переѣздъ въ Москву; политическіе разговоры. Впечатлѣніе первыхъ дней; пріятныя извѣстія семейныя. Политическихъ вѣстей почти никакихъ. Скоро проѣздъ государя, Москва. Путятинъ, его исторія. Константинъ Николаевичъ другой дорогой, его жена. Добрыя вѣсти о государѣ, его слова; я хочу думать. Посѣщеніе Крыма и арміи; восторгъ, простое обращеніе. Письмо Ивана объ ополченіи и т. д., неудовольствіе и пр. Строгановъ, адресъ ему. Письмо отъ Макарова (Кулиша), его книга въ рукописи. Базуновъ о книгѣ отесеньки. Новый журналъ Каткова; предложеніе его отвергнуто. Письмо отъ Маши Карташевской, нездоровье Тет. — Гости и покупки. Приказъ Горчакова. Рескриптъ. Ермоловъ, его разсказы, интриги противъ него; объ Лидерсѣ. Извѣстія объ Сѣвер. и Булье; объ статьѣ въ Библ., упомянуто объ Константинѣ. Крузе. Книга Кулиша. Погодинъ, Головинъ, Тотлебенъ, Мельниковъ, Чевкинъ, Клейнмихель. 14 милліоновъ долгу... Мы были 8-го ноября въ церкви. Пальчиковы; снѣгъ. Письма дяди и др. Газеты и журналы иностранные. Новое пораженіе подтверждается. Что-то впереди! Рѣчь Наполеона. Журналы, разсказы солдата и т. д. Мы были въ Кремлѣ, у Иверской. Еще не устроились.

Затѣмъ на трехъ послѣднихъ листкахъ тетради дневника записано, верхомъ внизъ, видимо продолженіе того, что набросано карандашемъ на клочкѣ бумаги, т. е. запись слѣдующаго дня: среда 16 ноября 1855 года, въ Москвѣ.

Среда, утро. Щепкинъ хотѣлъ прислать комедію, сказалъ, что будетъ Казначеевъ. Послѣ присутствія пріѣхали они съ Погодинымъ въ 6 час. утра. Послѣ него явилась Марія Ивановна; говорили о Воейковѣ, о Сумароковѣ. Мы завтракали—пріѣхалъ Самаринъ,—о Хомяковѣ, объ Ив., о Погодинѣ, объ слухахъ политическихъ; Казначеевъ пріѣхалъ,—Самаринъ сталъ прощаться, они говорили другъ съ другомъ. Самаринъ уѣхалъ. Казначеевъ посидѣлъ довольно долго; сердится, что сенаторовъ сдѣлали зависимыми отъ министра, что онъ сейчасъ бы поѣхалъ къ намъ, что теряетъ память, спрашивалъ кто изъ братьевъ сидѣлъ, разсказывалъ про Бернадота, про современный энтузіазмъ и т. д. Вечеромъ безъ меня были дѣти Хомякова, Хомяковъ, Воейковы. Мы сами ѣздили къ Елагинымъ, видѣли К. Ив., Павлову, Бартенева. Томашевскій разсказывалъ, что Редклифъ отсылается; Н. Арну—начальникъ надъ всѣми; визирь назначенъ, который за Россію; Решидъ-Паша будетъ смѣненъ. Можно предполагать мирную сдѣлку; Турція на все согласна, чего Россія требуетъ. Почему же и не быть такъ? Славяне будутъ жить въ Турціи, какъ у насъ иностранцы. Англичане въ Греціи не останутся (впрочемъ, должны очистить и французы). Турція все же не будетъ... Вѣна старается о Греціи... Австрія прилагаетъ дѣятельное участіе за насъ (зачѣмъ допустили союзъ Австріи съ Пруссіей? Король подписалъ, не зная самъ что, и потомъ смѣнилъ министра)—Въ газетахъ ужасныя ругательства; 40 № Лойда запретили. Одна прусская газета упоминаетъ о прибытіи государя за благословеніемъ своего тестя. Мы остановили движенія черногорскихъ и сербскихъ славянъ. Прокламація черногорскаго князя—фальшивая. Извѣстіе какого-то пріѣзжаго, будто бы захватили судно англійское съ 40 милліонами серебромъ. Силистрію вовсе не будутъ брать, а только обложатъ. Паскевича нѣтъ; при Силистріи командуетъ Лидерсъ и Хрулевъ. Въ вѣнской газетѣ пишутъ, что турокъ было 5 тысячъ, а нашихъ 2 кажется. Вообще вездѣ у насъ по горсточкѣ противъ большого количества. Войска еще идутъ на Дунай. Ошибки были сдѣланы давно (говоритъ Т.) теперь ихъ надобно поправлять. Меньшиковъ предлагаетъ идти на Константинополь, а Паскевичъ—на Вѣну, и не рѣшился государь. Возстаніе грековъ не подавлено. Америка еще медлитъ, но поможетъ. Флоты должны будутъ уйти, уговариваютъ Швецію, а Швеція не рѣшается, покуда англичане не начнутъ рѣшительныя дѣйствія, не сдѣлаютъ чего-нибудь значительнаго. Флотъ

французскій медлитъ соединиться съ англійскимъ; вообще французы что-то затѣваютъ и какъ бы англичанамъ не остаться въ дуракахъ. Наполеонъ началъ все дѣло изъ личной мести за отбитыхъ трехъ невѣстъ, за непризнаніе династіи и т. д. Мы щадимъ Францію во всѣхъ статьяхъ и т. д. Намѣренія наши водвориться на Балканахъ и занять всю Болгарію, запастись хлѣбомъ до зимы, а между тѣмъ приготовить славянъ къ военнымъ дѣйствіямъ—оружія нѣтъ. Пусть Франція и Англія сидятъ въ Турціи (говоритъ Том.), ихъ армія сама распадется черезъ годъ. Англичане желаютъ войны и желали всегда, а Наполеонъ нѣтъ. Австрія въ конвенціи постановила, чтобъ мы не переходили Балканы и не утверждались въ княжествахъ. Объ переговорахъ съ Сеймуромъ, объ недостаткѣ войска, приготовленій военныхъ, дѣло завязывалось само собой. Денегъ у насъ много въ монетѣ и въ слиткахъ къ тому же пожертвованія. Мы дома, если и потерпимъ пораженія и неудачи—поправимся, а у нихъ нѣтъ резервовъ. Защищаетъ Закревскаго, почту и т. д. Спросите у кузена, какъ все дѣлается. (Слова А. Ф. Томашевскаго).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ записной книжки В. С. Аксаковой.

Послѣдніе дни жизни Гоголя.

Напечатанныя въ журналѣ „Минувшіе Годы" (1908, іюль) замѣтки о послѣднихъ дняхъ жизни Н. В. Гоголя взяты изъ записной книжки Вѣры Сергѣевны Аксаковой. Объ отношеніяхъ Гоголя къ семьѣ Аксаковыхъ разсказано подробно С. Т. Аксаковымъ въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ" [1]. Въ числѣ матеріаловъ о Гоголѣ, тщательно сохраненныхъ въ аксаковской семьѣ и приведенныхъ С. Т. въ порядокъ для этой книги, находимъ выписку изъ письма Вѣры Сергѣевны къ матери Гоголя о послѣднихъ съ нимъ встрѣчахъ и нѣсколько строкъ о томъ же изъ письма къ С. Т. [2]. Сообщенія Вѣры Сергѣевны въ письмѣ къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь не расходятся, конечно, съ замѣтками въ ея книжкѣ, но замѣтки содержатъ много новыхъ и яркихъ подробностей; въ записной книжкѣ Вѣра Сергѣевна не стремилась къ сжатости и не руководилась соображеніями о томъ, какъ нѣкоторыя детали могли бы повліять на М. И. Гоголь.

Ред.

* * *

...*30 Января 1853 года.* Ровно годъ тому назадъ вечеромъ пріѣхалъ Гоголь къ намъ въ маленькій домъ, въ которомъ мы

[1] Отрывокъ изъ этой работы—въ 3-мъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій" С. Т. Аксакова; въ полномъ видѣ сочиненіе занимаетъ всю 8-ю книжку „Русскаго Архива" за 1890.

[2] Русск. Арх. 1890, т. II (№ 8), стр. 196—198.

жили [1]. Мы сидѣли въ отесенькиныхъ комнатахъ. Гоголь взошелъ и на нашъ вопросъ о его здоровьи сказалъ:

— Я теперь успокоился, сегодня я служилъ одинъ въ своемъ приходѣ панихиду по Катеринѣ Михайловнѣ; помянулъ и всѣхъ прежнихъ друзей, и она какъ бы въ благодарность привела ихъ такъ живо всѣхъ передо мной. Мнѣ стало легче.

На наши слова, что онъ не былъ на вчерашней церемоніи, онъ отвѣчалъ: „я не былъ въ состояніи" [2]. Вполнѣ помню, онъ тутъ же сказалъ, что въ это время ѣздилъ далеко.

— Куда же?

— Въ Сокольники.

— Зачѣмъ?—спросили мы съ удивленіемъ.

— Я отыскивалъ своего знакомаго, котораго, однако же, не видалъ.

Разговоръ, разумѣется, касался большею частью Хомякова. Гоголь спрашивалъ, сколько его женѣ было лѣтъ, и вдругъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— А вамъ сколько?

— Тридцать три—сказала я.

— А, такъ вы ровесница.

Гоголь въ самомъ дѣлѣ какъ-то былъ спокойнѣе.

1-го февраля,—это была пятница 1852 года—принесли намъ поутру корректуру „Ревизора", но, такъ какъ братья уѣхали въ деревню, я не знала, что съ ней дѣлать, и послала ее съ запиской къ Гоголю. Въ 12 часовъ утра онъ пришелъ самъ:

— Что значитъ,—я получилъ вашу записку, но не получилъ корректуру! Меня дома не было: я былъ у обѣдни; возвратившись, нашелъ записку, но безъ корректуры.

Насъ это очень удивило, и я боялась, чтобы не пропала корректура. Гоголь сказалъ, что самъ пойдетъ въ типографію и спроситъ. Сказалъ, что былъ въ церкви, потому что въ тотъ день совершалась поминальная служба (вмѣсто субботы, такъ какъ въ субботу приходился праздникъ Срѣтенія), хвалилъ очень

---

[1] Зиму 52 года семья Аксаковыхъ жила въ своей деревнѣ Абрамцевѣ, а для больной дочери Сергѣя Тимофеевича былъ снятъ въ Москвѣ маленькій домъ, въ которомъ жилъ съ ней постоянно кто-нибудь изъ семьи.

[2] Здѣсь говорится о смерти жены А. С. Хомякова, Екатерины Михайловны. Она была сестра поэта Н. М. Языкова, друга Гоголя. Смерть ея (26 января 1852 г.) сильно потрясла Гоголя. Хоронили ее 29 января.

свой приходъ, священника и всю службу. Я сказала, что сама была у ранней обѣдни, видѣла въ первый разъ Хомякова послѣ его горя, что не рѣшилась къ нему подойти.

— Отчего же, напрасно,—сказалъ Гоголь,—это не могло ему быть непріятно. Напрасно,—прибавилъ онъ,—Хомяковъ выѣзжаетъ, былъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и т. д.

— Да,—сказала я,—конечно, напрасно, многіе скажутъ, что онъ не любилъ жены своей.

— Нѣтъ, не потому—возразилъ Гоголь,—а потому, что эти дни онъ долженъ былъ бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные. Онъ долженъ былъ бы читать теперь псалтирь, это было бы утѣшеніемъ для него и для души жены его. Чтеніе псалтири имѣетъ значеніе, когда читаютъ его близкіе, это не то, что раздавать читать его другимъ.

Говорили о М. А. [1], о которой онъ очень жалѣлъ, что такая старая женщина не возбуждаетъ ни въ комъ къ себѣ расположенія, а всѣхъ раздражаетъ. Много говорили о впечатлѣніи, производимомъ смертью на окружающихъ; возможно ли было бы съ малыхъ лѣтъ воспитать такъ ребенка, чтобъ онъ всегда понималъ настоящее значеніе жизни, чтобъ смерть не была для него нечаянностью и т. д. Гоголь сказалъ, что думаетъ, что возможно. Тутъ я сказала, какъ ужасно меня поразило это впечатлѣніе и какъ все тогда перевернулось у меня передъ глазами.—Гоголь вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

Въ это время пріѣзжалъ Оверъ [2], я пошла его провожать къ Оленькѣ, онъ оттуда прошелъ прямо и сказалъ мнѣ: „Несчастный!“

— Кто несчастный?—спросила я, не понимая,—да вѣдь это Гоголь!

— Да, вотъ несчастный!

— Отчего же несчастный?

— Ипохондрикъ, не приведи Богъ его лечить, это ужасно!

— У него есть утѣшеніе,—сказала я,—онъ истинно-вѣрующій человѣкъ.

— Все же несчастный,—повторилъ Оверъ [3].

---

[1] Мать А. С. Хомякова.

[2] Знаменитый московскій докторъ.

[3] Объ Оверѣ писала Вѣра Сергѣевна отцу въ Абрамцево: „Сегодня Оверъ удивилъ насъ своими разсужденіями о Гоголѣ. Какъ могъ онъ такъ истинно по-

Я возвратилась къ Гоголю, онъ въ это время сидѣлъ съ Наденькой, мы продолжали кой о чемъ говорить, предложили ему завтракать, онъ отказался. Онъ былъ постоянно веселъ, или скорѣе, свѣтелъ какъ-то и душой и лицомъ, намъ было отрадно его видѣть такимъ, и ни тѣни безпокойства на его счетъ не входило къ намъ на умъ. День былъ ясный, солнечный, провожая его, я сказала ему шутя:

— Вы сегодня не работали?

— Нѣтъ.

— Ну,—сказала я,—вы погуляли, теперь вамъ надобно поработать.

Онъ такъ свѣтло улыбнулся на эти слова.

— Да, надобно бы, но не знаю, какъ удастся, моя работа такого рода—продолжалъ онъ говорить, уходя и надѣвая шубу,— что не всегда дается, когда хочешь.

Мы проводили его до передней и простились дружески.

3 февраля 1852 года въ воскресенье утромъ я была дома, когда пришелъ Николай Васильевичъ.

— Я пришелъ къ вамъ пѣшкомъ прямо отъ обѣдни,—сказалъ онъ,— и усталъ.

Въ его лицѣ точно было видно утомленіе хотя и свѣтлое, почти веселое выраженіе. Онъ сѣлъ тутъ же въ первой комнатѣ на диванѣ. Опять хвалилъ очень священника приходскаго [1] и всю службу. Я сказала, что въ этой церкви вѣнчались отесенька и маменька.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну такъ скажите вашей маменькѣ, ей будетъ пріятно знать, что тамъ совершается такъ хорошо служба.

Я сообщила ему извѣстіе изъ деревни, что на другой день долженъ былъ пріѣхать братъ.

— Ваши братья скачутъ, какъ англійскіе курьеры въ чужихъ краяхъ, только и знаютъ, что ѣздятъ взадъ и впередъ (сколько лишнихъ хлопотъ). Вчера,—прибавилъ онъ,—получилъ я записку отъ Ольги Федоровны [2]. Какая-то безтолковая, она звала меня

нять его и то, какъ должны были бы поступать съ нимъ друзья! Даже слишкомъ было больно слышать, что теперь... нельзя исправить. Но видно такъ Богу угодно, таковы судьбы Божіи и для Россіи. Но грустно, грустно... И никого близкихъ изъ нашихъ не было около него". Русск. Арх. 1890, II (8), стр. 196.

[1] Это былъ от. Алексѣй Соколовъ, скончавшійся въ девяностыхъ годахъ въ санѣ протопресвитера храма Христа Спасителя.

[2] Ольга Федоровна Кошелева.

обѣдать, у ней долженъ былъ быть М. М. Нарышкинъ [1], только написала такъ, что я не вдругъ догадался, когда она меня звала, и уже было поздно, я обѣдать бы и безъ того не могъ идти, но послѣ пришелъ бы повидаться съ Нарышкинымъ.

— Что вы дѣлали эти дни?—спросила я его.

— Зачѣмъ вамъ?—сказалъ онъ.

— Были ли вы у Хомякова?

— Нѣтъ еще, не былъ.

Мнѣ кажется, ему слишкомъ было тяжело къ нему ходить; опять говорили мы о значеніи чтенія псалтири. Я спросила его о корректурѣ; онъ сказалъ, что самъ былъ въ типографіи и все устроилъ; говорили о печатаніи „Охотничьихъ Записокъ" [2]. Я сказала, что очень тихо идетъ.

— Вы бы сами держали корректуру,—сказалъ онъ.

— Не умѣю.

— Да это вовсе нетрудно, стоитъ только выучиться этимъ знакамъ, я вамъ сейчасъ покажу, дайте мнѣ какую-нибудь книгу.

Я подала ему „Москвитянинъ"; онъ досталъ свою карманную книжку, вынулъ оттуда карандашъ, развернулъ журналъ и показалъ примѣрно нѣсколько знаковъ. Въ это время воротилась Наденька, я ей сообщила полученныя извѣстія и что ей предстоитъ скоро ѣхать въ деревню.

— Да,—прибавилъ Гоголь,—вы и не знаете, а вамъ уже назначенъ маршрутъ.

Я сказала, нельзя ли устроить какъ-нибудь намъ пѣсни, а Гоголь сказалъ:

— Когда же? уже лучше на масляницѣ.

— На масляницѣ Наденька [3], можетъ быть, уѣдетъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ—прибавилъ Гоголь, но тѣмъ разговоръ объ этомъ кончился. Я попросила перейти въ другую комнату, сообщила Наденькѣ корректурные знаки, которымъ училъ меня Николай Васильевичъ. Онъ же самъ прибавилъ, что совѣтовалъ бы намъ заняться этимъ, что за это можно даже деньги получать, что онъ нанимаетъ теперь корректора и платитъ ему за одинъ томъ 100 руб. (кажется, за вторую коррек-

---

[1] Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ—декабристъ, возвращенный въ то время изъ Сибири.

[2] Это—„Записки ружейнаго охотника" С. Т. Аксакова.

[3] Одна изъ сестеръ, которая имѣла голосъ и пѣла подъ руководствомъ Гоголя малороссійскія пѣсни, что онъ очень любилъ.

туру). Мы разспрашивали его о печатаніи его сочиненій, какъ оно идетъ; онъ говоритъ, что онъ роздалъ въ разныя типографіи, что идетъ довольно медленно, что ему мѣшаютъ. Мы звали его приходить къ намъ съ корректурой и у насъ ее поправлять, онъ обѣщалъ, и такъ мы простились.

4 февраля (1853 года) я сидѣла въ нашей маленькой гостиной съ Митей Карташевскимъ [1] (братъ Константинъ, Митя и Любенька только что пріѣхали изъ деревни, самоваръ былъ на столѣ). Мы говорили, очень живо, о Карташевскихъ. Передняя комната была темна, портьерка въ нее поднята, я услышала чьи-то шаги, но не обратила въ первую минуту на то вниманіе, думая, что это братъ. Шаги приблизились, я обернулась,—то былъ Гоголь; я ему обрадовалась чрезвычайно: вовсе его не ожидала. Онъ спросилъ, пріѣхалъ ли братъ, и, узнавъ, что онъ у Хомякова, сказалъ, что самъ туда зайдетъ; спросилъ меня о здоровьи, такъ какъ наканунѣ я была нездорова. Усѣлся въ углу дивана, разспрашивалъ о томъ, о другомъ, въ лицѣ его видно было какое-то утомленіе и сонливость. Кошелева прислала звать насъ съ Наденькой къ ней, я ему предложила ѣхать туда же.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу, мнѣ надобно зайти еще къ Хомякову, а тамъ домой, я хочу пораньше лечь. Сегодня ночью я чувствовалъ ознобъ, впрочемъ, онъ мнѣ особенно спать не мѣшалъ.

— Это, вѣрно, нервный,—сказала я.

— Да, нервное—подтвердилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ.

— Что же вы не пришли къ намъ съ корректурой?—спросила я.

— Забылъ, а сейчасъ просидѣлъ надъ ней около часу.

— Ну въ другой разъ приносите.

Но этому другому разу не суждено было повториться! Гоголь просидѣлъ не долго, простился, по обыкновенію подавши намъ руку на прощанье, и ушелъ. Это было послѣднее свиданіе. Какъ нарочно, я не пошла его провожать далѣе, потому что собиралась ѣхать. Ничто не сказало мнѣ, что болѣе его не увижу.

Мы всѣ были поражены его ужасной худобой. „Ахъ, какъ онъ худъ, какъ онъ худъ страшно“,—говорили мы...

---

[1] Двоюродный братъ В. С. Аксаковой.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.